прошу

Пр. 2010

753567

28343
М

Думы журналиста

11310

МИХ. ЛЕМКЕ

ДУМЫ ЖУРНАЛИСТА

НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА
Вас. Остр., 3 л., д. 10

1903

(09)

002
Л 444

3237

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного университета
г. Свердловск

753567

Посвящается памяти

незабвенно-великаго

Виссаріона Григорьевича

Бѣлинскаго.

«Паче всего люби родную литературу и званіе литератора предпочитай всякому другому».

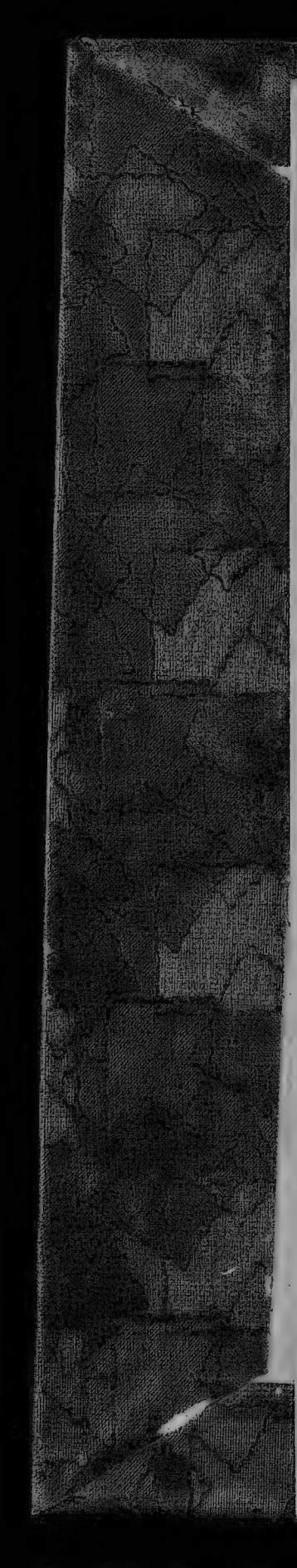
Салтыковъ.

«Я очень цѣню и размышленія г. Мережковскаго о символистахъ, и взгляды г. Спасовича на Гёте, но, признаюсь, одинъ маленькій рефератъ о литературной чести съ иллюстраціями изъ русской дѣйствительности я прослушалъ бы съ бо̀льшимъ удовольствіемъ».

Михайловскій.

«Рисуютъ тѣни, свѣта никогда не рисуютъ».

Берне.



Не надо быть особенно наблюдательнымъ и обладать выдающейся способностью дѣлать обобщенія, чтобы не замѣтить одной черты, общей всей русской журналистикѣ. Это — почти полное игнорированіе условій и обстановки ея собственной современной дѣятельности. Нѣсколько статей о statu quo цензуры и свободѣ печати, нѣсколько статей, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ и единичнымъ фактамъ сложной жизни журналистики—вотъ все, что пока у насъ есть. Широкаго освѣщенія этой жизни, вдумчиваго анализа очень разнообразныхъ нуждъ и потребностей журналистики, ея болѣзней и язвъ, разоблаченія того закулиснаго міра, который скрывается за нѣкоторыми печатными листами—ничего этого почти нѣтъ, особенно въ сколько-нибудь систематизированномъ, обобщенномъ видѣ. Мало ли, много ли, но мы говоримъ обо всемъ, о чемъ еще *можемъ* говорить—и это, конечно, наша громадная заслуга,—молчимъ же *добровольно* только о журналистикѣ, о самихъ себѣ, о своей собственной рубашкѣ. Неужели потому, что послѣдняя не такъ близка къ нашему тѣлу? Неужели не о чемъ говорить? Можетъ быть, неинтересно? Или безполезно?

Разумѣется, на всѣ эти и другіе аналогичные вопросы можно и должно отвѣчать только отрицательно. Какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ

его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, что ставится выше нея». Этимъ словамъ Чернышевскаго полвѣка, но мы все еще не усвоили ихъ достаточно твердо. Журналистика — такая крупная и значительная область культурной жизни личности и общества; такое всеобъемлющее, по своей идеѣ, проявленіе умственной, нравственной и гражданско-политической ихъ зрѣлости; такое колоссальное средство для поднятія въ человѣкѣ интересовъ не только своей собственной колокольни; такое, наконецъ, громадное, по вкладываемымъ въ него силамъ свободныхъ интеллигентныхъ людей, дѣло, что ея нужды и интересы не могутъ не быть нуждами и интересами всего общества, а ея болѣзни и язвы должны побуждать каждаго члена общества стремиться къ ихъ излѣченію. Лѣчить журналистику значитъ лѣчить общественную жизнь, значитъ создавать болѣе нормальныя условія проявленія общественнаго мнѣнія. А въ послѣднемъ-то и самое важное значеніе журнализма. По совершенно вѣрному замѣчанію Б. Чичерина, — «нѣтъ болѣе могущественнаго орудія для образованія общественнаго мнѣнія. Серьезныя книги вообще не читаются массой; добытые ими результаты нужно размѣнять на мелкую монету, чтобы сдѣлать ихъ доступными огромному большинству людей. Это — одна изъ задачъ журнализма. Онъ распространяетъ политическую мысль въ краткой и общепонятной формѣ посредствомъ безпрерывнаго повторенія, что всего сильнѣе дѣйствуетъ на обыкновенные умы. Доставляя публикѣ ежедневную пищу, онъ дѣлаетъ политическіе интересы насущною потребностью общества. Книги выходятъ рѣдко, читаются и часто забываются; журнализмъ поддерживаетъ постоянное участіе къ дѣлу, постоянное напряженіе мысли. Наконецъ, при непрерывномъ теченіи дѣлъ онъ одинъ можетъ соединить разсѣянныя сужденія въ общее направленіе. Особенность нашего вѣка и отличіе его отъ всѣхъ предыдущихъ историческихъ эпохъ ни въ чемъ не проявляются такъ ярко, какъ въ чрезвычайномъ развитіи журнализма. Имъ массы призываются къ умственной дѣятельности; посредствомъ него мысль проникаетъ всюду, быстро облетая не только цѣлую страну, но

и противоположные концы міра. Здѣсь является возможность такого общаго возбужденія и такого совокупнаго дѣйствія общественныхъ силъ, какъ ни при какихъ другихъ условіяхъ» [1]).

Но и я не ставлю своей цѣлью всестороннее, всюду вскрывающее самую подоплеку явленій и вопросовъ изложеніе. Я ограничиваюсь своимъ собственнымъ опытомъ, собственными внимательными наблюденіями, своими мыслями. Моя работа не есть, разумѣется, характеристика *всей* печати, мои впечатлѣнія субъективны. И, все-таки, я думаю, что она прольетъ, свѣтъ на очень и очень многое. Предвижу, что нѣкоторыми господами мнѣ будутъ дѣлаться упреки за выметаніе сора изъ литературной избы, но развѣ есть такой соръ и такая изба, которыхъ бы не слѣдовало разлучать? Тѣмъ, кто будетъ возражать наличностью свѣтлыхъ явленій, — а ихъ много, къ счастью!—отвѣтитъ прежде всего одинъ изъ эпиграфовъ.

Впрочемъ, такъ какъ эти слова Берне являются краткимъ выраженіемъ самаго метода моей работы, я готовъ дать имъ болѣе подробное объясненіе. Передъ человѣкомъ, собравшимся говорить о нашей журналистикѣ, лежатъ двѣ ея неравныя области: положительная и отрицательная. Полный ея обзоръ, всесторонняя характеристика не могутъ быть совмѣщены съ концентрированіемъ вниманія на одной изъ областей. Ну, а если не полный? Тогда, разумѣется, одна изъ нихъ: или шуйца, или десница. Имѣетъ-ли, однако, журналистъ на это право? По-моему, да. Врачъ лѣчитъ больного, съ здоровыми ему дѣлать нечего. Каждый журналистъ, становясь въ положеніе публициста по любому вопросу окружающей его жизни, все свое вниманіе обращаетъ на то, что требуетъ измѣненій, поправокъ, реформъ, и если онъ не того пресловутаго литературнаго толка, который, выискавъ «свѣтлыя явленія», старается вызвать и «бодрящія впечатлѣнія»,—онъ никогда не занимается славословіемъ существующаго, ему и безъ того работы по горло. Что хорошо, то вполнѣ нормально для прогрессирующей общественной жизни, и говорить о немъ значитъ ломиться въ открытую дверь. Обществу, по крайней мѣрѣ, такая работа не

[1]) «О народномъ представительствѣ», 1899 г., 656.

нужна: оно само видитъ хорошее и всегда само умѣетъ его оцѣнить. Впрочемъ, пусть даже такое объясненіе своихъ обязанностей неправильно,—но оно традиціонно, и не одинъ изъ журналистовъ иначе не поступаетъ. Почему же поступить не такъ тому, кто въ качествѣ объекта своего изслѣдованія беретъ самое журналистику, какъ одну изъ крупнѣйшихъ областей общественной жизни? Публицисты «недѣлинскаго» толка понесли уже достаточное осужденіе, къ ихъ способу работы уже никто не прибѣгаетъ, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь систематически. Наконецъ, можно ли серьезно говорить о томъ, что кто-либо изъ насъ, журналистовъ, не въ правѣ избрать лишь ту или другую область жизни, одну ея сторону? Важно только, чтобы это не прикрывалось «всесторонностью». Свобода — необходимое условіе честной работы. Пусть кто-нибудь другой возьмется за «свѣтъ»; по-моему, повторяю, это обществу *сейчасъ* не нужно. Солнце ничѣмъ не освѣтишь. Публицистъ—врачъ, печать—клиника. Обоимъ съ здоровыми дѣлать нечего. Здоровые живутъ внѣ лѣчебницъ и больницъ.

Если въ моей книжкѣ читатель не найдетъ «свѣтлыхъ явленій» и не получитъ «бодрящихъ впечатлѣній», то это, конечно, далеко не значитъ, что они отсутствуютъ въ жизни русской журналистики. Нѣтъ! Съ гордостью, съ полнымъ правомъ, совершенно открыто русское общество можетъ и должно высоко цѣнить—и развѣ не цѣнитъ!?—лучшую часть нашей журналистики, лучшихъ, свѣтлыхъ ея дѣятелей. Общество не можетъ забыть и, разумѣется, не забудетъ, что она дала ему и даетъ каждый день съ надеждой всегда продолжать свою не легкую работу, съ твердымъ и сильнымъ желаніемъ, несмотря на массу тормозовъ и неодолимыхъ препятствій, претворять ее въ необходимое условіе общественнаго прогресса. Больше — только существованіе такой именно доблестной, стоящей на славномъ посту печати и можетъ стимулировать каждаго, борющагося съ другой ея частью. *Борьба эта и серьезна, и цѣлесообразна, и своевременна именно потому, что у насъ есть не только идеалъ честной журналистики, но и его посильное реальное осуществленіе.*

Я предвижу одно снаружи какъ будто и вѣское возраженіе о несвоевременности моихъ записокъ, когда приходится, де, быть лежачаго и т. д. Но эта несвоевременность только кажущаяся.

Во-первыхъ, подъ вліяніемъ всего происходящаго уже не первое десятилѣтіе, я далеко не такъ оптимистически настроенъ, чтобы думать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ журналистика сможетъ не только встать, но даже просто присѣсть, слегка приподняться. Нужно понять, что ея лежачее положеніе должно быть признано условіемъ sine qua non ея теперешняго и сравнительно продолжительнаго будущаго существованія. А разъ такъ, то, вѣдь, лежать обязательно для всѣхъ. Почему же одни изданія и журналисты лежатъ въ грязи, другіе—на чистомъ пескѣ, третьи—на свѣжей травѣ?... Такъ пришлось? А не потому-ли, что каждый упалъ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ или сидѣлъ?... Не потому-ли, что часто и безъ воздѣйствія «сторонніхъ» обстоятельствъ хотѣлось лежать именно въ вонючемъ болотѣ?! По моему, да. Для поясненія позволю себѣ перефразировать суворовскую поговорку: «разъ стороннія обстоятельства, два раза стороннія обстоятельства, помилуй Богъ! надо же когда-нибудь и немножко своего собственнаго ...

Во-вторыхъ, все содержаніе книжки совершенно ясно подчеркнетъ, о *какой* части журналистики я говорю, о *какихъ* ея грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ. Пусть прочтя ее, а не то, чего въ ней нѣтъ, скажутъ мнѣ, что я взвалилъ на *всю* журналистику чужую вину, заставляю ее отчитываться собственными боками за чужіе кулаки. Эта сторона мнѣ кажется выясненной достаточно, если и не вездѣ одинаково рельефно. Жить такъ, какъ мы живемъ сейчасъ, повторяю, по-моему, намъ придется не одинъ годъ, а потому замалчивать жизнь извѣстной части журналистики несправедливо именно передъ обществомъ. Когда послѣднее живетъ при наличности полной свободы слова, оно не такъ нуждается въ освѣщеніи быта печати, какъ при отсутствіи этой свободы. Общество въ правѣ, оно должно требовать отъ журналистики всей той высокой службы, которая еще совмѣстима съ ея юридическимъ положеніемъ. Прикрываясь совер-

шенно искренно несвоевременностью, мы можемъ дойти—я въ этомъ глубоко убѣжденъ—до того состоянія, когда уже невозможны станутъ никакія поправки и улучшенія.

Я почти не буду касаться такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ, потому что очень мало знаю ихъ внутреннюю жизнь, въ моихъ воспоминаніяхъ они не занимаютъ виднаго мѣста. Это, конечно, не значитъ, что по пути я не затрону многихъ вопросовъ, общихъ газетамъ и журналамъ. Насколько легко раздѣляются эти два міра наружно, настолько тѣсно они связаны общностью сотрудниковъ и многими принципіальными сторонами. Я исключаю только тѣ вопросы и явленія, которые нужно считать специфической принадлежностью «толстыхъ» журналовъ.

Не могу, наконецъ, не сдѣлать еще одного замѣчанія.

Современное интеллигентное общество справедливо не смотритъ уже на русскую печать вообще, въ частности на газеты, поставленныя въ нынѣшнія политическія условія ихъ существованія, какъ на одно изъ радикальныхъ средствъ для совершенствованія существующаго порядка вещей. Въ данный моментъ оно просто не видитъ возможности такой роли для печати. И, что особенно важно — это общественное убѣжденіе не есть результатъ недовѣрія или неуваженія къ русской печати настоящаго вообще. Нѣтъ, такое убѣжденіе сложилось, особенно за послѣдніе годы, совсѣмъ по другимъ причинамъ, благодаря которымъ, дѣйствительно, роль, особенно газетъ, сведена теперь почти исключительно къ черной работѣ.

Но слѣдствіемъ такого, повторяю, справедливаго, взгляда на печать явилось часто индифферентное отношеніе къ тѣмъ или къ другимъ, часто общественнаго характера, недостаткамъ періодическихъ изданій и ихъ представителей. И вотъ тутъ-то, по моему, обидная ошибка перспективы.

Совершенно вѣрно, всей совокупностью условій, подъ натискомъ и ударами которыхъ печати, какъ биллiардному шару, приходится ударяться своими боками о различные борты стола, она, сильно изувѣченная, поневолѣ обратилась на путь черной

работы; но, вѣдь, послѣдняя, все-таки, и очень серьезна, и очень почетна, и очень отвѣтственна.

Серьезна потому, что, какъ подробнѣе будетъ выяснено дальше, русская газета сплошь и рядомъ—школа. Почетна потому, что создавать кадры будущаго умственнаго, нравственнаго, а слѣдовательно, и общественнаго обновленія задача, несомнѣнно, крайне высокая. Отвѣтственна потому, что политически-общественное просвѣщеніе и воспитаніе массъ налагаетъ на просвѣтителей очень много обязанностей, изъ которыхъ едва ли не первая — ихъ собственная интеллектуально-этическая высота, политическая зрѣлость и подготовленность.

А все это, конечно, не только можетъ, но и должно возбуждать въ обществѣ безусловное и неослабѣвающее вниманіе къ печати, какъ къ выполнительницѣ такихъ важныхъ для настоящаго и будущаго цѣлей. Не смотрѣть на современную русскую газету, какъ на существенный факторъ общественнаго прогресса, все-таки, никакъ нельзя, если только господствующее въ обществѣ понятіе сущности этого послѣдняго правильно. А разъ такъ, то общество обязано настойчиво требовать отъ дѣятелей печати всего, безъ чего немыслимо именно такое ея значеніе. Одно дѣло — не считать печать передовымъ и сильнымъ бойцомъ дня, другое — непростительный индифферентизмъ къ ея невольно болѣе скромной, по наружному эффекту, работѣ.

Я совсѣмъ не поклонникъ кислосладкой теоріи «малыхъ дѣлъ» и поставленное выше свое убѣжденіе мотивирую совершенно не на ея почвѣ. Какъ бы то ни было, но и современная печать есть единственный путь для открытаго выраженія хоть части общественнаго мнѣнія. Ну, а не слѣдить за выраженіемъ его общество не можетъ, не въ правѣ. Индифферентизмъ, какъ результатъ чувства неудовлетворенности передовыхъ рядовъ интеллигенціи современной печатью—гибеленъ для той колоссальной массы, съ которой нѣкоторая часть печати бесѣдуетъ безъ широкаго общественнаго контроля и вліянія.

Эти-то послѣднія соображенія, главнымъ образомъ, и побуждаютъ меня взяться за посильное освѣщеніе нуждъ и злобъ журналистики, чтобы постараться обратить на нихъ общественное вниманіе.

I.

Редакція газеты «Степной Край» въ полномъ составѣ оставляетъ газету, не имѣя возможности работать при существующихъ условіяхъ. Просимъ другія редакціи перепечатать это письмо».

Антидъ-Ото, М. А. Вернъ, Г. Германъ-Сибирякъ (Г. И. Николаевъ), Е. П. Добровольскій, Игла, Котовичъ, В. Кычатый, Т. Марковичъ, Машковъ, В. Д. Митричъ (Соколовъ), Т. Павловичъ, Петрованъ, В. Простый, Т. Сергѣевъ, Сибирскій, Слово, Самойловичъ, Н. Степнякъ, С. Ч—въ, Ефимъ Янтаревъ, Ульевъ, Верстаткинъ, Нечай и др.

«*Спб. Жизнь.*»

По мѣрѣ пріобрѣтенія наблюденій и опыта каждому, по-моему, становится ясно, что первая и главная причина многихъ отрицательныхъ сторонъ въ жизни того или другого изданія—общее всей печати юридическое положеніе. Эта мысль до того проста и элементарна, что позволяетъ обходить какія-либо ея доказательства. И, конечно, бѣгло вспоминая все то, что мнѣ пришлось видѣть и испытать, я еще тверже, чѣмъ читатель, сознаю, какого детальнаго изслѣдованія заслуживаетъ это условіе всей нашей литературной жизни и дѣятельности. Его громадная важность побуждаетъ, казалось бы, отвести этому колоссальному вопросу и вполнѣ соотвѣтствующее мѣсто. Но его можно только набросать, предоставляя выводы самому читателю. По понятнымъ обстоятельствамъ, я буду кратокъ.

Наше юридическое положеніе чувствовалось мною особенно остро въ провинціи, значитъ, съ цензорами изъ чиновниковъ, того или другого ранга, губернскихъ правленій. И какъ чувствовалось!

Помню, напримѣръ, какъ однажды прибѣгаетъ типографскій мальчикъ, носившій всегда «цензуру», и зоветъ меня къ «совѣтнику». Номеръ газеты задержанъ. Иду.

— Пожалуйста, пріостановите печатаніе номера,—говоритъ мнѣ ветхій старикъ. — Это, наконецъ, стало невозможнымъ... Вы всюду, говоря отъ имени редактора или сотрудника, или тамъ репортера, употребляете выраженія: «мы слышали», «намъ передаютъ», «насъ просятъ сообщить» и такъ дальше. Неужели вы не понимаете, что это неудобно, что это вамъ не по чину...

— ?

— Да, да! Мѣстоименіе «мы» есть исключительная принадлежность самодержца и редактору или тамъ сотруднику совсѣмъ не принадлежитъ...

— Но въ газетѣ есть редакція, а не только редакторъ...

— Для меня никакой редакціи нѣтъ. Есть офиціальный редакторъ. Ну, да, словомъ, я запрещаю такое самовозвеличиваніе и прошу съ сегодняшняго же номера его прекратить..

Что мнѣ оставалось дѣлать? Конечно, поставилъ вездѣ «я», «меня», «мнѣ» и т. д. Печать подхватила это нововведеніе, достаточно оттѣнила его вынужденность и черезъ недѣлю мнѣ разрѣшено было признать редакцію, а не только редактора или «тамъ репортера».

Затѣмъ, однажды вмѣсто посланной гранки о конскихъ бѣгахъ и состязаніи охотничьихъ собакъ, мнѣ была прислана какая-то мазня. Представьте мое удивленіе, когда всюду слова «жеребецъ», «меринъ» или «кобыла» были замѣнены «лошадью», а «кобель» и «сука»—собакой!.. Имѣлъ дѣло и съ такимъ совѣтникомъ правленія, который, прочтя корреспонденцію изъ одного завода, гдѣ за два мѣсяца передъ тѣмъ было не все благополучно, и найдя тамъ сообщеніе о поимкѣ полутора-

пудоваго сома...—вычеркнулъ ее, какъ могущую напомнить о недавнихъ безпорядкахъ!..

Какъ-то редактируемой мною газетѣ поневолѣ пришлось стать въ очень враждебныя отношенія къ городской управѣ, во главѣ которой засѣдали прямые буржуи-грабители, домогавшіеся полномочій и на предстоящее четырехлѣтіе. Независимые отъ какихъ бы то ни было избирательныхъ партій и теченій, мы дѣйствительно могли бы выяснить очень и очень многое, и, конечно, въ виду выборовъ и собирались это сдѣлать въ цѣломъ рядѣ объективныхъ статей... но... намъ этого сдѣлать не дали. Газета лишена была возможности не только освѣтить хоть одинъ изъ массы городскихъ вопросовъ, но даже указать на непригодность... муниципальныхъ лодокъ, выставленныхъ управой во время половодья, на то, что онѣ хуже частновладѣльческихъ! Намъ не позволяли написать, что на берегу рѣки лежали два трупа дохлыхъ собакъ! Мы не могли сказать даже такихъ словъ: «нельзя не рекомендовать безотлагательную очистку береговъ рѣкъ» и т. п. Больше, гораздо больше— намъ воспрещена была даже буквальная перепечатка нѣсколькихъ статей городового положенія, касающихся довѣренностей избирателей!..

На мой вопросъ, почему нельзя сдѣлать этого, цензирующій газету совѣтникъ (самъ городской избиратель) сказалъ:

— Да, вѣдь, это все будетъ въ повѣсткахъ, ну, а неизбирателямъ не для чего и знать.

— Но, вѣдь, это законъ, это не подлежитъ цензурѣ.

— Да мало-ли у насъ законовъ, нельзя же ихъ всѣ перепечатывать...

Словомъ, заткнули ротъ и мы ни гу-гу... Аналогичная исторія повторилась еще разъ со мною и въ другомъ городѣ, гдѣ цензоромъ былъ племянникъ городского головы.

Одинъ совѣтникъ усиленно всегда просилъ меня изгнать изъ газеты всѣ слова иностраннаго происхожденія, такъ какъ, не понимая ихъ, онъ не могъ сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ... Былъ еще такой, который вычеркивалъ всѣ рефераты докладовъ въ петербургскомъ клубѣ экономи-

стовъ, смѣшивая его, благодаря лишь одному общему слову, съ Вольно-Экономическимъ обществомъ. Онъ же просилъ привести въ юбилейномъ шевченковскомъ номерѣ всѣ стихи украинскаго поэта по-русски, такъ какъ малороссійскаго языка боялся, какъ чумы.

Помню, какъ не допускались слова: «педіатръ», «коллизія», «черпокнижіе», «конституція», «революція», «эволюція», «демократизмъ», «марксизмъ», «маразмъ»...

Тутъ же я хочу подѣлиться опытомъ моего друга, оставившаго мнѣ, послѣ своей смерти лѣтъ пятнадцать назадъ,—свои записки, въ которыя вошла часть его газетной Одиссеи, испытанной за продолжительную дѣятельность въ провинціи. Заимствую оттуда лишь одну главу.

«Не безъ волненія подъѣзжалъ я къ большому губернскому городу въ качествѣ только-что приглашеннаго редактора издававшейся тамъ газеты. Новый для меня край, новые люди, новыя отношенія — все это представляло изъ себя массу загадокъ, побуждало много и подолгу задумываться.

Мнѣ-ли было не знать, что работа провинціальнаго журналиста имѣетъ одно специфическое условіе: она несвободна отъ массы мѣстныхъ усмотрѣній, она обставлена такъ, что нужно много силы воли и энергіи, чтобы не плюнуть на провинцію вообще. Не скажу, чтобы медъ былъ и въ столицахъ, но тамъ дегтя несравненно меньше, тамъ только десятая часть нашихъ мукъ.

Но я былъ искушенъ. Летя въ курьерскомъ на благословенный югъ, я уже отнюдь не парилъ въ розовыхъ мечтахъ «свободнаго» служенія и, подъѣзжая къ новому мѣсту своей дѣятельности, приготовился къ новымъ мытарствамъ.

* * *

Вице-губернаторъ и «совѣтники» (какая иронія стараго времени!) были освобождены отъ цензированія: первый—благодаря «массѣ занятій по службѣ», одинъ изъ совѣтниковъ—«по неспособности», другой—«по преклонности возраста».

Цензировалъ газету мелкій чиновникъ, секретарь губернскаго статистическаго комитета, одинъ изъ двухъ (!) въ «губерніи», бывшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тою только разницею, что онъ-то его и не окончилъ и при томъ по обстоятельствамъ, вполнѣ отъ себя зависѣвшимъ.

Первый мой визитъ былъ, разумѣется, къ цензору. Рекомендовали мнѣ его за человѣка неглупаго, но никогда ни одного слова не говорящаго спроста, всегда ведущаго ту или иную интригу и пользующагося при этомъ всѣми плодами маккіавелистической политики. Кого-нибудь подвести, вылѣзти благонамѣреннымъ патріотомъ, выказать свое усердіе къ очень поощрявшему его губернатору — вотъ, говорили, спеціальность этого человѣка.

Достаточно было получаса, чтобы убѣдиться въ справедливости такой характеристики. Мое новое «начальство» наговорило всякихъ пріятныхъ словъ, свободу печати называло непремѣнной принадлежностью культурнаго государства, обѣщало стоять на почвѣ закона и вообще относиться къ газетѣ сочувственно.

— Я, вѣдь, самъ, знаете, по душѣ литераторъ. Когда я велъ здѣшнія губернскія вѣдомости, мы тоже не лыкомъ свои статьи шили... Давайте намъ правду, одну только правду— больше ничего намъ не нужно.

Я ничего никогда противъ правды не имѣлъ и очень былъ радъ слышать это хорошее слово въ чиновничьемъ кабинетѣ.

— Будемъ же жить въ мирѣ и согласіи,—сказалъ мнѣ цензоръ на прощанье. А такъ какъ вы—человѣкъ у насъ новый, то я всегда съ удовольствіемъ помогу вамъ совѣтомъ и указаніемъ...

Первые же дни порадовали меня: цензоръ пропускалъ почти все; я, съ своей стороны, ни какіе «рискованные» шаги не шелъ, чтобы не дать ему повода строить противъ меня тѣ или другія козни.

Мало-по-малу я сталъ чувствовать себя гораздо лучше прежняго, а черезъ три мѣсяца былъ уже утвержденъ и по этому случаю счелъ нужнымъ сдѣлать еще разъ визитъ губер-

натору, къ которому заѣзжалъ по пріѣздѣ въ городъ, но не засталъ дома. Онъ заѣзжалъ ко мнѣ и, узнавъ, что я дома, отдалъ швейцару свою карточку. На языкѣ провинціальнаго этикета это называется «высшею любезностью»—объ этомъ говорили въ городѣ.

Въ пріемной меня встрѣтилъ младшій чиновникъ особыхъ (но не всегда служебныхъ) порученій—упитанное существо, знавшее въ городѣ всѣ рестораны и прочія теплыя мѣста и потому особенно любимое...

— Очень, очень пріятно! Пожалуйста, присядьте на минутку. Прикажете папиросу? Генералъ сейчасъ выйдетъ. Онъ очень будетъ радъ...

Черезъ двѣ секунды чиновникъ былъ уже въ кабинетѣ губернатора, а черезъ пять—очень почтительно пригласилъ туда и меня.

При моемъ входѣ губернаторъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу, долго и крѣпко жалъ мою руку, любезно усадилъ, предлагалъ сигары изъ одного портсигара и папиросы изъ другого, словомъ, велъ себя такъ, какъ нашъ братъ, провинціальный журналистъ, и ожидать не могъ.

— Очень, очень радъ—онъ назвалъ меня по имени и отчеству—что познакомился съ вами. Какъ только вы пріѣхали, газета сразу оживилась, подняла интересъ къ себѣ... Очень, очень пріятно. Мнѣ, главное, нравится, что вы затрагиваете очень важные вопросы, коренные, такъ сказать, вопросы нашей жизни вообще, краевой въ особенности и, по-моему, это ваша громадная заслуга... Правда, есть въ газетѣ теперь такой тонъ, который не слѣдовало бы вводить... Ну, напримѣръ, зачѣмъ сегодня такъ высмѣянъ предсѣдатель губернской управы?... Впрочемъ, это, разумѣется, ваши убѣжденія и я совершенно не имѣю права въ нихъ вмѣшиваться. И при томъ все это не особенно важно... Пожалуйте ко мнѣ запросто, разумѣется, не во фракѣ, позавтракать, мы тогда съ вами побесѣдуемъ, потолкуемъ и, вѣроятно, сумѣемъ понять другъ друга. Одно только, пожалуйста, помните, что я другъ печати. Этимъ все сказано...

Я всталъ, поблагодарилъ и вышелъ.

— Другъ печати... думалось мнѣ.—Если даже ты не врагъ ея, то и то хорошо. Я прекрасно знаю по опыту, что успѣхъ дорогого мнѣ дѣла въ значительной степени зависитъ отъ тебя, отъ твоего отношенія къ честному, часто непріятному тебѣ и твоимъ приснымъ слову. Только бы ты не вносилъ своихъ усмотрѣній, которыя меня такъ всюду раньше преслѣдовали...

Черезъ двѣ недѣли послѣ такого, пріема я написалъ довольно рѣзкую статью по адресу предсѣдателя одного изъ просвѣтительныхъ обществъ за его боязнь гласности, выразившуюся въ рядѣ самыхъ некультурныхъ поступковъ. Статья произвела должный эффектъ, въ городѣ долго о ней говорили.

Но не молчали и въ домѣ губернатора. Оказалось, въ лицѣ предсѣдателя я задѣлъ одного изъ пріятелей губернатора и при томъ такого, который на почвѣ сближенія съ нимъ почти не имѣлъ достойныхъ соперниковъ — она создалась общею ихъ страстью къ плодамъ Бахуса, которую они и удовлетворяли всегда очень дружно и единодушно. Предсѣдатель воспользовался, конечно, своимъ вліяніемъ—и вотъ на слѣдующій же день цензоръ получилъ приказаніе смотрѣть за газетой въ оба и не допускать впредь аналогичныхъ статей.

Объ этомъ мнѣ было сообщено полуофиціально. Мало того. Слѣдующій номеръ былъ присланъ губернаторомъ цензору съ такой надписью на одномъ изъ полей: «газета начинаетъ терять возросшее къ ней, было, расположеніе. Не удивлюсь, если ее въ одинъ прекрасный день прихлопнутъ. Прошу довести объ этомъ до свѣдѣнія редактора и издателя». Но и это было еще не все. Цензоръ самъ былъ очень близокъ къ затронутому предсѣдателю—появилось желаніе мстить въ связи съ необходимостью вывернуться передъ гнѣвавшимся начальствомъ. Кромѣ того, моя статья давала основательный поводъ думать, что газета и впредь не пощадитъ темныхъ героевъ изъ среды «людей съ вѣсомъ и положеніемъ», а для провинціи это—такая чума, которую стараются обуздать всѣ, у кого хоть маломальски рыльце не въ порядкѣ и не въ должной опрятности. Цензоръ не былъ исключеніемъ. Не даромъ же онъ такъ долго и усердно уговаривалъ меня не ставить статью.

— Скажите, какъ же вы пропустили статью о нашемъ профессорѣ? Вѣдь. вы же должны понимать, что это неудобно и не можетъ быть терпимо въ мѣстной газетѣ,—говорилъ ему «другъ печати». Пожалуйста, впредь никакихъ обличеній! Вы сами должны знать...

— Помилуйте, ваше —ство, я, на точномъ основаніи закона, не могъ ее не пропустить. Все, что́ можно было сдѣлать, я сдѣлалъ. Я долго просилъ редактора не ставить ее, но онъ и слушать не хотѣлъ. Конечно, теперь остается руководствоваться вашимъ приказаніемъ, и это самое лучшее... Теперь будьте покойны...

Губернаторъ и всѣ «знатные» люди, дѣйствительно, могли быть покойны...

Скоро сталъ спокоенъ и городской голова съ членами управы. Цензоръ, какъ старый городской гласный и человѣкъ, «радѣющій о городскихъ интересахъ», очень и очень мѣтилъ въ управцы, а тутъ кстати совершенно случайно освобождалось членское кресло. Нужно было подслужиться къ партіи городского головы—очень некультурнаго и совсѣмъ малограмотнаго желѣзоторговца, — которая имѣла нѣкоторыя основанія не довѣрять господину цензору за массу непріятныхъ указаній газеты на уродливость мѣстнаго муниципальнаго хозяйства.

— Что же это вы какія вещи имъ разрѣшаете печатать? спрашивалъ лидеръ партіи, и это уже само подсказывало именно то рѣшеніе вопроса, которое во-время цензоръ и принялъ.

На ближайшемъ докладѣ губернатору было сказано, что неудовольствіе массы городскихъ обывателей на газету растетъ, что она все перевираетъ, крайне тенденціозна и т. п. Безъ долгихъ размышленій приказано:

— Все, что будетъ писаться о городскихъ дѣлахъ, посылайте мнѣ. Я самъ буду читать.

— Слушаю-съ.

Чтеніе «самого» создало невозможность обсуждать дѣло, какъ слѣдуетъ, пришлось обо многомъ совершенно молчать... Надо-ли говорить, что черезъ два мѣсяца цензоръ получилъ членство, которое ему и преподнесла партія восторжествовавшаго головы?...

Итакъ, мы съ цензоромъ, совмѣщавшимъ должности: секретаря губернскаго статистическаго комитета, члена городской управы и предсѣдателя правленія общества городского взаимнаго страхованія...

* * *

Но и предсѣдатель просвѣтительнаго общества не дремалъ. Вотъ одинъ изъ діалоговъ между нимъ и губернаторомъ, который они вели громко на одномъ изъ публичныхъ обѣдовъ.

— Не безпокойтесь, я покажу газетѣ ея собственное мѣсто. Тысячами запахнетъ...

— Да, но причемъ же тутъ, ваше —ство вся газета? Издатель ни въ чемъ не виноватъ. Надо бы редактору дорогу показать...

— Вы правы. Я объ этомъ подумаю... Мы это обсудимъ.

Аналогичные, ужъ слишкомъ откровенные разговоры велись и съ цензоромъ, который помогалъ «обдумывать».

Наконецъ, до меня стали доходить слухи о рѣшеніи губернатора дѣйствовать. Съ мѣсяцъ цензоръ игралъ двойную игру: въ открытую говорилъ повсюду, что еле сдерживаетъ ретивость своего «повелителя», въ закрытую—составлялъ черновикъ обвинительнаго акта, для чего, конечно, требовались время и осторожность—нужно было, выгородивъ себя, утопить редактора...

Въ концѣ концовъ газета обвинялась въ томъ, что «настойчиво сравниваетъ Россію съ Западомъ и притомъ всегда не въ пользу первой»; что «подрываетъ религіозно-нравственныя основы православнаго населенія» и что «освѣщаетъ отрицательныя стороны дѣятельности высшихъ чиновъ мѣстной администраціи». И авторъ и подписыватель конфиденціальной бумаги понимали, что все это—передержки, ни одного номера нигдѣ точно не указывали, а въ заключеніе, для бо̀льшаго эффекта, добавили, что вообще газета имѣетъ такой характеръ, который и т. д... При этомъ составитель бумаги наговорилъ себѣ не мало комплиментовъ, выставивъ въ самомъ лучшемъ свѣтѣ свою литературность и образованность, даже сердечность отно-

шеніи къ цензируемой имъ газетѣ, которая въ лицѣ редактора совершенно никого и ничего не хочетъ признавать...

Такимъ образомъ были замаскированы истинныя обвиненія въ абсолютномъ нежеланіи кому бы то ни было подслуживаться и справляться съ чѣмъ бы то ни было, кромѣ закона. И вотъ, сначала по городу, а потомъ и по губерніи стали носиться слухи очень неблагопріятные для газеты... Шли они отъ затронутыхъ запушенныхъ физіономій, въ числѣ которыхъ состоялъ и фабричный инспекторъ—единственный партнеръ губернатора въ шашки... Бахусъ зналъ его тоже достаточно близко...

Но мнѣ удалось отвести грозу и даже показать истинное значеніе всѣхъ жалобъ. Всѣ онѣ были оставлены безъ всякихъ послѣдствій.

* * *

Спустя нѣкоторое время, совершенно случайно я узналъ о тѣхъ способахъ, которыми добывались союзники.

Какъ я уже сказалъ, однимъ изъ обвиненій было подрываніе религіозно-нравственныхъ основъ. Что же оказалось?

Чтобы заручиться поддержкой для этого—и, конечно, очень существенной—архіерея, цензоръ воспользовался однимъ обстоятельствомъ. Незадолго до составленія жалобы на меня, въ одной изъ южныхъ газетъ появилась корреспонденція изъ нашего города о какомъ-то засѣданіи педагогическаго совѣта духовной семинаріи, на которомъ было будто бы рѣшено не участвовать на открытіи какого-то памятника. Корреспонденція очень взволновала духовное начальство, и ректоръ семинаріи обратился ко мнѣ съ просьбой напечатать его опроверженіе. Я отказался, сказавъ, что могу сдѣлать это только въ такомъ случаѣ, если отъ напечатанія его откажется газета-первоисточникъ. Разумѣется, ректору это не понравилось, однако, опроверженіе послали по адресу. Тамъ почему-то замедлили, напечатавъ спустя двѣ недѣли, когда духовное начальство перестало уже слѣдить за газетой, въ полной увѣренности, что

опроверженіе не появится. Между тѣмъ, въ послѣднемъ заключалось прямое обвиненіе губернатора, какъ предсѣдателя комитета по возведенію монумента, въ нежеланіи пригласить на открытіе памятника всѣ духовныя учебныя заведенія. Мы хотѣли взять это опроверженіе въ «обзоръ печати» безъ всякихъ съ своей стороны комментарій, но получили гранку съ надписью цензора: «не совѣтовалъ бы печатать, чтобы не разсердить губернатора».

Но это былъ очень тонкій маневръ: приглашенія, только подписанныя губернаторомъ, разсылалъ по своему усмотрѣнію завѣдывавшій сооруженіемъ памятника цензоръ—онъ спасалъ самого себя, блиндируясь передъ нами губернаторомъ... Положеніе для насъ было, дѣйствительно, трудное: напечатать — разозлить губернатора, не напечатать — разозлить архіерея. Послѣ долгихъ размышленій остановились на второмъ рѣшеніи. Мѣсяца черезъ два, я былъ совершенно случайно у архіерея. Принявъ меня очень сухо и даже вызывающе, онъ очень скоро перешелъ къ инциденту съ опроверженіемъ, и вотъ что̀ еще выяснилось изъ нашего объясненія. Появленію ко мнѣ ректора съ опроверженіемъ предшествовали нѣсколько статей, непріятныхъ епархіальному учебному начальству. Пользуясь этимъ, цензоръ шепнулъ, что потому редакція и не взяла опроверженія, что «вообще знать не хочетъ никакихъ духовенствъ», о желаніи же нашемъ перепечатать опроверженіе изъ первоисточника и о самомъ фактѣ его появленія въ послѣднемъ предусмотрительно умолчалъ... Губернатору же одновременно была показана гранка.

— Видите, ваше —ство! полюбуйтесь, прямо издѣваются!

И вдругъ архіерей узнаетъ о напечатаніи, о моемъ желаніи перепечатать и о цензорской резолюціи!... Эффектъ былъ поразительный.

Добрый старикъ только и могъ нѣсколько разъ повторить:

— Ну, и хитрый же человѣкъ этотъ цензоръ. Ахъ, какой онъ хитрый человѣкъ!...

* * *

На жалобы я отвѣчалъ контръ-жалобами, и мнѣ удалось даже добиться смѣны цензора. Его замѣститель оказался далеко не находкой — это былъ «неспособный» совѣтникъ, — но важно было не цензироваться въ городской управѣ...

Этотъ, даже по тамошнему масштабу, неспособный человѣкъ, дѣйствительно приводилъ меня въ отчаяніе. А если присоединить сюда полученную имъ мѣстнаго происхожденія инструкцію, сводившуюся къ краткому приказанію: «вычеркивать все маломальски...», то каждый, конечно, пойметъ мое положеніе...

Ежедневно я получалъ гранки съ такими оригинальными надписями: «печатать разрѣшается въ случаѣ согласія полицеймейстера», «печатать разрѣшается съ разрѣшенія правится канцеляріи губернатора» и т. п. А какая масса зачеркивалась! Въ одномъ переводномъ съ нѣмецкаго разсказѣ очень часто попадалось слово «жандармъ» — разсказъ былъ вычеркнутъ и только послѣ долгихъ переговоровъ разрѣшенъ, но при условіи замѣны вездѣ слова «жандармъ» словомъ «стражникъ». Слова: «активный», «агрессивный», «ассоціація», «соціальный» вовсе не пропускались. Относительно «сифилиса» было отдано особое приказаніе, замѣнять его выраженіемъ «дурная болѣзнь»...

Всѣ мои указанія на полную беззаконность такихъ дѣйствій встрѣчали всегда одно и то же стереотипное оправданіе:

— Вѣрьте, многоуважаемый NN, что я не самъ. Ну, что я могу сдѣлать!? Вѣдь, приказано. Ну, что я могу?!

И я зналъ, что онъ, дѣйствительно, ничего не могъ. Онъ дрожалъ за свою собственную шкуру, которая, разумѣется, была для него дороже, чѣмъ тридцать тысячъ редакторовъ и газетъ.

* * *

Посредникомъ между мною и этимъ цензоромъ, по желанію послѣдняго, являлся всегда вице-губернаторъ, человѣкъ въ общемъ довольно мягкій и часто сдававшійся на мои доводы и объясненія.

— Что вы, многоуважаемый NN,—говорилъ онъ мнѣ,—разводите рацеи объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній... Молоды вы

еще—вотъ почему. Вы знаете, я самъ думалъ раньше, какъ и вы, до недавняго времени. Какимъ я пріѣхалъ сюда! Вѣдь, я во многомъ былъ совершенно вашихъ воззрѣній. Но вотъ одинъ случай измѣнилъ мои взгляды на порку... Года три тому назадъ я оставался какъ-то управлять губерніей. Хорошо-съ. Вдругъ въ одинъ прекрасный день прибѣгаетъ ко мнѣ тюремный смотритель и докладываетъ, что бунтуютъ арестанты. Ѣду.

— Вы что, ребята! бунтовать!?...

Молчатъ

— Какъ вы смѣете с... дѣти!

Молчатъ.

— Выходи кто недоволенъ!

Стоятъ, не шелохнутся.

Ну, тогда я велѣлъ подать мнѣ зачинщиковъ. Выводятъ шесть человѣкъ. Спрашиваю ихъ: какъ? почему? чѣмъ недовольны? Отвѣчаютъ, что плохая пища. Подать мнѣ пищу! Подаютъ. Прекрасная пища. Щи такія, что хоть бы у меня дома поваръ варилъ... Ахъ, говорю, въ с... сыны! Дать имъ по 50 ударовъ!.. Сейчасъ мигомъ все это приготовили. Всѣхъ выстроили. Начали. А я, знаете, стою и нарочно каждаго разсматриваю. У всѣхъ ужасъ такой на лицахъ... Очевидно, въ каждомъ происходитъ нравственное перерожденіе... Ну, кончили; я уѣхалъ На другой день приходитъ смотритель и докладываетъ, что вотъ сутки, все спокойно. Проходитъ недѣля, другая... Какъ-то заѣзжаю въ тюрьму и спрашиваю: «а какъ ведутъ себя поротые?» И можете вы себѣ представить!

— Самые лучшіе по нравственности поведенія,— докладываетъ смотритель!—Такъ вотъ что значитъ розга, если только она дана во-время и отъ всего сердца, отъ искренняго желанія содѣйствовать нравственному перерожденію свихнувшагося человѣка... Вѣдь, мужикъ еще глупъ...

Этимъ же «либераломъ» я былъ какъ-то приглашенъ для дипломатическихъ переговоровъ о помощи администраціи по освѣщенію мѣстной жизни вообще. Разговоръ былъ очень продолжительный, но я передамъ изъ него только нѣкоторые моменты.

— Нѣтъ, дорогой NN,—говорилъ мнѣ вице-губернаторъ,—вы именно должны понять, что, вѣдь, газета это — единственный способъ освѣтить что-нибудь важное, освѣдомить съ чѣмъ-нибудь населеніе. Ваши тамъ всякія направленія могутъ идти сами собой—хотя я думаю, что ихъ не должно быть вовсе—а напечатать, напримѣръ, статью нужную для насъ—это вашъ гражданскій долгъ. Вы можете смотрѣть на нее по-своему, но, вѣдь, она необходима намъ, людямъ, которымъ ввѣрена цѣлая губернія...

Или:

— Вотъ вы напечатали замѣтку о штундистахъ. Вы пишите, что въ Петербургѣ рѣшеніе губернскаго присутствія признано неправильнымъ и отмѣнено. Да, это такъ. Наше рѣшеніе отмѣнено, обвиняемые оправданы, но зачѣмъ все это понадобилось газетѣ? Вы теперь дали поводъ каждому паршивому штундисту ходить съ вашей газетой и тыкать ею въ насъ каждому попу и полицейскому, говоря: «а?! что̀ взяли?!» Вѣдь, это же безобразіе. Вамъ совсѣмъ не надо было открывать эту гадкую правду!

Или:

— Вы пишите, что полиція беретъ взятки—вчера это написано очень тонко, но зато и прозрачно. Ну да, беретъ! Но вы, вѣдь, интеллигентный человѣкъ и потому должны понять, что, конечно, берутъ, конечно, и дерутся. Но почему? Да потому, что содержаніе ихъ самое нищенское, а образованія нѣтъ ни у кого. Тутъ молчать надо, а не кричать: «взяточники! драчуны!» Вѣдь, вы подрываете всякое довѣріе къ полиціи, а это такая штука, что съ нею недолго и до чего-нибудь другого...

Вотъ каковъ былъ мой посредникъ.

* * *

Губернаторъ торжествовалъ, зная, что я издергалъ свои нервы до послѣдней степени. Отдано даже было приказаніе полиціи губерніи привлекать меня къ отвѣтственности за каждый на нее намекъ. Во всѣ губернскія учрежденія было послано предписаніе не давать газетѣ никакихъ справокъ и свѣдѣній...

Снова темныя силы витали надъ нами, какъ коршуны...

Но вотъ «неспособный» совѣтникъ не выдержалъ своей работы и сталъ настаивать на освобожденіи его отъ цензуры. Долго думали, наконецъ, назначили мелкаго чиновника изъ губернскаго присутствія. Это было дѣломъ рукъ перваго цензора: его преемникъ, личный его врагъ, нарочно пропускалъ почти все, касающееся города, и потому доставилъ новому члену управы не одну непріятную минуту. Теперь интригану представлялась возможность повліять на назначеніе человѣка, бывшаго въ весьма недвусмысленныхъ отношеніяхъ съ городскимъ головой и управой. Назначеніе состоялось...

Въ первый же день было вычеркнуто почти все, на слѣдующій день совершенно все... Запаса не стало... Положеніе трагическое. Вмѣсто номера вышло что-то необычайное...

А черезъ недѣлю разразилась гроза съ такимъ ливнемъ, который вынесъ меня изъ города навсегда»...

Этого, полагаю, достаточно, чтобы получить хоть нѣкоторое впечатлѣніе о главномъ бытовомъ условіи существованія провинціальной журналистики.

Очень далекій даже отъ тѣни довольства тѣми бытовыми условіями, въ которыхъ проходитъ жизнь столичной журналистики, я не остановлюсь, однако, на нихъ, потому что общія условія считаю достаточно извѣстными читателю. Кромѣ того, это завело бы насъ слишкомъ далеко; пришлось бы, пожалуй, взглянуть на вещи и съ точки зрѣнія чисто теоретической, безъ которой многое все равно осталось бы неяснымъ, необоснованнымъ. Ну, а такое спеціальное изслѣдованіе, конечно, не можетъ служить частью небольшой работы: ему самому нужно отвести не одну сотню страницъ. Вотъ почему эту сторону жизни общества я буду считать достаточно общеизвѣстной и общепонятной. Не могу только отказать себѣ въ удовольствіи закончить настоящую главу часто цитируемыми прекрасными, горячими, каждому дорогими словами Ив. Аксакова:

«Мысль, слово! это — та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты, и только разумъ, иначе слово, уподобляетъ человѣка Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ—не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ — человѣкъ. Свобода жизни разума и слова — такая свобода, которую по настоящему даже смѣшно и странно формулировать юридически, или называть правомъ: это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-нибудь политическая, а есть необходимое условіе самаго человѣческаго бытія; при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе»... [2]).

II.

Вторая, по важности, причина многихъ нашихъ неустройствъ и неладностей, сильно понижающихъ общій уровень журналистики, это—приходъ въ нее коммерсанта-издателя. Великое спасибо нужно сказать тѣмъ органамъ, которые, даже при самыхъ разстроенныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, не идутъ за мошной Ивана Непомнящаго. И такихъ органовъ не мало, коммерсантъ еще далекъ до воцаренія, онъ все еще—лишь частность, но не общее.

Когда наша частная ежедневная пресса становилась только на ноги и потомъ, первое время своего существованія, когда она занимала уже вполнѣ опредѣленное мѣсто въ общественной жизни—

[2]) «Полное собраніе сочиненій», IV, 399.

а это было въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ—издателями газетъ были *преимущественно* или сами же журналисты, или люди вполнѣ убѣжденные. И тѣ и другіе шли въ журналистику съ своими капиталами и достатками вполнѣ исключительно по идеѣ. Коммерсанту тогда въ этой области нечего было дѣлать—она была непзвѣдана, слѣдовательно, болѣе или менѣе страшила возможностью потерять состояніе. Успѣхъ нѣкоторыхъ изданій (надо помнить, что ихъ вообще было мало) позволилъ, однако, нѣкоторымъ издателямъ вернуть затраченные въ дѣло капиталы, а то и получить большую прибыль. По мѣрѣ роста торговли и промышленности хорошо шедшія изданія привлекали порядочныя суммы объявленіями. По мѣрѣ роста городовъ росла и розничная продажа.

И достаточно было нѣсколькимъ изданіямъ дать въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ прибыль, чтобы капиталъ коммерсанта стремился уже въ журналистику, какъ въ новую область промышленности.

Спѣшу оговориться: подъ словомъ «коммерсантъ» я подразумѣваю не денежнаго человѣка вообще, а *человѣка при томъ непнтеллигентнаго*, взявшагося за изданіе съ исключительной цѣлью создать изъ него источникъ собственныхъ доходовъ. Самъ по себѣ приливъ капитала въ дѣло, по существу очень въ немъ нуждающееся, конечно, не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Нужно только, чтобы въ журналистику капиталъ вступалъ отъ лицъ—или не чуждыхъ тѣмъ высокимъ побужденіямъ, которыя должны руководить желаніемъ создать органъ честнаго общественнаго мнѣнія, или могущихъ совершенно не вмѣшиваться въ литературную часть.

Когда за издательство съ коммерческой цѣлью берется культурный обладатель средствъ, онъ не вноситъ въ журналистику тѣхъ тлетворныхъ торгашескихъ началъ, которыя погребаютъ ее для здоровой общественной жизни... короче—я говорю объ Иванѣ Непомнящемъ. Набросаю его прекрасной кистью Салтыкова.

«Спро́сите Непомнящаго, что̀ онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуетъ его газета?—и ежели въ немъ еще сохранилась хоть

капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: «хочу подписчика!»...

Подъ фирмой газеты Непомнящій пріобрѣлъ себѣ сокровище. Понятно, что онъ бережетъ ее какъ зеницу ока отъ всякихъ случайностей. Въ виду упроченія ея будущаго, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣжденіяхъ, ни о чемъ, кромѣ наивѣрнѣйшихъ способовъ удержать за собою сокровище.. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы вліятельной среды; справляется у приспѣшниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостанвается собесѣдованій»... «Безъ идеи, безъ убѣжденія, безъ яснаго понятія о добрѣ и злѣ, Непомнящій стоитъ на стражѣ руководительства, не вѣря ни во что, кромѣ тѣхъ пятнадцати рублей, которые приноситъ подписчикъ, и тѣхъ грошей, которые, одинъ за другимъ вытаскиваетъ изъ кошеля кухарка. Онъ даже щеголяетъ отсутствіемъ убѣжденій, называя послѣднія абракадаброю и во всеуслышаніе объявляя, что ни завтра, ни послѣзавтра онъ не намѣренъ стѣснять себя никакими узами» [3]).

Не могу тутъ же не коснуться вопроса о коллективномъ издательствѣ. Сказать о немъ что-нибудь опредѣленное только на основаніи фактовъ врядъ ли можно, потому что, во-первыхъ, такихъ изданій въ Россіи вообще очень немного, а во-вторыхъ, если одни изъ нихъ процвѣтаютъ, то другія, наоборотъ, въ періодѣ медленной, но вѣрной предсмертной агоніи. Съ увѣренностью можно теоретически только утверждать, что форма коллективнаго издательства даетъ возможность прочной постановки дѣла при условіи, съ одной стороны, идейной однородности пайщиковъ, съ другой—ихъ кредитоспособности, съ третьей—равной со стороны всѣхъ готовности выдержать критическій періодъ жизни изданія, очень разнообразный по своей продолжительности, но вообще у насъ не маленькій. Наличность всѣхъ этихъ обязательныхъ условій въ связи съ умѣлымъ подборомъ редакціи вполнѣ гарантируетъ матеріальную прочность

[3]) «Полн. собр. соч.», V. 1900 г., 288, 289, 298.

изданія, поскольку она не зависитъ отъ «сторонніхъ» обстоятельствъ.

Продолжаю. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ къ 80-мъ гг. мы уже имѣли довольно много изданій, принадлежащихъ коммерсантамъ. Лучшимъ свидѣтелемъ въ пользу этого показанія долженъ считаться Н. В. Шелгуновъ—судья, котораго врядъ ли можно упрекнуть въ неумѣніи или нежеланіи принимать во вниманіе всѣ обстоятельства, могущія служить къ уменьшенію вины обвиняемаго. Вотъ что́ онъ писалъ восемнадцать лѣтъ назадъ: «Было время, когда въ столичной печати теплилась Божья искра, когда печать считала своею миссіей служить общественному дѣлу и бороться за общественные интересы. Тогда столичная печать дѣйствительно стояла во главѣ общественнаго движенія или, по крайней мѣрѣ, пыталась имъ овладѣть, насколько это было для нея доступно. Она являлась представительницей общественнаго мышленія по внутреннимъ вопросамъ, однимъ изъ общественныхъ органовъ по внутренней политикѣ. Занявъ эту область, столичная печать жила живою жизнью, у нея былъ нервъ, были опредѣленныя задачи, былъ смыслъ въ существованіи. Для теперешней столичной печати все это не составляетъ даже и преданія, традиція порвалась и, освободившись отъ воспоминаній лучшаго прошлаго, столичная печать стала исключительно издательскимъ дѣломъ. Вынувъ сама изъ себя душу и лишившись всякаго нутра, столичной печати осталось только одно — маскировать свою пустоту бойкимъ писаньемъ и хлесткостью, которыя если ей и удаются, то нутра, все-таки, не создаютъ». И черезъ двѣ страницы: «Но рядомъ съ идейнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ едва народившейся провинціальной печати замѣчается уже и червоточина, и то, что было сказано о столичныхъ газетахъ, приходится повторить и о провинціальныхъ; *вообще* онѣ не въ лучшихъ рукахъ и чаще составляютъ издательское, чѣмъ общественное дѣло. Издательскія газеты также, какъ и столичную печать, обуялъ духъ погони за подписчикомъ» [4]).

[4]) «Очерки русской жизни», 1895 г., 19, 24.

Кстати, читателямъ, можетъ быть интересна небольшая справка. Газеты столичныя у насъ всѣ наперечетъ. Что касается провинціальныхъ, то, по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», къ концу 1900 года изъ 97 числившихся въ провинціи газетъ только 2 основаны до 1861 года, 23—въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, 72—въ 80-хъ и 90-хъ, при чемъ 55 изъ нихъ послѣ 1895 года.

Водворялся новый типъ издателя, а съ нимъ и тѣ начала, которыя составляютъ отличительную черту торговопромышленной сметки: «подешевле, похуже, но показистѣй». Между тѣмъ, надо-ли доказывать, что пока весь укладъ нашей жизни совершенно не позволяетъ выпускать изданія, равныя по дешевизнѣ (при условіи однокачественности содержанія) европейскимъ и американскимъ. Слѣдовательно, стремленіе коммерсантовъ-издателей понижать подписную и розничную цѣну неизбѣжно должно было повлечь за собой осуществленіе второй части лавочной заповѣди. На встрѣчу этому стремленію идетъ и юридическое положеніе печати: дешевыя вполнѣ содержательныя газеты прежде всего немыслимы у насъ хотя бы уже въ силу ст. 99 цензурнаго устава. А затѣмъ вообще самое положеніе дѣлъ побуждаетъ, особенно коммерсанта, отказаться отъ многихъ «высокихъ матерій». Еще не было случая серьезной административной кары безпринципныхъ, мелкихъ по идеѣ изданій... «Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ»...

III.

Фактовъ изъ области подвиговъ коммерсанта у меня въ рукахъ не мало.

Одинъ зорко слѣдитъ за начальствомъ, чтобы своевременно оттѣнить «прекрасную инициативу нашего высокоуважаемаго», сообщить во-время о его пріѣздѣ и отъѣздѣ, о намѣреніи «пожертвовать получасомъ драгоцѣннаго времени на посѣщеніе

биткомъ набитаго острога», о желаніи видѣть на улицѣ болѣе радостныя лица подчиненныхъ его превосходительству лицъ... Другой держалъ, помню, особыхъ агентовъ для вынюхиванія дворянской атмосферы и своевременнаго освѣщенія политики съ точки зрѣнія надеждъ и упованій «господствующаго» сословія... А господа дворяне не могли нахвалиться проникновенностью взгляда ихъ прислужника. Третій прибѣгалъ ночью въ типографію, сдавалъ полученный отъ чиновника особыхъ порученій отчетъ о только-что закончившемся балѣ у губернатора, ставилъ его въ фельетонъ, а редакторъ, просыпаясь утромъ, недоумѣвалъ и бѣсился... Но и этого мало: недѣли за двѣ до бала издатель начиналъ получать отъ «царицъ» мѣстнаго общества подробное описаніе ихъ предполагаемыхъ туалетовъ, и потомъ они составляли второй фельетонъ...

Къ такимъ черточкамъ гг. коммерсантовъ надо, конечно, присоединить и факты самой примитивной продажности.

Я знаю редакцію, которая долго печатала открытые дифирамбы желѣзной дорогѣ, дававшей издателю около 30—40000 рублей въ годъ на объявленіяхъ [5]). Въ другой газетѣ произошелъ такой, напримѣръ, характерный случай. Была напечатана статья *постояннаго* сотрудника, бросавшая довольно замѣтную тѣнь на одно лицо, оказавшееся родственникомъ директора банка, очень любезно учитывавшаго векселя дѣльца-издателя. Родственность стала извѣстной послѣднему въ тотъ же день. Что дѣлать? Какъ поступить? Съ согласія редактора въ слѣдующемъ же номерѣ появляется редакціонное заявленіе о безусловной невѣрности всего сообщеннаго наканунѣ. «Редакція очень сожалѣетъ—говорилось въ самомъ концѣ—что при всей своей внимательности и осторожности она попалась на удочку *неизвѣстнаго* ей лица»...

Редакторъ-издатель одной газеты систематически писалъ и печаталъ хвалебные гимны недавно отстроенной желѣзной

---

[5]) Во избѣжаніе излишнихъ недоумѣній, считаю нужнымъ указать, что факты изъ провинціальной жизни количественно не особенно преобладаютъ надъ взятыми изъ жизни прессы столичной. Они перемѣшаны.

дорогѣ, желая поддержать служебную карьеру строителя, потомъ начальника. Больше. Въ газетѣ была напечатана единственная въ своемъ родѣ статья подъ заглавіемъ «Поѣздка по линіи строющейся N-ской дороги», прежде напечатанія прочитанная и проредактированная тѣмъ же строителемъ... А когда редакторомъ было получено за это меньше условленнаго, онъ сразу обрушился и на строителя и на дорогу и преслѣдовалъ ихъ впредь до огласки всего дѣла на судѣ.

Нѣкоторыя изданія занимаются очень подозрительнымъ славословіемъ или умолчаніемъ (смотря по времени и надобности) о дѣлахъ всевозможныхъ акціонерныхъ обществъ и банковъ, котирующихъ свои бумаги на биржѣ...

Издатель N совершенно откровенно говорилъ редактору, поставившему убыточное раньше изданіе на прочныя ноги:

— Эхъ, батенька, что мнѣ ваши прибыли! Бываютъ, знаете, убытки краше!

На недоумѣвающую мину редактора послѣдовало разъясненіе:

— Да, конечно. Если раньше насъ не зналъ читатель, то, по крайней мѣрѣ, вашъ предшественникъ поддерживалъ всегда необходимыя мнѣ связи. Теперь есть читатель, его даже очень много, есть органъ всѣми, правду сказать, уважаемый, но совершенно растеряны всѣ мои подвязки. Вѣдь, убытки отъ недостатка читателей я пополнялъ съ лихвой хорошимъ устройствомъ дѣлъ, тогда всѣ нужные люди были пріятели, а теперь мнѣ всегда тычутъ законъ со всей его неумолимостью да посмѣиваются...

IV.

Меня всегда особенно поражала растущая ширь безшабашной рекламы, которая въ рукахъ Ивана Непомнящаго является довольно виднымъ средствомъ пріобрѣтенія барышей. Матеріа-

ловъ этого рода мнѣ удалось собрать очень много, и теперь, разобравшись въ нихъ, я хочу возобновить кое-что въ памяти читателей, можетъ быть, не разъ попадавшихъ на жирнаго рекламнаго червяка.

Вотъ нѣсколько *подлинныхъ* образчиковъ.

«Мы являемся независимымъ, вполнѣ самостоятельнымъ, большимъ органомъ печати, съ выдержаннымъ направленіемъ и безусловно честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ всего многомилліоннаго населенія Россіи. Занимая какъ по объему, такъ и по программѣ своей одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду, такъ называемыхъ «большихъ органовъ» печати, ежедневная газета наша не уступаетъ никому ни по полнотѣ, ни по своевременности сообщеній».

* * *

«Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служитъ ручательствомъ въ томъ, что новая наша газета будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій. Излишнимъ считаемъ всякія широкія обѣщанія, потому что читатель нашъ давній и постоянный и безъ того увѣренъ въ нашимъ правѣ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ печати. Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ нашей газетѣ громкаго отклика, не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія».

* * *

«Немаловажную выгоду для подписчиковъ нашей газеты представляетъ предоставленное имъ право пріобрѣтать книги, имѣющіяся въ книжномъ магазинѣ нашей газеты и публикуемыя въ ней, со скидкой 20% съ номинальной ихъ стоимости. При этой скидкѣ пріобрѣтающій книги, даже разновременно въ теченіе года на 40 или 45 рублей, получаетъ газету даромъ».

* * *

«Знамя нашей газеты—та же священная и широковѣщающая хоругвь, подъ которой создалась, воспиталась и выросла святая Русь».

* * *

«Наше направленіе безукоризненно. На дняхъ и редакція и контора съ типографіей перешли въ новое роскошное помѣщеніе въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ переносимъ, такъ сказать, читателей въ самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д.».

* * *

«По изяществу, внѣшности и полнотѣ содержанія наша газета не уступаетъ ни одному даже изъ болѣе дорогихъ изданій. Содержаніе каждаго номера составляютъ полные захватывающаго интереса романы. Кромѣ того, дается нами роскошная картина въ 40 красокъ. Глядя на эту картину, забываешь, что это только картина, а не дѣйствительность».

* * *

«Въ существованіи нашей газеты, кстати сказать, довольно продолжительномъ, съ выпускомъ настоящаго номера совершенно измѣняется постановка дѣла съ технической стороны и вообще со стороны аккуратности. Новой силой въ изданіи является устройство своей типографіи, которая, выпуская сегодняшній номеръ, сразу даетъ газетѣ такія крылья, о какихъ и нельзя было подумать при всякомъ другомъ положеніи. Провинціальное изданіе, думается намъ, прямо немыслимо безъ своей типографіи, а если и существуютъ періодическія изданія въ такихъ городахъ, какъ нашъ, безъ своихъ типографій (таковыхъ было еще двѣ. М. Л.), то, несомнѣнно, они влачатъ жалкое существованіе, прозябая въ застоѣ при самыхъ напряженныхъ усиліяхъ ихъ руководителей».

* * *

«Въ числѣ другихъ крупныхъ произведеній лучшихъ беллетристовъ въ воскресныхъ номерахъ нашего второго изданія будутъ напечатаны «Колесо фортуны» романъ нашего редактора. Множество лицъ различнаго общественнаго положенія выведено авторомъ. Читатель видитъ ихъ ростъ и паденіе. Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ романѣ, жизнь не на одинѣхъ радостяхъ стоитъ. Въ борьбѣ за жизненные идеалы гибнетъ высокая душа, не находя поддержки и сочувствія своимъ порываніямъ... Сколько такихъ трагедій разыгрывается въ мутной тинѣ провинціальной некультурности».

* * *

«Отличительный характеръ нашей газеты—выраженіе истинныхъ нуждъ провинціальной жизни. Наше знамя—правда, честь и достоинство Россіи. Наша программа: дѣйствовать примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи... Литературный отдѣлъ четвертаго безплатнаго приложенія составляютъ выдающіяся произведенія лучшихъ представителей русской изящной словесности. Въ 1902 году будутъ помѣщены: . . . . . На ряду съ новѣйшими созданіями пера этихъ корифеевъ русскаго художественнаго слова. . . . ».

* * *

«Древности и клады . . . . . губерніи. Эту книгу—иллюстрированное изданіе—безплатно выдаетъ редакція нашей газеты своимъ подписчикамъ. Въ этой цѣнной книгѣ заключаются самыя подробныя свѣдѣнія: 1) какіе именно древности и клады хранятся въ нѣдрахъ . . . . . губерніи, 2) точныя указанія мѣстъ, гдѣ они зарыты, 3) наставленія къ извлеченію ихъ изъ земли».

* * *

«Самая дешевая и распространенная, наша газета, несмотря на свой небольшой размѣръ, идетъ впереди другихъ по свѣжести извѣстій и изложенію событій. Наши читатели знаютъ,

что мы никогда не пропускаемъ ничего важнаго или имѣющаго интересъ минуты. Нашъ органъ работаетъ для русскаго народа и ради русскаго народа. Онъ будитъ мысль въ русскомъ человѣкѣ и тѣмъ предохраняетъ его отъ опасностей, которыя, благодаря иноземной и инородческой интригѣ и нарастающему нѣмецкому вліянію, со всѣхъ сторонъ надвигаются на него, прикрытыя ложью, лестью и обманомъ, подобно тому, какъ ловко подкрадываются къ стаду волки, прикрытые овечьей шкурой».

* * *

«Вступая во второй годъ изданія, редакція не можетъ не отмѣтить небывало быстраго въ исторіи русской провинціальной прессы успѣха, какой выпалъ на долю нашей газеты въ теченіе перваго года существованія. Чтобы не быть голословными, мы приводимъ точныя цифры о результатахъ тиража газеты въ продолженіе девяти мѣсяцевъ 1898 года . . . . . (Оказывается убытокъ 54.000 руб. М. Л.). Несмотря на такой результатъ, издатель, все-таки, не останавливаясь передъ новыми затратами, считаетъ нужнымъ еще болѣе расширить газету, усматривая въ этомъ залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія...»

* * *

Но есть реклама и реклама. Не всѣ коммерсанты прибѣгаютъ къ однообразію. Все рѣшаютъ сметка издателя, желаніе отличиться редакціи. Одна, напримѣръ, газета командировала передъ подпиской особаго корреспондента для интервьюированія одного изъ славянскихъ королей и потомъ на этой почвѣ очень бойко и развязно говорила о своихъ высокихъ качествахъ.

— «Я уже давно знаю вашу газету, сказалъ мнѣ король, много слышалъ и объ издателѣ, я знаю, что это очень серьезная газета. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы такая газета, какъ ваша, почаще бы посылала къ намъ своихъ сотрудниковъ...»

Приведены, конечно, и слова королевы:

— «Мы очень интересуемся русскими газетами и я велѣла ежедневно переводить мнѣ вашу».

Другая устроила литературный конкурсъ, о которомъ писались цѣлые трактаты, гдѣ превозносилась «блестящая» мысль издателя. А такъ какъ у редактора былъ еще и собственный органчикъ, то въ послѣднемъ и помѣстили статейку подъ соотвѣтствующимъ соусомъ. Тамъ съ полной откровенностью говорилось, что хотя въ конкурсѣ и можно усмотрѣть «нѣкоторый рекламный подвохъ», но, вѣдь, что тутъ предосудительнаго? Реклама рекламѣ—рознь. «Наша реклама тонка и благородна»... и дальше въ этомъ же родѣ. Кончалась статья проклятіями по адресу «эксплоататоровъ» литературнаго труда: Елисеева, Салтыкова и Некрасова, которыхъ иниціаторъ конкурса училъ относиться по-благородному къ нищей братіи писателямъ...

Никогда не забуду также очень характерное циркулярное письмо, разосланное видным Иваномъ по всѣмъ угламъ громадной провинціи:

«Милостивый государь! Въ вашей мѣстности наша газета насчитываетъ до сихъ поръ только..... подписчиковъ, что̀ весьма мало для такой большой, серьезной и вмѣстѣ съ тѣмъ баснословно дешевой газеты. Въ виду этого контора газеты позволяетъ себѣ обратиться къ вамъ съ спеціальной просьбой посодѣйствовать ей вашимъ совѣтомъ и знаніемъ мѣстныхъ условій для принятія всѣхъ мѣръ къ болѣе равномѣрному распространенію въ городѣ и его окрестностяхъ. На первыхъ порахъ намъ желательно было бы узнать слѣдующіе адресы:

1) Адресы такой книжной, писчебумажной или табачной торговли, при которой мы могли бы устроить розничную продажу по 3 коп. за номеръ, отпуская его торговцу за 2 коп. Барышъ, правда, невеликъ, но въ теченіе года возрастетъ онъ съ каждаго подписчика до 3 р. 60 коп., это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, розничная продажа газеты привлекаетъ къ магазину всегда новыхъ покупателей и поддерживаетъ живыя сношенія со старыми; для этого требуется мѣсто центральное, бойкое, человѣкъ вѣрный и расторопный.

2) Адресы такихъ частныхъ лицъ (учителей, торговцевъ, духовенства, чиновниковъ, ремесленниковъ или крестьянъ), которыя согласились бы взять на себя *званіе* и трудъ *распро-*

странителя нашей газеты. Задача распространителя состоитъ въ томъ, чтобы найти среди своихъ знакомыхъ не менѣе двухъ подписчиковъ, а самому быть хотя бы третьимъ; чтобы собирать съ своихъ товарищей подписныя деньги и препровождать ихъ въ редакцію и чтобы стараться вообще о распространеніи газеты. Распространители газеты будутъ пользоваться 5%-ною скидкой со всѣхъ присылаемыхъ ими суммъ, *если не предпочтутъ получить вознагражденіе или признательность въ какой-нибудь другой формѣ.*

3) Далѣе намъ желательно узнать адресы всѣхъ тѣхъ промышленныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ конторъ и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ бы среди служащихъ можно было устроить совмѣстную подписку, при которой на одинъ адресъ идетъ пять или болѣе экземпляровъ. При этомъ необходимо намъ указать именно то лицо, къ которому, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ обращаться съ предложеніемъ ввести такую коллективную подписку. Лицо это должно быть прежде всего благонадежно и аккуратно, а потомъ уже расторопно.

4) Намъ весьма важны адресы собраній (клубовъ), гостиницъ, библіотекъ, существующихъ въ вашей мѣстности, съ обозначеніемъ тѣхъ, къ которымъ бы можно было обратиться съ предложеніемъ подписаться на нашу газету *съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.*

«Всѣ эти свѣдѣнія мы будемъ считать строго конфиденціальными, и вы можете положиться на то, что безъ вашего спеціальнаго разрѣшенія никому не будетъ сообщено, отъ кого мы получили адресы и указанія. Надѣемся, что вы не откажетесь исполнить настоящую просьбу, за что вамъ уже впередъ высказываемъ нашу искреннюю благодарность. При этомъ мы прилагаемъ для васъ готовый конвертъ и просимъ васъ дать намъ отвѣтъ, хотя бы самый короткій, но только поскорѣе, такъ какъ до подписки осталось весьма немного времени».

Но и это далеко не всѣ способы уловленія подписчика и объявителя. Не я одинъ знаю изданія, гдѣ подписныя квитанціи и бандероли, въ которыхъ оно посылается, начинаются съ дутаго номера, такъ что самый первый подписчикъ никогда не полу-

чаетъ квитанціи съ первымъ номеромъ: тамъ стоитъ 500, 1000, 5000, смотря по наглости, но не 1. Когда кто-нибудь, желая разослать при этой газетѣ вкладныя объявленія, запрашиваетъ о необходимомъ количествѣ ихъ экземпляровъ, тиражъ тоже вздуваютъ вдвое, а то и втрое, если еще не больше.

Очень часто редакторы и сотрудники не знаютъ истинной величины тиража своего изданія, это—тайна издателя и завѣдующаго конторой, если онъ—вѣрный его слуга. Доходы скрываются еще чаще.

Публиковать въ числѣ сотрудниковъ изданія лицъ, никогда на самомъ дѣлѣ не принимающихъ въ немъ никакого участія, но такъ или иначе извѣстныхъ—способъ употребляющійся. Иногда афишированные сотрудники даже и сами не знаютъ, что ежедневно дефилируютъ передъ публикой въ безсовѣстной рекламѣ какого-нибудь помойнаго органа.

V.

Очень крупная область обмана читателей—перепечатки. Чего только ни дѣлаютъ нѣкоторые органы для того, чтобы придать имъ видъ самостоятельнаго, собственнаго матеріала! Передѣлывается заглавіе, имя автора или переводчика, начало и конецъ; вмѣсто полнаго указанія источника заимствованія, подъ перепечаткой стоятъ только начальныя буквы его названія и при томъ умышленно безъ ковычекъ—принимайте ихъ за инціалы скромнаго автора... Словомъ, здѣсь изобрѣтательность врядъ ли ни соперничаетъ съ рекламированіемъ.

Помню, какъ-то пришлось указать одному журналисту на невзрачность такого практикуемаго имъ пріема.

— Ну, такъ что-жъ?—сказалъ онъ.—Моему читателю на все это наплевать. Что ему за дѣло, что фельетонъ взятъ изъ другой газеты. Было бы интересно. А мнѣ-то далеко не все равно: я знаю его психологію. Если ему, бестіи, все время

говорить правду, такъ онъ читать-то перепечатки не перестанетъ, а мнѣ скажетъ: «не свое-съ?!» И, замѣтьте, скажетъ такъ, что вы же виноваты останетесь. Онъ не желаетъ понимать, что вы о немъ же хлопочете... Нѣтъ, тутъ щепетильность совершенно неумѣстна: зачѣмъ я буду профанировать престижъ своей газеты, если этого можно не дѣлать. Вѣдь, у меня тоже крадутъ...

Вопросъ о перепечаткахъ болѣе или менѣе освѣщенъ уже въ печати, но я думаю, что тутъ есть еще одна сторона, почти никѣмъ не отмѣченная достаточно ясно.

Поднятый кассою взаимопомощи литераторовъ, а потомъ перешедшій на обсужденіе «Союза» писателей, вопросъ этотъ послѣднимъ, по моему, рѣшенъ правильно: «Союзъ» высказался за нестѣсненіе широкаго примѣненія перепечатокъ, за возможную ихъ свободу. Конечно, съ точки зрѣнія принципа охраненія собственности вообще, въ томъ числѣ и литературной, можно находить неудобной, некрасивой – назовите какъ хотите — традицію перепечатыванія статей, беллетристики, корреспонденцій и т. п. На эту сторону и обращалось до сихъ поръ преимущественное вниманіе. Но, вѣдь, есть и другая сторона. Прежде всего нужно понять, что каждый изъ насъ, журналистовъ, работаетъ въ Россіи, гдѣ общество en masse еще не доразвилось до той высоты, когда забота о своей духовной пищѣ дѣлается обязательной, всеобщей. Провинціальная газета считаетъ, что дѣлая ея недурны, если ее выписываетъ 0,01% населенія даннаго района! Я не беру, конечно, Одессы, Кіева, Харькова и подобныхъ городовъ, я говорю объ обыкновенной, рядовой провинціи. А, вѣдь, въ ней-то и нуженъ особенно лучъ свѣта. Между тѣмъ, дѣятели провинціальной прессы должны концентрировать свою работу преимущественно на освѣщеніи мѣстныхъ дѣлъ. Но послѣднихъ однихъ провинціальному читателю недостаточно: ему вполнѣ законно хочется быть въ курсѣ жизни и столицъ, и остальной провинціи, и Запада. Этимъ потребностямъ удовлетворяютъ или стараются удовлетворить печать столичная и провинціальная остальныхъ районовъ. И вотъ изъ первой провинціальная газета черпаетъ, кромѣ всякаго рода прави-

тельственныхъ извѣстій, статьи общаго характера и лучшую беллетристику, изъ вторыхъ — почти исключительно фактическую сторону многосложной общественной жизни. Авторы матеріала перваго рода не могутъ не знать, что ихъ трудъ, оплачиваемый гораздо дороже, чѣмъ въ провинціи (повторяю—рядовой), по этому самому не можетъ быть использованъ тамъ въ качествѣ оригинальнаго. Что же касается фактическаго матеріала, то, разумѣется, платить за него нѣтъ никакой возможности, потому что тогда пришлось бы расходовать средства на корреспонденціи изъ всей Россіи въ ущербъ собственному району. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ неизбѣжно заимствованіе. На это говорятъ: хочешь пользоваться—плати деньги. Съ точки зрѣнія понятія о собственности это вѣрно. Но дѣло въ *возможности платить* и въ то же самое время продолжать *вести мѣстную* газету.

Говорятъ: благодаря перепечаткамъ, никогда не повысится уровень провинціальнаго гонорара. Но и это невѣрно. Издатель-интеллигентъ и издатель-писатель и такъ платятъ столько, сколько могутъ, бо̀льшаго часто не выдержитъ туго стягиваемый бюджетъ. Если же издатель — просто коммерсантъ, Иванъ Непомнящій, то онъ въ достаточной степени основательно ведетъ свою линію, чтобы не сумѣть съ своей сторой обходиться тѣми же перепечатками, но слегка передѣланными... Когда я слышу объ *обязательной* оплатѣ перепечатокъ, то мнѣ всегда приходитъ въ голову аналогія ея съ налогомъ на бѣдность. Дайте-ка, господа, бѣдняку стать на ноги, а потомъ включайте его въ число налогоплательщиковъ. Дайте провинціальной печати медвѣжьихъ угловъ развить малокультурную массу, пріобрѣсти достаточную матеріальную прочность, и тогда, повѣрьте, она или не будетъ перепечатывать совсѣмъ, или станетъ оплачивать перепечатки безпрекословно. Тогда же поднимется и литературный заработокъ. Далѣе, неужели отъ писателя нельзя ожидать бо̀льшаго, чѣмъ отъ всякаго ремесленника? Неужели, получивъ за свой трудъ опредѣленный гонораръ, онъ не долженъ искренно радоваться тому, что трудъ этотъ, будучи признанъ цѣннымъ, перепечатываютъ изданія, не могущія его

оплатить? Неужели, наконецъ, писателя, какъ проводника извѣстной идеи, не должно радовать ея усиленное распространеніе? Скажутъ: это идеализмъ, съ котораго сытъ не будешь... Пускай такъ, хотя сознавать это ужасное маклачество очень горько и больно—но, вѣдь, и съ оплаты перепечатокъ тоже сытъ не будешь—онѣ сведутся до минимума...

Къ кражѣ перепечатокъ примыкаетъ и другое злоупотребленіе: кража иллюстрацій. Она мало замѣтна для публики и рѣдко даетъ возможность достаточно вѣскаго обвиненія, потому что отговорка всегда налицо: конечно, данный человѣкъ, картина и т. д., на всѣхъ фотографіяхъ одинаковы... Я не говорю объ обычной переуступкѣ столичными изданіями провинціальнымъ своихъ уже использованныхъ клише—это не кража. Обнаружилось, напримѣръ, что одинъ очень состоятельный издатель преподносилъ довѣрчивой публикѣ снимки «русскихъ войскъ въ Китаѣ», пока не выяснилось, что они были сдѣланы еще въ мирное время въ Красносельскомъ и другихъ мирныхъ лагеряхъ для иной цѣли.. Зналъ это и услужливый редакторъ, знали, вѣроятно, и сотрудники.

Всевозможные юбилеи изданій (а теперь нѣтъ, кажется только мѣсячныхъ) — тоже удобный случай обмануть, залѣзть въ карманъ простофили-читателя.

Одна газета высчитываетъ длину той ленты, которой бы можно было обмотать нѣсколько разъ землю по экватору, составивъ ее изъ всей затраченной изданіемъ бумаги; другая строитъ изъ послѣдней пирамиды и колонны, упирающіяся прямо въ солнце; третья пріятно замираетъ произнести то колоссальное число, которое выражаетъ количество буквъ, помѣщенныхъ въ листахъ за время своей жизни,—словомъ, кто во что горазда, но всѣ съ непремѣннымъ стремленіемъ въ высь. Нѣкоторые считаютъ всю такую ариѳметику ужъ очень пріѣвшейся и идутъ дальше. Оставляя въ сторонѣ экваторъ и солнце они понимаютъ, что и на землѣ есть еще способы прославиться, и вотъ одна газета помѣщаетъ списокъ лицъ, «осчаст-

ливившихъ своимъ присутствіемъ» юбилейный молебенъ, завтракъ или обѣдъ, другая—письма и телеграммы особъ неприсутствовавшихъ и т. д. Это, разумѣется, болѣе внушительно, особенно по нынѣшнимъ временамъ. Если же, по какимъ-либо причинамъ, синодикъ именъ «особъ» жидковатъ и не особенно торжественъ, прибѣгаютъ къ третьему способу: самовоскуренію. Выпускается номеръ съ лестной характеристикой собственныхъ сотрудниковъ, гдѣ они называются «извѣстными», «знаменитыми», «давно пользующимися вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ у публики» и т. д.

Развѣ путь рекламы, лжи и обмана не безграниченъ?! Развѣ по нему можно прійти когда-нибудь къ концу?!

Специфическимъ послѣдствіемъ прихода въ журналистику коммерсанта явилась и обычная поддержка путемъ газеты его собственныхъ торговыхъ, промышленныхъ и другихъ предпріятій. Довольно часто коммерсантъ предоставляетъ редакціи болѣе или менѣе полную свободу, ограничивая ее лишь безусловнымъ запретомъ касаться такихъ-то предпріятій и учрежденій, съ которыми ему очень важно поддерживать добрыя отношенія, чтобы не потерять выгоднаго покупателя или кліента. Такой способъ «поддерживанія», если въ него входитъ лишь обязательство не писать ничего дурного безъ обязательства писать хорошее—полеволѣ въ журнальномъ мірѣ считается еще сноснымъ, терпимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, становясь на точку зрѣнія практики, приходится сказать, что такой компромиссъ одинъ изъ самыхъ еще терпимыхъ при всей суммѣ условій, окружающихъ возможность работать; съ нимъ приходится мириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, если ограниченія коммерсанта не простираются дальше мелочей, если во всемъ остальномъ хорошо сгруппировавшаяся редакція пользуется правомъ полной самостоятельности. При такихъ условіяхъ существовали и существуютъ очень и очень порядочныя изданія...

Но бываетъ, что издатель прямо заказываетъ статьи въ пользу своего театра, завода, фабрики, книгоиздательства, бань... Я

знаю случай, когда сотрудникъ былъ удаленъ изъ изданія только за то, что, рецензируя игру артиста труппы своего «патрона», вмѣсто требуемаго имъ «великолѣпно» написалъ, все-таки, «недурно». Знаю и другой, когда редактору было сказано чтобъ онъ «собиралъ свои пожитки» за допущеніе въ отсутствіе издателя объявленія о продажѣ пива N-скаго завода... Издатель имѣлъ свой пивной заводъ, круглый годъ держалъ о немъ публикацію на всѣхъ четырехъ страницахъ газеты и о другихъ заводахъ не принималъ объявленій ни за какія деньги... Мало того, если ему случалось увидѣть какую-нибудь корректурную гранку, не исключая даже беллетристики, и тамъ встрѣчались слова, ну, хоть такія: «сидя за бутылкой пива, они пробесѣдовали долго за полночь»—онъ всегда вставлялъ передъ словомъ «пива» названіе своего, и никакіе доводы редактора о неумѣстности подобныхъ вставокъ не дѣйствовали.

Наконецъ, ко всему этому надо прибавить факты неудовлетворенія подписчиковъ и публикаторовъ при прекращеніи или пріостановкѣ изданія. Въ такихъ, случаяхъ, публика наша сама проявляетъ часто поразительное распустёшество и абсолютную неспособность отстаивать свои права. Ее обманываютъ самымъ наглымъ образомъ, собираютъ—я знаю такой случай—и преспокойно кладутъ въ карманъ десятки тысячъ, а она «жалѣетъ»... Странныя денежныя отношенія (съ издателемъ иныхъ не можетъ быть) на почвѣ «жалости». Возмутительныя,—потому что надуваетъ публику коммерсантъ. Неужели наша публика не понимаетъ, что каждый издатель обязанъ быть приготовленнымъ къ случайностямъ, разъ онѣ входятъ въ газетное дѣло очень существеннымъ элементомъ? Кромѣ того, простая логика подсказываетъ требовать несенія убытковъ обладателемъ барышей. Я понимаю желаніе подписчика не требовать причитающихся себѣ денегъ, когда онъ ясно знаетъ причины крушенія газеты, но надо дать ему самому отказаться отъ возмѣщенія своей потери. А, вѣдь, иногда оборотистые

люди закрываютъ изданіе добровольно, мошенническимъ образомъ прикрываясь «независящими обстоятельствами»...

VI.

Помню, я какъ-то зашелъ въ контору большой торговой фирмы, продававшей въ разсрочку пишущія машины.

— Скажите, пожалуйста,—обращаюсь къ одному изъ конторщиковъ — на какихъ условіяхъ можно купить у васъ машину въ разсрочку?

— А для кого-съ?

— Для себя.

— А вы гдѣ изволите служить?

— Нигдѣ.

Лицо моего собесѣдника вытягивается...

— Нужно поручительство.

— Кого?

— Одного изъ состоящихъ на видномъ мѣстѣ. Старшаго чиновника, служащаго въ банкѣ...

— Одного достаточно?

— Да вы чѣмъ, собственно, изволите заниматься?

— Я литераторъ...

— Гм... Тогда нужно двухъ поручителей.

— Почему?

— Да что-жъ, писатели... Нѣтъ, безъ двухъ поручителей и притомъ съ удостовѣреніемъ, что окладъ ихъ не меньше четырехъ тысячъ, мы не можемъ...

Не забуду и другого случая, какъ, нанимая квартиру въ незнакомомъ мнѣ городѣ, я нашелъ ее съ большимъ трудомъ. Потомъ только хозяинъ сказалъ мнѣ, что, пуская меня въ свой домъ, онъ не былъ увѣренъ, что я окажусь аккуратнымъ плательщикомъ.

Оба эти случая, по-моему, достаточно ярко иллюстрируютъ

извѣстное обществу матеріальное положеніе рядового работника-журналиста. «Да что-жъ, писатели», сказалъ нѣмецъ и былъ по-своему правъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть необезпеченнѣе русскаго писателя!? Какая другая свободная интеллигентная профессія подвергаетъ своихъ представителей сплошной иногда нищетѣ? По моимъ наблюденіямъ, такой больше нѣтъ.

Ни одна профессія не подвержена такой массѣ стихійныхъ условій, какъ журналистика. И стихійность эта не есть непремѣнное слѣдствіе самаго существа профессіи: въ существѣ своемъ она вполнѣ бы гарантировала устойчивость матеріальнаго положенія своихъ представителей. Тутъ важны именно «сторонніе» обстоятельства, никогда не позволяющія намъ точно разсчитывать даже на самое ближайшее будущее: оно во власти этихъ обстоятельствъ. Съ другой стороны— сосѣдство и зависимость отъ коммерсанта, силою своихъ стремленій, склоннаго къ возможному пониженію нашего заработка. А между тѣмъ, врядъ-ли журналистика ни больше другихъ интеллигентныхъ профессій требуетъ извѣстнаго матеріальнаго минимума для существованія своихъ представителей и ихъ семей, иначе продуктивный, оригинальный, продуманный и—что очень важно — необходимый въ данный моментъ обществу трудъ становится невозможнымъ. Духовная дѣятельность обыкновеннаго средняго человѣка—геройства и подвижничества нельзя требовать ни отъ кого — немыслима безъ извѣстнаго комфорта [6]), съ постоянной мыслью о завтрашнемъ кускѣ хлѣба. Между тѣмъ, жить исключительно журналистикой многіе изъ насъ совершенно не могутъ, даже не сопротивляясь ремесленничеству, которое въ самой тонкой формѣ и то всегда страшно давитъ и мучаетъ честнаго писателя... И вотъ — журналистъ въ рядахъ чиновниковъ, въ мірѣ коммерціи и часто на пути добыванія куска хлѣба неразборчивыми средствами.

Поступая въ чиновники и чувствуя, можетъ быть, и очень гдѣ-то глубоко, ущемленную литературную свободу, нѣкото-

---

[6]) Конечно, слово это употребляю въ его буквальномъ смыслѣ: «удобства».

рые пробуютъ оправдать такое свое поведеніе, пытаются доказать, что въ сущности нутро ихъ остается попрежнему свободнымъ, что функціи его попрежнему независимы. «Неужели, говорятъ они, для того, чтобы писать или подписывать официальныя «входящія» и «исходящія», нужно передѣлать строй своего общаго и политическаго міровоззрѣнія?».. Съ перваго, бѣглаго взгляда этотъ доводъ можетъ, пожалуй, показаться убѣдительнымъ, но не будемъ же обманывать себя и другихъ! По-моему, вопросъ рѣшается очень просто: если ты идешь въ чиновники и не оставляешь журналистику, то всегда обманываешь общество. Обманываешь уже потому, что первое требованіе, которое общество предъявляетъ къ тебѣ, какъ журналисту, это—свобода, а чиновникъ никогда не свободенъ, если онъ служитъ по убѣжденію, честно. Служить же безъ убѣжденія, ради прочнаго казеннаго куска хлѣба, и быть свободнымъ журналистомъ значитъ обманывать его вдвойнѣ.

Единственно допустимое совмѣстительство государственной службы и журналистики, это—университетская каѳедра. Оно можетъ быть сдѣлано по многимъ соображеніямъ. Прежде всего журналистика—та же каѳедра, но съ нѣсколько иной и по составу и по размѣрамъ аудиторіей. Во-вторыхъ, доцента, какъ и журналиста, можно заставить молчать, но нельзя заставить говорить помимо его собственной воли. Въ-третьихъ, надо брать въ разсчетъ условія времени, всегда одинаковыя для свободы каѳедры и печати. Припомните, что писалъ Бѣлинскій Грановскому: «Чтожъ дѣлать при видѣ этой ужасной дѣйствительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а дѣйствовать елико возможно, чтобы другіе потомъ лучше могли жить, если намъ никакъ нельзя жить. Какъ же дѣйствовать? Только два средства: каѳедра и журналъ—все остальное вздоръ» [7]).

Я уже предвижу ожесточенныя вылазки господъ либеральничающихъ журналистовъ-чиновниковъ, забронировавшихся славными именами Салтыкова и Шелгунова. Но страха на меня

[7]) *А. Пыпинъ.* «Бѣлинскій», II, 82.

они, разумѣется, не наводятъ. Надо сдѣлать столько, сколько сдѣлали эти и подобные имъ люди, быть не хуже ихъ и тогда только имѣть право прикрывать ихъ авторитетами свое общественное поведеніе. Названныхъ двухъ писателей я уважаю, конечно, не меньше, чѣмъ господа вылазчики, готовъ благоговѣйно подписаться подъ каждымъ словомъ ихъ сочиненій, но развѣ все это обязываетъ меня закрывать глаза на ихъ ошибки? Скажу больше — этимъ двумъ писателямъ можно и должно похерить «чиновничество» — надо знать хорошо ихъ біографію, надо сумѣть понять ихъ время и окружающую обстановку. Надо, наконецъ, помнить, что Салтыковъ изъ тридцати трехъ лѣтъ своей литературной дѣятельности служилъ только первыя девять, а Шелгуновъ изъ тридцати двухъ—только первые два. Но и это еще не все. Біографъ Салтыкова, К. К. Арсеньевъ, совершенно категорически указываетъ, что за три года до окончательнаго его выхода въ отставку, неувѣренный въ себѣ Салтыковъ «хотѣлъ-было порвать съ литературой». Эту неувѣренность въ своихъ силахъ нужно тоже не забывать... Что касается Шелгунова, то могутъ, пожалуй, указать на его письмо къ женѣ, гдѣ онъ, прося добыть ему службу по акцизу, говоритъ: «есть еще одна дорога. Служить по акцизу у Грота. Думаю, что новыхъ доказательствъ моихъ служебныхъ способностей и честности мнѣ представлять не нужно. Что же касается до моего общаго и политическаго міровоззрѣнія, то я думаю, что при опредѣленіи крѣпости спирта и учетѣ винокуренныхъ заводовъ міровоззрѣніе не играетъ ровно никакой роли, и никому оно не нужно» [8]).

Испытавшему столько, сколько испыталъ Шелгуновъ, больному, какъ онъ, гонимому, вѣчно разлученному съ женой и семьей — не только можно, но и должно простить минутную слабость измочаленныхъ первовъ. Наконецъ, развѣ онъ пошелъ въ акцизъ, развѣ онъ не «умеръ со знаменемъ въ рукахъ», какъ гласитъ надпись на одномъ изъ его могильныхъ вѣнковъ?!...

---

[8]) *Л. Шелгунова*, «Изъ далекаго прошлаго», 1901 г., 190.

Полноте, господа! Да развѣ ради оправданія даже всѣхъ васъ гуртомъ можно серьезно заниматься безполезной, потому что никому ненужной, и оскорбительной, потому что это вы, реабилитаціей такихъ именъ, которыя все интеллигентное русское общество благоговѣйно чтитъ, да, именно чтитъ, не только любитъ и уважаетъ!..

. . . . . .

Было бы несправедливо не выдѣлить изъ журналистовъ-чиновниковъ особой группы чиновниковъ-журналистовъ. Къ сожалѣнію, понятія эти многими спутаны, а, между тѣмъ, различеніе ихъ важно ради болѣе детальной классификаціи пишущей братіи. За послѣднія двадцать лѣтъ стало особенно въ модѣ отводить мѣсто въ газетахъ и «толстыхъ» журналахъ работамъ чиновниковъ по вопросамъ, ввѣреннымъ имъ по службѣ. Большинство такихъ «статей» есть въ сущности почти даже стилистически не приглаженные «докладныя записки», «проекты», «журналы» и т. п. Такихъ «публицистовъ» у насъ развелось порядочно. Журналистикой они пользуются исключительно, какъ дойной коровой, доходнымъ способомъ дать широкое распространеніе своему «докладу», получить гонораръ за произведеніе, въ канцеляріяхъ особо не оплачивающееся, и вмѣстѣ съ тѣмъ вылѣзти по службѣ на вѣрномъ концѣ журнальной «учености»... Такихъ, съ позволенія сказать, журналистовъ, я, разумѣется, не бралъ выше въ соображеніе, потому что что имъ журналистика и что они журналистикѣ? Я упоминаю о нихъ только для того, чтобы показать, что они мною не забыты, не свалены въ общую кучу.

. . . . . .

Иное положеніе занимаютъ журналисты, состоящіе на частной службѣ, если, конечно, она по самому своему существу не противорѣчитъ требованіямъ нравственнаго поведенія личности. Разъ журналистика, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не можетъ давать необходимыхъ средствъ для существованія, а бросить ее, какъ самое драгоцѣнное проявленіе своей духовной дѣятельности, человѣкъ не въ силахъ, не искалѣчивши своего нутра—онъ въ правѣ и даже долженъ заняться

частнымъ приватнымъ трудомъ, который бы спасъ его, как
журналиста, отъ нравственнаго паденія. Частная служба, на
примѣръ, въ земствѣ, муниципалитетахъ, банкахъ и т. п., н
можетъ компрометировать журналиста: *сущность* ея ни на іот
не ущемляетъ его свободу, какъ опредѣленно мыслящаго члена
общества; она не нарушена до тѣхъ поръ, пока, подчиняясь
чужой волѣ, онъ не сдѣлаетъ шага, противорѣчащаго своим
основнымъ убѣжденіямъ. Поэтому же нельзя осуждать жур
налиста, занимающагося торговлей (конечно, не водкой, пор
нографіей и пр.): нужно только, чтобы это была торговля
достойная высоты ея хозяина, чтобы она велась и экономи
чески и общественно честно и вполнѣ добросовѣстно
чтобы журналистъ оплачивалъ только свой собственный в
ней трудъ.

Года четыре тому назадъ нашумѣлъ бланкъ одного лите
ратора, гдѣ были и посредничество по скупкѣ земли, и тор
говля жерновами, и хлопоты по вводу во владѣніе и еще мно
гое другое, а въ самомъ концѣ стояло: «сотрудникъ такихъ-т
журналовъ и газетъ». По-моему, тутъ нужно было говорить
прежде всего о рекламированіи частной дѣятельности антура
жемъ писателя. Но на эту-то сторону какъ разъ почти и н
было обращено вниманія. Травили именно за самый посторон
ній литературѣ трудъ, кричали о позорѣ такого совмѣститель
ства и т. д. И, замѣтьте, кричали больше всего люди, полу
чающіе по нѣскольку тысячъ рублей въ годъ со стола журна
листики. Я далеко не поклонникъ и—упаси Богъ!—не едино
мышленникъ обладателя бланка, но долженъ сказать, что вполн
справедливо къ нему почти никто не отнесся...

Конечно, лучше, если журналистъ сможетъ пережить крити
ческій періодъ и не будетъ связанъ никакой посторонней служ
бой, лучше именно въ Россіи, гдѣ такъ необходимо всецѣл
отдаться только одному этому дѣлу.

Нѣкоторые высказываютъ мнѣніе, что какъ бы то ни было
но журналистъ *долженъ* быть только журналистомъ, что ни
какіе подсобные заработки не должны входить въ его бюджетъ
Мотивируется это мнѣніе такимъ соображеніемъ: пока журна

листъ не будетъ жить исключительно литературой, до тѣхъ поръ онъ не будетъ предъявлять къ издателямъ энергичныхъ требованій о соотвѣтственной оплатѣ своего труда. Мнѣ кажется, тутъ недоразумѣніе того же порядка, какъ и въ рабочемъ вопросѣ, прекрасно формулированное г. Туганомъ-Барановскимъ въ «Русской фабрикѣ». Связь журналистики съ подсобной службой или работой является пока экономически необходимой и поэтому она такъ упорно держится. Пока заработокъ журналиста не прочнѣе и не больше нынѣшняго, до тѣхъ поръ эта связь не можетъ не сохраниться, хотя ясно, что она-то и есть одна изъ причинъ, обусловливающихъ современный уровень заработка. Такимъ образомъ связь эта—и причина и слѣдствіе небольшого, плохо гарантированнаго заработка. И, по-моему, журналистъ именно до тѣхъ поръ не предъявитъ сколько-нибудь энергично этихъ требованій, пока не будетъ въ состояніи чувствовать подъ собой почвы если бы они не были выполнены. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вопросѣ тотъ же безвыходный кругъ, что и въ рабочемъ вообще: для повышенія литературной заработной платы необходимо прекращеніе связи журналистовъ съ подсобными заработками, а для прекращенія связи съ подсобными заработками необходимо повышеніе литературной заработной платы. «Стороннія» обстоятельства стоятъ, разумѣется, внѣ заколдованнаго круга. И кругъ этотъ не разрѣшимъ. Его разрѣшитъ будущее и, конечно, только при условіи сплоченности журналистовъ, ясной формулировки ихъ общихъ требованій и энергіи и настойчивости въ ихъ удовлетвореніи.

А какъ оплачивается нашъ трудъ?!

По мнѣнію Ад. Смита, «трудъ работника, кромѣ обычной заработной платы, долженъ доставлять ему возможность вернуть расходы на его воспитаніе и, кромѣ того, дать, по крайней мѣрѣ, обычный барышъ—и все это притомъ должно совершиться въ опредѣленное время, во вниманіе къ крайне не

опредѣленной продолжительности человѣческой жизни, и
допускающей такого вѣрнаго разсчета напередъ, какой возмо
женъ въ отношеніи прочности машины».

Д-ръ Энгель въ статьѣ «Цѣна труда» указываетъ, какъ слѣ
дуетъ вычислять расходы рабочаго, за исключеніемъ его днев
ного пропитанія. Вотъ главныя статьи бюджета: 1) издержк
на погашеніе капитала, затраченнаго въ молодости на воспи
таніе и образованіе: а) проценты и погашеніе на этотъ капи
талъ, б) страхованіе этого капитала на случай смерти рабочаг
до погашенія, на случай неспособности къ труду, на случа
временной утраты; 2) издержки на поддержаніе жизни и спо
собности къ труду: а) расходы на поддержаніе и возстановле
ніе силъ, б) страхованіе противъ преждевременной утраты спо
собности къ труду, в) страхованіе противъ временнаго прекра
щенія заработковъ вслѣдствіе: болѣзни, кризисовъ или засто
въ данной отрасли промышленности; 3) издержки на поддер
жаніе жизни въ старости [9]).

Между тѣмъ, по совершенно справедливому утвержденію
Е. И. Конради, можно считать почти за общее правило, что
«литературный работникъ, вступивъ уже въ производительный
періодъ своей дѣятельности, становится лицомъ къ лицу с
неразрѣшимой диллемой—содержать себя трудомъ, предпол
гающимъ уже извѣстную образовательную подготовку, въ т
же время пріобрѣтать то, что ему недостаетъ по части эт
подготовки». Все это еще туда-сюда, но бѣда, когда къ тому
присоединяется необходимость содержать семью,—«т.-е. уплач
вать воспитаніемъ дѣтей долгъ собственнаго образованія, тог
какъ лишь часть этого долга была дѣйствительно сдѣлана
свое время, а остальная, недостающая часть должна наверст
ваться самимъ работниковъ въ такую пору его жизни, ког
онъ стоитъ уже на своихъ ногахъ и когда ему не отъ ко
ожидать той заимообразной поддержки, которую каждое во
мужавшее поколѣніе должно оказывать въ формѣ воспитан
подрастающему»...

---

[9]) Цитирую по труду *Ф. Ланге*—«Рабочій вопросъ».

«Цифра литературнаго заработка, покрывающая съ грѣхомъ пополамъ minimum потребностей, который установился въ данномъ быту, не удовлетворяетъ остальнымъ условіямъ, которыя, по самому скромному разсчету, признаются необходимыми для того, чтобы трудъ покрывалъ свои собственныя издержки и не шелъ навстрѣчу къ неминуемому банкротству. Цифра эта не даетъ средствъ ни для той спеціальной подготовки, которой требуетъ литературная дѣятельность, ни для поддержанія капитала нравственныхъ и физическихъ силъ въ теченіе рабочаго періода жизни, ни для обезпеченія извѣстной страховой преміи на случай болѣзни, безработицы или старости. Если цифра эта и можетъ быть до извѣстной степени увеличена усиленной работой, то дѣлается это не иначе, какъ въ ущербъ двумъ первымъ изъ вышеназванныхъ элементовъ «собственной цѣны труда», т.-е. въ ущербъ необходимой спеціальной подготовкѣ и капиталу нравственной и физической рабочей силы,—а это, въ свою очередь, отзывается сокращеніемъ рабочаго періода жизни, въ теченіе котораго должны быть покрыты всѣ собственные расходы труда, и увеличиваетъ вѣроятіе временнаго перерыва работы, которое и безъ того при непрочности положенія литературныхъ работниковъ и при тѣхъ случайностяхъ, которымъ подвержено существованіе литературныхъ предпріятій, достаточно велико. Такимъ образомъ, процентъ за страховую премію возрастаетъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ покрытіе его изъ заработка становится немыслимо. Въ результатѣ всѣхъ этихъ дефицитовъ, нарастающихъ одинъ на другомъ и другъ друга обусловливающихъ, получается быстрое и полное банкротство труда». [10]).

Ко всему этому врядъ-ли нужно много прибавлять. Въ результатѣ сплошь и рядомъ одновременно: и банкротство, и ремесленничество. Вещи пишутся такой, а не меньшей длины, потому что нужно получить столько, а не меньше рублей...

[10]) «Организація литературнаго труда» въ сборникѣ «Русскіе общественные вопросы», 1872 г.

То, что можно сказать въ двухъ словахъ, говорится въ десятках строкахъ, съ постоянными черезъ точку абзацами, повторе

Правъ, десять разъ правъ былъ Шелгуновъ, когда слишкомъ 40 лѣтъ назадъ писалъ.

«Всѣ уже рабочіе поняли пользу промышленныхъ ассоціаці и только одни литераторы и журналисты, разсуждавшіе такъ много на эту тему, не сдѣлали для себя ничего: капиталисты-издатели, живущіе ихъ трудомъ, попрежнему эксплоатируютъ своихъ сотрудниковъ, а сотрудники попрежнему остаются въ кабалѣ и привлекаютъ туда еще новыхъ литературныхъ пролетаріевъ» [11]).

Эти слова выражавшія тогда всю злобу по адресу эксплоататоровъ, вогнавшихъ въ раннія могилы Бѣлинскаго и многихъ, многихъ другихъ, и теперь являются точнымъ выраженіемъ происходящаго въ наши дни.

Издателей Некрасовыхъ, Панаевыхъ, Елисеевыхъ, Салтыковыхъ было днемъ съ огнемъ; а теперь ихъ много больше?

Вотъ нѣсколько яркихъ иллюстраціи къ современной оплатѣ труда журналистовъ.

Секретарь редакціи средней по размѣрамъ газеты, по-простуз завѣдующій редакціей (этого названія издатели изъ прижимистыхъ не долюбливаютъ: оно заставляетъ платить побольше) за 50 руб. въ мѣсяцъ и *право* (!) на 1800 строкъ по 2 коп. долженъ былъ: прочитывать всѣ столичныя газеты и выбирать оттуда имперскую хронику, «обзоръ печати» и беллетристику, всѣ провинціальныя газеты — «по Россіи», «провинціальную хронику», редактировать всѣ рукописи статей и фельетоновъ, завѣдывать громаднымъ областнымъ отдѣломъ, вести гонорарную книгу и всю переписку, компилировать 8 статей въ мѣсяцъ изъ газетъ и журналовъ (безплатно) и, наконецъ, вести всѣ переговоры съ посѣтителями. Издатель при бюджетѣ въ 36—38.000 руб. (съ типографіей) получалъ въ годъ 6—7.000 чистаго, а когда указывали на это, говорилъ, что «совер

[11]) «Литературные рабочіе», «Современникъ», 1861 г., X, 208.

шенно не понимаетъ такой странной бухгалтеріи», потому что считаетъ себѣ жалованье въ 3000 руб. въ годъ за работу редактора... Между тѣмъ, такъ какъ въ конторскихъ книгахъ велась и вся его домашняя жизнь, то все, что̀ тратилось семьей, все это вносилось въ теченіе года въ расходы по изданію... Порядокъ этотъ въ нѣкоторыхъ газетахъ держится упорно...

Завѣдующій мѣстной хроникой, онъ же единственный репортеръ газеты, получая 50 руб. въ мѣсяцъ, имѣлъ въ день свободныхъ 3—4 часа, посвящая все остальное время собачьей бѣготнѣ по городу...

Завѣдующій иностраннымъ отдѣломъ большой газеты, дающей издателю около 35—40.000 руб. въ годъ при бюджетѣ въ 200.000 руб., получаетъ за все 125 руб. въ мѣсяцъ...

Помощникъ редактора (дѣйствительный помощникъ, а не старшій корректоръ) большой газеты, приносящей издателю около 50.000 при бюджетѣ въ 160.000 руб., получаетъ за массу работы съ прибавкой 15 ночныхъ дежурствъ на выпускѣ номера, 150 руб. Впрочемъ, онъ имѣетъ *право* на 10.000 строкъ самостоятельной работы въ мѣсяцъ по 3 коп., иначе говоря, на 11—12 печатныхъ листовъ оригинальнаго матеріала въ мѣсяцъ...

Но это еще не всѣ условія матеріальной жизни русскаго журналиста. Не менѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ неаккуратность нѣкоторыхъ издателей, не платящихъ въ срокъ даже такихъ нищенскихъ жалованій и гонораровъ. Я знаю нѣкоторыхъ издателей, которые прежде всего стараются удовлетворить наличною у нихъ суммой свои оформленныя обязательства передъ поставщиками бумаги, типографскихъ принадлежностей, рабочими, почтой и т. д. и уже послѣ всѣхъ этихъ разсчетовъ думаютъ о сотрудникахъ. Уплата ежемѣсячнаго жалованья на недѣлю, на двѣ позже срока, а гонорара—черезъ мѣсяцъ со дня напечатанія работы—это такое у нихъ обыкновенное явленіе, что журналистъ о немъ рѣдко говоритъ. Онъ претендуетъ лишь на болѣе продолжительныя оттяжки, но и тогда къ чему

сводится его протестъ? Самое большее—къ энергичному требованію своего собственнаго, на которое такіе издатели отвѣчаютъ не менѣе энергично: «никакъ не могу, потрудитесь обождать». Конечно, есть органы, матеріальное положеніе которыхъ таково, что сотрудники и сами согласны иногда долго ждать возможности уплаты слѣдуемаго имъ заработка, но, конечно, дѣйствительное затрудненіе встрѣчается рѣже, чѣмъ простая халатность по отношенію къ людямъ, съ которыми издатели не связаны никакими письменными обязательствами. Не даромъ же иногда на вопросъ: каковъ тамъ-то издатель?—серьезные и вполнѣ литературные люди отвѣчаютъ прежде всего: «платитъ аккуратно». И говорится это съ явнымъ желаніемъ хорошо его аттестовать съ самаго начала...

Въ одной газетѣ, обладающей хорошими средствами, гонораръ платится, какъ исключеніе. Какъ-то ея сотрудникъ, послѣ длиннаго ряда всевозможныхъ писемъ объ уплатѣ, долженъ былъ обратиться въ другую газету, чтобы добиться, наконецъ, хоть какого-нибудь печатнаго отвѣта. Оказалось, гонораръ уплачивается только по полученіи «форменнаго» счета чуть-ли не съ полицейскимъ удостовѣреніемъ, а таковой представленъ не былъ... Другой сотрудникъ точно такъ же не могъ найти слѣдовъ посланной туда повѣсти, пока одинъ знакомый не подобралъ ему номера и не увѣдомилъ, что вещь, о которой такъ упорно молчатъ, давнымъ давно напечатана.

Не могу тутъ же не сообщить одного «курьеза»... Въ одной очень большой газетѣ, издатель которой составилъ себѣ кругленькій капиталецъ и уже отстроилъ здоровенный домище, статьи и фельетоны оплачиваются... *поштучно*... Нѣкоторые журналисты примутъ это, можетъ быть, за анекдотъ. Я самъ долго не вѣрилъ такой нелѣпости, пока собственными глазами не увидѣлъ «счетъ» коллеги. Большія статьи оплачиваются 7 рублями, а малыя—5! Въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло рѣшаетъ глазомѣръ самого издателя и никакія возраженія автора не принимаются во вниманіе...

— У насъ ужъ такъ принято...—отвѣчаетъ литературный «благодѣтель», поигрывая брелоками своей пудовой золотой цѣпи...

Когда я попробовалъ подсчитать выгодность такого расчета, то оказалось, что, благодаря только этой бухгалтеріи, издатель ежегодно кладетъ въ карманъ около 6.000 рублей, кулацки сдираемыхъ съ сотрудниковъ, давшихъ ему и палаццо и положеніе...

Нельзя также не указать на полную необезпеченность журналиста въ періодъ времени между прекращеніемъ постоянной работы, по какимъ бы то ни было причинамъ, въ одномъ изданіи и началомъ ея въ другомъ. Сплошь и рядомъ ему не удается болѣе или менѣе скоро найти подходящую работу; средствъ, конечно, никакихъ; изъ изданія вышелъ безъ всякаго единовременнаго вознагражденія со стороны издателя. Современная дифференціація изданій сама по себѣ уже очень осложняетъ вопросъ предложенія литературныхъ рабочихъ рукъ помимо постоянныхъ сотрудниковъ. А тутъ есть еще и многія другія, кажущіяся иногда мелкими причины: во-первыхъ, тѣ вопросы, которые интересуютъ журналиста, могутъ не интересовать изданіе, въ которое онъ вздумаетъ предложить свою построчную работу, или быть тамъ уже выясненными и сданными въ архивъ. Во-вторыхъ, обращаться, хоть на время, въ ремесленника и писать не о томъ, что́ интересно самому—очень и очень тяжело. Эти испытанія—одни изъ самыхъ давящихъ...

А тутъ семья, собственное, часто разстроенное здоровье...

Куда обратиться за помощью, чтобъ чувство одолженности давило наивозможно меньше? Или къ личнымъ друзьямъ, или къ корпораціи товарищей, т.-е. въ «Литературный Фондъ». Условное право на такое обращеніе представляетъ п. *б.* § 5 устава «Фонда», гласящій: «право на пособіе отъ Общества имѣютъ... заслуженный литераторъ и ученый, по преклонности лѣтъ или слабости здоровья, пришедшій въ невозможность содержать себя собственными трудами или продолжать службу и лишенный средствъ возстановить свои силы, или, наконецъ, стеченіемъ какихъ-либо другихъ обстоятельствъ при-

веденный въ стѣсненное положеніе». Комитетъ «Фонда» входитъ въ обсужденіе заслуженности (разумѣется, литературной) и надо отдать ему полную справедливость, очень чутко относится къ нуждамъ своихъ товарищей. Но эта-то чуткость при средствахъ «Фонда», не совсѣмъ соотвѣтствующихъ числу современныхъ литераторовъ, и есть главная причина очень небольшого размѣра каждаго выдаваемаго пособія. Хотя § 6 и рекомендуетъ «лучше меньшему числу оказать достаточное пособіе, чѣмъ многимъ, но безъ удовлетворительныхъ результатовъ», но кто изъ членовъ комитета возьметъ на себя страшную отвѣтственность отказа въ небольшой помощи дѣйствительно нуждающемуся человѣку? Писать объ этомъ гораздо легче. Между тѣмъ, не всякому необходимо и желательно *безвозвратное пособіе*, наоборотъ, многіе съ удовольствіемъ бы получали въ критическіе моменты безработицы *срочныя ссуды*. Вотъ этотъ-то вопросъ, очень существенный именно для литератора, «Литературному Фонду», имѣющему ссудный капиталъ крайне незначительный, и слѣдовало бы обсудить какъ можно шире и глубже. Пусть у насъ будетъ наше собственное прибѣжище, пусть каждый журналистъ, честно несущій свою святую службу, будетъ увѣренъ, что въ дѣйствительно трудную минуту свои же товарищи ссудятъ ему такую сумму, которая позволитъ не бросаться, ради голодающихъ дѣтей, на первое предложеніе работы, не итти на компромиссы...

Не могу не сказать также нѣсколькихъ словъ по поводу нѣкоторыхъ проектовъ улучшенія матеріальнаго положенія писателей, которыми пресса особенно изобиловала передъ недавнимъ юбилеемъ печати.

Небезызвѣстный публицистъ Г. К. Градовскій—горячій сотрудникъ кассы взаимопомощи литераторовъ и одинъ изъ ея учредителей—опубликовалъ свое письмо къ предсѣдателю кассы, Я. Н. Колубовскому, въ которомъ рекомендовалъ обратиться за помощью къ читателю. Предложеніе его настолько характерно, что я приведу его дословно:

«Мнѣ пришло въ голову: нельзя-ли обратиться непосредственно къ читателямъ и подписчикамъ съ приглашеніемъ приложить посильную лепту въ пользу пенсіоннаго фонда, какъ бы при подпискѣ на юбилейный годъ? Вѣдь, 200 лѣтъ труда и терзаній русскаго писателя что-нибудь да стоятъ и заслуживаютъ сочувствія и поддержки читателя. *Можно составить умненькое и чувствительное воззваніе* и напечатать его въ подписное время во всѣхъ газетахъ и журналахъ. Тогда же слѣдовало бы тиснуть нѣсколько статеекъ въ поддержаніе воззванія и публиковать имена жертвователей. Съ міру по ниткѣ—голому рубаха».

Въ письмѣ къ сотруднику «Русскихъ Вѣдомостей», А. П. Лукину, г. Градовскій писалъ:

«...Лучше всего было бы, если бы редакціи хотя бы главнѣйшихъ газетъ и журналовъ согласились обратиться непосредственно къ читателямъ съ приглашеніемъ составить читательскую складку по случаю двухсотлѣтія печати въ пенсіонный фондъ добавленіемъ хотя бы нѣсколькихъ копеекъ при подпискѣ на 1903 юбилейный годъ... Это—не выпрашиваніе милостыни, а услуга читателю, доставленіе ему удобнаго случая выразить свое сочувствіе печати и дѣлу обезпеченія литературнаго труда, на которое за границею собраны милліоны... Пора русскому читателю устыдиться необезпеченности и шаткости литературнаго труда въ Россіи. Иной желалъ бы принять участіе въ составленіи пенсіоннаго фонда, но стыдится пожертвовать рубль или два... Одиночное пожертвованіе такого размѣра считается даже оскорбительнымъ и смѣшнымъ, дерзкою выходкою... Но иное дѣло—общая складчина, въ которой и богатый, и бѣдный могли бы принять посильное участіе. Въ одинъ годъ однимъ дружескимъ натискомъ совершится доброе дѣло на пользу не только нынѣшнихъ, но и всѣхъ будущихъ русскихъ писателей. Пора обезпечить русскому писателю увѣренность, что въ старости или при инвалидности ему не придется протягивать руку за подаяніемъ или очутиться въ богадѣльнѣ»...

Итакъ, проектъ г. Градовскаго сводился, собственно, къ слезницѣ по адресу читателя... Надо-ли говорить, что такой способъ полученія помощи совершенно не соотвѣтствуетъ ни отно-

шеніямъ русскаго читателя къ писателю, ни достоинству ихъ обоихъ, а послѣдняго—въ особенности! Взывать «умненько и чувствительно» — способъ нелитературный. Онъ употребляется въ другихъ случаяхъ на послѣднихъ страницахъ газетъ... *Ло-вить и выпрашивать* читательскую ленту, это—ниже достоинства литературы и настоящіе писатели *такой* помощью никогда не воспользуются, если бы даже грозила голодная смерть!

Нѣтъ, тутъ надо другое, совершенно обратное. Надо, чтобы читатель самъ, по *собственной инициативѣ* пошелъ на встрѣчу писательской нуждѣ. Надо, чтобы его побуждала къ этому внутренняя работа сознанія и чувства, а не анонсированіе имени жертвователя.

Да и можетъ ли быть умѣстенъ тутъ терминъ *жертвователя*? Если читатель пошлетъ рубль - другой и будетъ думать, что онъ принесъ жертву—онъ глубоко ошибется! Русскій писатель, вся русская литература принесли и несутъ сами такія жертвы для общества, которыя никакими милліонами рублей искуплены быть не могутъ. И эти жертвы—наша гордость! Вѣдь, за нихъ только мы и заслуживаемъ любовь и уваженіе! Не о жертвахъ слѣдуетъ говорить, а о дружеской, minimum—товарищеской *помощи*. Въ этомъ только видѣ, только съ такимъ сознаніемъ данный рубль можетъ—и уже долженъ—быть принятъ писателемъ. Анонимность помогающаго—тоже важное условіе для сохраненія понятнаго самолюбія человѣка.

Такимъ образомъ, что остается отъ проекта г. Градовскаго? Только канва, конечно, не ему одному принадлежащая. Все остальное, весь узоръ долженъ быть выброшенъ за полной негодностью.

Иного пріема заслуживаетъ предложеніе В. В. Лесевича, изложенное въ видѣ письма въ редакцію въ № 213 «Русскихъ Вѣдомостей», но и въ него, по-моему, должны быть внесены коррективы. Уважаемый коллега предлагаетъ, во-первыхъ, сосредоточить помощь читателя не въ кассѣ взаимопомощи, а въ «Литературномъ Фондѣ»; во-вторыхъ,—реализировать ее въ видѣ бланковъ съ наклеенными сберегательными марками; въ третьихъ,—дать этой формѣ широкую гласность.

Съ первымъ нельзя не согласиться, потому что прямыя за-
дачи кассы—или помощь семьѣ уже умершаго, т.-е. перенесшаго
всю нищету, писателя, или помощь писателю, совершенно неспо-
собному къ труду по болѣзни. Въ иномъ положеніи «Фондъ»:
онъ поддерживаетъ писателя при жизни. Второе тоже врядъ-ли
можетъ быть замѣнено чѣмъ-нибудь болѣе простымъ и остро-
умнымъ. Что же касается третьяго предложенія, то, мнѣ кажется,
оно неумѣстно. По мнѣнію г. Лесевича,—«необходимо, чтобы при
отзывъ къ этимъ пожертвованіямъ нашелъ себѣ мѣсто въ наи-
большемъ числѣ журналовъ и газетъ и былъ повторяемъ, какъ
можно чаще. Идею возможности расширенія общественнаго
участія въ дѣятельности фонда надо сдѣлать общераспространен-
ною универсальною, ходячею: тогда только станетъ возмож-
нымъ судить объ ея практичности и плодотворности. Принять
ее къ свѣдѣнію и затѣмъ увѣнчать молчаніемъ значило бы не
признать значеніе опыта и всякую попытку новшества топить
въ рутинѣ. Чтобы идти впередъ, надо сдѣлать первый шагъ».

Все это вѣрно, но только въ примѣненіи къ читателю. Писа-
тель не можетъ самъ взывать о помощи. Дѣло читателей, поль-
зуясь столбцами газетъ, дать широкую гласность своему соб-
ственному желанію прійти на помощь литературнымъ работ-
никамъ. Мы должны быть совершенно въ сторонѣ. Слава Богу,
существующіе матеріалы по біографіи писателей достаточно
извѣстны, чтобы побудить каждаго друга-читателя вполнѣ
самостоятельно подумать о нашей нуждѣ...

Наше же дѣло — продолжать работать, по возможности, на
пользу русскаго общества, твердо вѣря, что у него самого до-
статочно и силъ и сознанія поддержать насъ.

Если русское общество не вспомнитъ само о своей литера-
турѣ — это, по моему, будетъ значить только, что тѣ рубли,
которые бы мы получили по способу г. Градовскаго, были бы
вырваны у него силою умиленія и чувствительности.

Матеріальное положеніе журналистовъ, занятыхъ въ еже-
дневной прессѣ, заслуживаетъ вниманія между прочимъ еще и

съ той стороны, о которой какъ-то совершенно забывается и при оплатѣ ихъ труда, и при созданіи самой обстановки послѣдняго.

Уже Бенжаменъ Констанъ, этотъ пылкій и преданный своему дѣлу публицистъ, замѣтилъ ахиллесову пяту въ психической жизни «газетчика». «Необходимость писать каждый день—говоритъ онъ—кажется мнѣ камнемъ преткновенія для таланта... Журналистъ отрекается отъ достоинства литератора, отъ глубины сужденій, отъ свободы мыслей. Обыкновенно журналъ хуже своего автора и, еще чаще, авторъ становится хуже своего журнала» [12]).

Да, одна изъ самыхъ губительныхъ сторонъ газетнаго дѣла есть, несомнѣнно, тяжелое чувство каждаго мыслящаго «газетчика», когда онъ видитъ, какая скрупулезная величина времени остается у него для собственной, личной духовной жизни, неукладывающейся въ рамки газеты—или по условіямъ цензуры, или по неполнотѣ программы и плана изданія,—для самообразованія и самосовершенствованія. Вѣдь, нельзя же не начать, наконецъ, считаться хотя бы съ такимъ *обыкновеннымъ* явленіемъ въ жизни громадной арміи газетныхъ работниковъ, какъ лишь «пробѣганіе» ежемѣсячныхъ журналовъ и даже книгъ, необходимыхъ, между тѣмъ, для самой ихъ текущей работы. Вѣчное горѣніе съ двухъ концовъ, вѣчная спѣшка... Это можно выдерживать пять, десять лѣтъ, но потомъ въ концѣ концовъ неминуемо: или прогрессивное нервное разстройство, или отреченіе отъ всякой культурной жизни, умственное одичаніе, ремесленничество.

Нужно повариться въ вѣчно кипящемъ газетномъ котлѣ, чтобы знать жизнь честнаго «газетчика». Этотъ человѣкъ живетъ для того, чтобы на слѣдующій же день не знать, на что ему придется реагировать своими истрепанными нервами;—какой вопросъ летящей, какъ стрѣла, жизни остановитъ завтра на себѣ его вниманіе;—на какое событіе ему нужно будетъ спѣ-

---

[12]) Цитирую по труду *Б. Чичерина*.—«О народномъ представительствѣ», 658—659.

шить отозваться. Онъ можетъ поручиться только за то, что сдѣлалъ, но не за то, что хочетъ сдѣлать... Онъ не располагаетъ своею жизнью... Онъ живетъ и въ семьѣ и внѣ ея. Въ семьѣ, потому что она у него есть, внѣ семьи, потому что онъ постоянно внѣ ея. Онъ видитъ своего друга-жену только урывками, онъ не знаетъ, какъ и чѣмъ она живетъ: на это нѣтъ времени. Онъ видитъ своихъ дѣтей только утромъ и едва успѣваетъ сказать имъ: «здравствуйте». Когда ночью или поздно вечеромъ онъ приходитъ домой или выходитъ изъ кабинета, чтобы побесѣдовать въ семьѣ полчаса, какъ антрактъ между работой,—дѣти уже спятъ, утомленная за день жена отдыхаетъ. Его знаютъ всѣ, потому что онъ бесѣдуетъ съ громадной аудиторіей; его не знаетъ никто: онъ скрывается за анонимомъ или псевдонимомъ. Облегчить клокочущее нутро онъ не можетъ: онъ въ бесѣдѣ не весь. Онъ думаетъ много, работаетъ еще больше, но говоритъ мало: нужно взвѣшивать каждое слово; ради «сторонних» обстоятельствъ нужно содержать въ себѣ особый аппаратъ, который бы во-время показывалъ, когда слѣдуетъ остановиться. Онъ всю свою жизнь работаетъ для другихъ, ради этого не имѣетъ своей личной жизни. Онъ не одному человѣку доставилъ свободу, средства, развитіе, далъ теплый совѣтъ, поддержалъ упадавшаго духомъ,—послѣ его смерти семья голодаетъ... Онъ вѣчно стремится къ расширенію своихъ знаній, хочетъ получить ихъ основательными и глубокими, но не можетъ: жизнь, которой онъ отдалъ всего себя, не даетъ возможности остановиться хоть на минуту, она тащитъ его за собой, крича: «Свѣти! хоть не очень ярко, но свѣти! Съ твоимъ свѣтомъ мы дойдемъ до настоящаго, безъ него—мы погибли!» Онъ страдаетъ, потому что живетъ; онъ чувствуетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, потому что видитъ вокругъ жизнь; онъ ежеминутно ощущаетъ и свое участіе въ ея пульсированіи. Его преслѣдуютъ, его гонятъ; его ненавидятъ, его любятъ, его цѣнятъ, на него надѣются. Его боятся и радушно встрѣчаютъ; отъ него отворачиваются и ему горячо жмутъ руки; изъ-за него сближаются и дерутся... Онъ радуется послѣдствіямъ своихъ правдивыхъ обличеній, замѣчаетъ поворотъ въ освѣ-

щаемую имъ сторону, чувствуетъ сзади товарищей, чувствуетъ ихъ локоть въ сомкнутомъ строѣ культурныхъ работниковъ и до самой смерти идетъ все впередъ и впередъ...

Бросить эту работу часто нѣтъ возможности: она страшно поглощаетъ человѣка, впитываетъ его въ себя; безъ нея, при привычкѣ, трудно оставаться даже нѣсколько дней...

Измѣнить сущность газетной работы тоже нѣтъ никакой возможности — у насъ она еще болѣе спокойна, чѣмъ на Западѣ. Надо, слѣдовательно, подойти къ рѣшенію затронутаго вопроса съ другой стороны, а именно—увеличить составъ редакціонныхъ работниковъ. Сейчасъ число послѣднихъ часто такъ ограниченно, что положительно не можетъ считаться сколько-нибудь нормальнымъ. По моимъ вычисленіямъ, въ средней, такъ сказать, редакціи, напримѣръ, провинціальной газеты, состоящей изъ редактора, помощника, секретаря, двухъ завѣдующихъ мѣстной хроникой, фельетониста и иностраннаго обозрѣвателя, редактору приходится работать ежедневно въ среднемъ 11—12 часовъ, помощнику 9—10, члену редакціи 8—9 и только иностранному обозрѣвателю 6—7 часовъ.

«Газетчики» должны подумать о своемъ рабочемъ днѣ. Если справедливой нормой физическаго труда считается 8 часовъ, то одно, по-моему, несомнѣнно: газетный день не долженъ превышать ее, а еще справедливѣе: не быть длиннѣе 7 часовъ, считая и время, необходимое для писанія обязательнаго литературнаго матеріала. Тогда только у этихъ тружениковъ будетъ оставаться безусловно необходимое время для собственной духовной жизни, тогда только они не будутъ вариться въ своемъ собственномъ соку, тогда только дадутъ живую и глубокую мысль.

VII.

Матеріальная необезпеченность журналистовъ, несомнѣнно,— одно изъ прочныхъ основаній зависимости ихъ отъ издателей, очень, конечно, различной въ степеняхъ и оттѣнкахъ. Однимъ

она связываетъ только руки, другимъ и языкъ, третьихъ дѣлаетъ лакеями и прислужниками Ивана Непомнящаго. Все рѣшаетъ вѣсъ нравственнаго багажа журналиста, разумѣется, въ связи съ нѣкоторыми матеріальными условіями. Но до чего доходитъ эта зависимость и страхъ за свою собственную шкуру, можетъ доказать масса фактовъ, когда слово издателя-коммерсанта, сказанное достаточно категорически и рѣшительно, является послѣднимъ въ столкновеніяхъ его съ редакціей.

«Такъ хочетъ издатель»—вотъ извиненіе очень многаго ненормальнаго въ литературно-общественномъ поведеніи нѣкоторыхъ органовъ и его работниковъ. Я знаю редакцію, гдѣ издателя большинство сотрудниковъ не называетъ иначе, какъ «хозяиномъ», произнося это слово совершенно серьезно въ разговорѣ не только другъ съ другомъ и со всей редакціонной прислугой... но и съ людьми имъ совершенно постороннимъ. «Хозяинъ идутъ!», возвѣщаетъ сторожъ, вбѣгая въ комнаты сотрудниковъ...

Знаю другую, гдѣ въ присутствіи издателя сотрудники не смѣютъ сидѣть... Знаю такую, въ которой гг. журналисты писали и подписывали письма въ защиту своего «патрона», сознательно называя бѣлое чернымъ, а когда имъ указывали на такое поведеніе, «возражали»: «ничего не подѣлаешь; ѣсть-пить всѣ хотятъ»...

Въ договорѣ редактора съ издателемъ одной изъ газетъ есть такой пунктъ: «я, редакторъ, обязуюсь тщательно просматривать весь матеріалъ передъ печатаніемъ его въ номерахъ газеты и ничего безъ собственнаго просмотра въ нихъ не ставить. Исключеніемъ служитъ все то, что будетъ сдаваться въ наборъ издателемъ и на помѣщеніи чего онъ будетъ настаивать — *такой матеріалъ мною долженъ быть поставленъ немедленно*»... При одномъ изъ слѣдующихъ редакторовъ тотъ же издатель къ этому пункту добавилъ:.:. «*Вообще ничего не можетъ быть поставлено въ номеръ безъ согласія издателя*»... Редакторъ, награжденный жирнымъ кушемъ въ видѣ годового содержанія, съ удовольствіемъ подписалъ такой договоръ Если

же имѣть въ виду, что этотъ издатель безграмотенъ и насилу составляетъ безъ посторонней помощи одну русскую фразу, то картинка еще больше выигрываетъ въ своей колоритности...

Очень часто Иваны Непомнящіе, ровно ничего общаго съ журналистикой, разумѣется, не имѣющіе, рѣшаютъ приглашеніе и удаленіе сотрудниковъ, даже принятіе литературнаго матеріала! Они преподносятъ редакціямъ «своихъ» сотрудниковъ, съ которыми связаны тѣми или иными обязательствами или отношеніями, и т. д. безъ конца. Кое-какія иллюстраціи къ этому читатели встрѣтили уже выше. Письменный договоръ издателя съ редакторомъ — рѣдкость, съ сотрудникомъ—вещь положительно почти небывалая. Въ подавляющей массѣ случаевъ издатели ни о какихъ своихъ обязательствахъ не заговариваютъ, а редакторы съ сотрудниками или тоже не заикаются о нихъ, предвидя отказъ, или только намекаютъ, что не худо бы-де подписать условіе, но при этихъ словахъ встрѣчаютъ такую невинно-обворожительную улыбку издателя, что въ концѣ концовъ замолкаютъ, полагаясь во всемъ на судьбу-индѣйку. Надъ обыкновенной редакціей постоянно виситъ домокловъ мечъ издательскаго «не потерплю! здраву моему не препятствуй!», работа ведется безъ всякой увѣренности за завтрашній день, журналисты совершенно не чувствуютъ себя хозяевами дѣла, которое они-то и создаютъ; издатель знать не хочетъ никакихъ литературныхъ обычаевъ. «Не хочу!» кричитъ онъ всегда, когда вздумаетъ, и этимъ несложнымъ судомъ рѣшаетъ всѣ самые сложные моменты и обстоятельства въ жизни изданія, какъ органа общественной мысли. Коммерсантъ-издатель просто-таки не понимаетъ—и, конечно, вполнѣ искренно—какъ можетъ что-нибудь не исполнить «его сотрудникъ»,—нанятый имъ приказчикъ по письменной части. Вѣдь, въ другихъ его предпріятіяхъ есть всевозможные управляющіе, и всѣ они точно и безпрекословно выполняютъ волю своего господина... «Моя газета!» твердо убѣжденъ Иванъ Непомнящій и съ этого пункта его ужъ не сшибешь...

Ниже я буду подробнѣе говорить объ ограниченіи произвола издателей, а потому здѣсь не хочу пока отвлекать вниманіе читателя.

VIII.

Никогда не забуду своихъ первыхъ впечатлѣній на поприщѣ присяжнаго газетчика. Издали мнѣ казалось, что газета, это—средоточіе культурныхъ, развитыхъ людей, которые если и не говорятъ десятой части того, что перерабатываетъ ихъ богатое нутро, то исключительно благодаря юридическому положенію своего дѣла. Потомъ, по мѣрѣ сближенія съ извѣстнымъ элементомъ своихъ коллегъ, я не внесъ въ это представленіе существенныхъ измѣненій, потому что умѣлъ быстро отличать пшеницу отъ плевелъ, но первыя впечатлѣнія меня, признаюсь, обезкуражили. Они, конечно, въ свою очередь, заставили, вдумавшись во внутреннія условія жизни журналистики, не придавать имъ, этимъ первымъ впечатлѣніямъ, рѣшающаго значенія. Они открыли мнѣ десницу и шуйцу личнаго состава газетныхъ работниковъ.

Помню, меня на первыхъ порахъ страшно поразилъ элементъ людей, самовольно прикомандировавшихъ себя къ журнализму. Не понимая сначала всѣхъ обусловливающихъ такой фактъ причинъ, я испыталъ не мало минутъ страшной подавленности. «Какъ смѣютъ эти люди браться за перо! Какъ могутъ они пускаться въ путешествіе съ такимъ легкимъ багажемъ ума, знаній и порядочности!»—думалъ я и обрушивался исключительно на нихъ самихъ всею силою своего негодованія... Между тѣмъ, знакомясь все ближе и ближе съ журналистикой, я скоро сталъ понимать, почему въ нее вошелъ подобный элементъ, а къ нему самому—относиться уже не такъ враждебно. Мнѣ стало ясно, что эти люди не могутъ не быть въ нашемъ дѣлѣ. Конечно, такое сознаніе еще болѣе горько и обидно, но оно во всякомъ случаѣ мотивировано.

Хорошо, вплотную узнавъ юридическія условія жизни журналистики и роль коммерсанта-издателя, я понялъ, что все это, какъ нельзя лучше, даетъ жирную почву для произрастанія плевелъ.

На спросъ коммерсанта быстро послѣдовало соотвѣтствующее предложеніе; подъ давленіемъ бытовыхъ условій, условій цензурныхъ—пшеница не достигаетъ своего роста, лучшій элементъ журналистовъ, какъ улитка, прячется въ раковину.

Явленіе—сейчасъ легко наблюдаемое, и нужно умѣть не поддаваться желанію все обобщать, чтобы не сдѣлать вывода, безусловно несправедливаго по отношенію къ цѣлому:—«журналистика-де, падаетъ». Нѣтъ, отъ присутствія плевелъ пшеница не погибнетъ! Уничтожьте свободу молчанія—и плевелъ не будетъ, тогда лучшіе элементы покажутъ свою силу, ростъ и значеніе.

Сколько разъ мнѣ вспоминались «Похороны» Щедрина, тѣ «Похороны», которые, по свидѣтельству Н. К. Михайловскаго, великій сатирикъ до смерти считалъ своимъ лучшимъ произведеніемъ.

Когда ежедневная печать вступала на «практическую арену», Пименъ Коршуновъ предсказалъ:

— «Боюсь я: гаду много въ литературѣ заведется»...

Черезъ нѣкоторое время его собесѣдникъ уже записываетъ: «Дѣйствительно, хотя вполнѣ сформировавшихся, окончательно созрѣвшихъ гадовъ въ то время еще нельзя было указать, но нѣчто намекающее ужъ было. Были, такъ сказать, гады ближайшаго будущаго, заявлявшіе въ настоящемъ только о безконечной податливости. Большинство ихъ копошилось въ газетахъ и, работая изо дня въ день, забывало сегодня, что говорило вчера, и заботилось лишь о томъ, чтобъ выходило бойко и занозисто. Поистинѣ, это были совсѣмъ-совсѣмъ легкомысленные люди (но еще не распутные), хотя нѣкоторые изъ нихъ были несомнѣнно талантливы и пользовались извѣстностью» [13]).

---

[13]) «Полн. собр. соч.», V, 558.

«Похороны» были написаны къ 1879 году, а въ «Пестрыхъ письмахъ» (1884—1886 гг.) Салтыковъ уже говоритъ:

«Вмѣстѣ съ другими я вѣрилъ, что печать есть сила и что этой силѣ суждено развиваться и сдѣлаться несокрушимою. Быть можетъ,—говорилъ я себѣ,—процессъ этого развитія совершится туго, не безъ горькихъ перипетій — пожалуй, даже не безъ утратъ... Все это я допускалъ, но и за всѣмъ тѣмъ ни на минуту не переставалъ утверждать, что печать есть сила и пребудетъ ею во вѣкъ. И никогда я не предполагалъ...

«Нѣтъ, никогда, никогда, даже въ самые черные дни, я не могъ представить себѣ, чтобы сила печати могла осуществиться въ тѣхъ поразительныхъ формахъ, въ какихъ я узналъ ее здѣсь, въ эту минуту! Какимъ образомъ это случилось? Какое злое волшебство передало эту силу въ руки Подхалимовыхъ, сдѣлало ее орудіемъ для обложенія сборами «брюхановъ»? Когда это произошло и какъ-таки никто этой перестановки не замѣтилъ?

.....«Принципы были побѣждены, и въ то же время всякая надежда, что слово «печать» когда-нибудь получитъ объединяющій смыслъ, исчезла навсегда.

«Вотъ этотъ-то моментъ и подстерегали Подхалимовы. Они поняли сразу, что ни принципы, ни руководящіе идеалы—не ко двору; что свѣточъ мысли не освѣщаетъ и не убѣждаетъ, а производитъ раздраженіе и панику, полную грядущихъ отмщеній; что, слѣдовательно, ежели печать хочетъ быть силою, то она должна отыскивать почву для этой силы въ той низменной сферѣ, которая не оставляла бы никакихъ сомнѣній насчетъ ея принципіальнаго ничтожества. А именно, въ сферѣ мелочей, прожектерства и личнаго, такъ сказать, наглядно-физическаго обличенія.

«И вотъ снова выступили Подхалимовы *вчерашніе*, которые еще во дни возрожденія руку набили. Выступили и поразили всѣхъ юркостью и непринужденною остротою ума. Они первые наглядно доказали, что можно жить и безъ принциповъ. За ними появились Подхалимовы *нынѣшніе*, такіе, у которыхъ даже литературныхъ преданій не было, а были только недюжинныя способности по части изслѣдованія корней и нитей, шантажа и

обезкураженія «брюхановъ». Первые говорили: «Пріятно этакой въ нѣкоторомъ родѣ арбузъ щелкнуть, чтобъ онъ по всѣмъ швамъ треснулъ!» Вторые прибавляли: «и при семъ чтобъ у него изъ всѣхъ щелей ассигнаціи поползли» [14]).

Было бы громадной ошибкой перспективы принимать эти слова М. Е. Салтыкова за характеристику *всей* печати. Кому же, какъ ни ему, была извѣстна сила истинной печати, какъ литературы, а не только произведенія типографскаго станка! И, конечно, эту перспективу онъ просто подразумѣвалъ необходимо существующей у каждаго *своего* читателя.

Да, и мнѣ неоднократно случалось наблюдать Подхалимовыхъ, Скомороховыхъ и К°, но развѣ это *представители* нашей журналистики?! Это только люди, которыхъ нельзя оставлять въ сторонѣ, существованіе которыхъ нельзя замалчивать

IX.

Современная жизнь настолько осложнилась во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, настолько туго поддается быстрому и безошибочному анализу, что каждому, кто хочетъ, все-таки, овладѣть ею, необходимо солидное образованіе, серьезныя знанія. Какой-то редакторъ одной изъ американскихъ газетъ такъ охарактеризовалъ, чѣмъ долженъ быть журналистъ: «земледѣльцемъ, садовникомъ, винодѣломъ, мореходомъ. Журналистъ—проповѣдникъ, звонарь, плакальщикъ, столоначальникъ и поэтъ. Журналистъ—прожектеръ, художникъ, сборщикъ благотворительныхъ пожертвованій, другъ человѣчества, нянька, посредникъ и швейцаръ міра. Журналистъ—общественный контролеръ, дипломатъ адвокатъ, судья, «отецъ города», депутатъ, ораторъ. Онъ—врачъ, сидѣлка, спаситель, санитаръ, гипнотизеръ, аптекарь, поваръ. Журналистъ—полицейскій, обществен-

[14]) «Полн. собр. соч.», VI, 395—397.

ный обвинитель, стражъ цѣломудрія, цензоръ нравовъ, спортсмэнъ, атлетъ, велосипедистъ, охотникъ, корреспондентъ, справочное бюро, артистъ, музыкантъ въ теоріи и практикѣ. При всемъ томъ журналистъ—писатель, даже ученый, біографъ, профессоръ и домашній учитель. Часто журналистъ представляетъ собой храбраго солдата, такъ какъ онъ, хотя и не револьверомъ и мечомъ, но не менѣе слабымъ орудіемъ—талантливымъ перомъ отстаиваетъ принципы правды и истины. Журналистъ алхимикъ, который изъ бумаги дѣлаетъ золото, а изъ золота бумагу».

Эта блестящая и во всякомъ случаѣ талантливая характеристика не можетъ быть принята полностью за желательную для современнаго русскаго журналиста. Условія нашей работы иныя. Русское періодическое изданіе—все еще альфа и омега чтенія громаднаго большинства грамотнаго люда. Это наша особенность и ее нельзя пока забывать, изъ нея нужно исходить въ требованіяхъ къ журналистикѣ. Можно и должно, конечно, съ нетерпѣніемъ ожидать того счастливаго момента, когда газета будетъ читаться только, какъ сборникъ послѣднихъ политическихъ и подобныхъ новостей и извѣстій, «толстый» журналъ — какъ сборникъ новостей широкой дѣятельности научнаго ума, а для всего остального, для элементарнаго и законченнаго средняго и высшаго образованія будетъ служить книга и нормально поставленная школа. Тогда, разумѣется, журналистика перестанетъ быть одновременно и учителемъ и воспитателемъ, и другомъ и собесѣдникомъ. Тогда же не будетъ крайней необходимости предъявлять къ ежедневной прессѣ массу чисто нравственныхъ, этическихъ требованій: роль сборника совсѣмъ иная.

Но не то теперь. Громадный процентъ взрослыхъ грамотныхъ людей получаетъ знанія изъ газеты, рѣже—и изъ журнала. Русская печать вообще стоитъ все еще въ томъ положеніи, когда не только обсужденіе всѣхъ серьезныхъ очередныхъ вопросовъ внутренней и политической жизни начинается и кончается только въ журналистикѣ, но и всѣ вообще вопросы дня проходятъ исключительно на ея столбцахъ и страницахъ.

Наше книжное дѣло совсѣмъ еще не развито въ этомъ отношеніи; рѣдко кто изъ пишущихъ рѣшится выпустить сразу брошюру или книжку въ надеждѣ добиться того или иного рѣшенія вопроса, изъ желанія провести въ массу ту или иную мысль. Пророчество Некрасова о громадномъ будущемъ брошюры—все еще только пророчество. Вся текущая жизнь, повторяю, проходитъ въ журналистикѣ, и читатель послѣдней такъ привыкъ къ этому, что за спиной «своей» газеты чувствуетъ себя спокойно. «Они не пропустятъ», вѣруетъ онъ и почти не знаетъ текущей книжной литературы. Самое большее, если средній русскій человѣкъ истратитъ въ годъ три-четыре рубля, но и то на беллетристику. Конечно, это явленіе небезпричинно, читатель понимаетъ его происхожденіе, но въ чемъ бы оно ни коренилось, журналистика должна сознательно встрѣчать предъявляемыя ей жизнью требованія.

Она и принимаетъ, понимая, что удовлетворить ихъ можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ только группа лицъ, хорошо дополняющихъ другъ друга своими разнообразными знаніями: американскій энциклопедизмъ не имѣетъ у насъ здоровыхъ корней и потому не далъ замѣтныхъ ростковъ. Необходимость дифференціаціи сказалась тутъ очень ясно и, несомнѣнно, она долго еще должна будетъ итти все впередъ и впередъ. Для успѣха общаго дѣла каждому журналисту надо работать въ опредѣленномъ отдѣлѣ громаднаго цѣлаго, а для этого ео ipso имѣть при общемъ развитіи особыя спеціальныя знанія и опытъ.

Никогда не забуду одну газету, которая, не считая такую организацію обязательной и единственно разумной, во главу угла своей дѣятельности ставила благодѣтельнаго «Брокгауза» и только тогда попадала въ просакъ, когда необходимыя въ данный моментъ свѣдѣнія для составленія очередной статьи вдругъ не оказывались въ вышедшихъ томахъ... Скоро, впрочемъ, была придумана лазѣйка: пріобрѣли какой-то нѣмецкій энциклопедическій словарь и, при первой въ немъ надобности, въ редакцію приглашался какой-то гимназистъ, который и переводилъ необходимое...

Знаю другую редакцію, гдѣ на выпускѣ номера сидѣлъ сотрудникъ, совершенно не считавшій удобнымъ употребленіе слова «мандатъ», а «картели» исправлявшій непзмѣнно на «артели» да еще съ замѣчаніемъ корректору за «небрежный просмотръ первой корректуры... Знаю журналиста, работающаго вотъ уже десятокъ лѣтъ въ ежедневной прессѣ, который, присутствуя при разговорѣ объ уголовномъ правѣ и услышавъ выраженіе «институтъ условнаго осужденія», спросилъ: «а гдѣ же онъ помѣщается?»... Помню передовую статью, въ которой была такая фраза: «восточныя губерніи Малороссіи—Саратовская, Самарская и Астраханская—крайне нуждаются въ урегулированіи переселенія»... И это не была опечатка: рѣчь все время шла именно о Малороссіи... Въ статьѣ, посвященной тридцатилѣтію со дня смерти Герцена, въ доказательство обширности и разносторонности способностей Искандера было указано на двѣ его работы: «Общая физіологія души» и «Наука и нравственность»... Очевидно, автора и редактора ввела въ заблужденіе буква *А*, стоящая при имени обоихъ Герценовъ: отца и сына они не различали... Аналогичный случай произошелъ и съ юбилеемъ Н. К. Михайловскаго, когда одна газета въ списокъ его сочиненій внесла и произведенія Н. Михайловскаго (Гарина). Одинъ журналистъ, пописывавшій даже «передовицы» въ небольшой провинціальной газетѣ, спросилъ меня однажды въ интимной бесѣдѣ, какъ могъ пріобрѣсти такую извѣстность Марксъ? Изъ дальнѣйшихъ, правда, довольно дипломатически сдержанныхъ его разспросовъ, я убѣдился, что онъ смѣшиваетъ нѣмецкаго экономиста и... издателя «Нивы»...

Очевидно, подобные люди очень хладнокровно относятся къ «направленію» органа, имъ просто непонятно, что это такое. Однажды на мое замѣчаніе одному члену редакціи большой газеты, что послѣдняя окончательно падаетъ и, несомнѣнно, стремится наивозможно скорѣе попасть въ объятія Страстнобульварскихъ молодцовъ, онъ съ видомъ глубоко оскорбленнаго человѣка отвѣтилъ: «а вы читали вчерашній номеръ?» — Нѣтъ.—«Ну такъ прочтите; особенное вниманіе обратите на корреспонденцію изъ Т.». Я посмотрѣлъ, и что же оказа-

лось! Въ корреспонденціи очень ѣдко высмѣянъ Т—скій становой...

Какъ-то мнѣ пришлось присутствовать при ожесточенномъ спорѣ представителей двухъ газетъ, изъ коихъ одна напоминаетъ собою двуликаго Януса, другая вполнѣ опредѣленно сочувствуетъ, поскольку можетъ, всему лучшему, передовому. Я вошелъ въ самый жаръ ихъ дебатовъ. Представитель газеты, поклонницы принципа «и туда и сюда», быстро ходилъ по комнатѣ и, очевидно, при моемъ появленіи, переходилъ какъ разъ въ лейтъ-мотиву своихъ вѣрованій:

— Газета или журналъ не должны быть субъективными: объективность, универсальность—вотъ ихъ идеалъ. Дайте читателю самому имѣть свое собственное мнѣніе. Онъ не учиться идетъ, покупая номеръ газеты. Поздно учиться! Для этого есть школа. Къ чему всѣ вопросы освѣщать подъ однимъ угломъ зрѣнія? Вѣдь, это—самая жалкая односторонность, которая отдаляетъ читателя отъ истины: онъ желаетъ прочесть что-нибудь и контръ вашего «за» и за вашъ «контръ»!...

— Полноте, пожалуйста,—возражалъ ему оппонентъ—на нашей сторонѣ публика, то-есть общественное мнѣніе, выразителями котораго вы хотите служить... Оно не хочетъ такихъ выразителей!...

— И вы увѣрены, что всѣ газеты возникаютъ именно такъ?—спрашивалъ сотрудикъ «И туда и сюда».—Вы думаете, что это единственный путь для возникновенія органа? Ой-ли! Вы сами знаете другіе пути, когда просто-на-просто издатель набираетъ талантливыхъ людей, ничѣмъ между собою не связанныхъ, даже совершенно другъ съ другомъ незнакомыхъ, и ничего, работа идетъ хорошо.

— По вашему, конечно, масштабу и аршину «хорошо»! Да вѣдь, это прилавокъ, а не газета. Какъ вы не понимаете, что русскій читатель и политически въ совершенно особыхъ условіяхъ. На Западѣ человѣкъ встрѣчаетъ поддержку своимъ стремленіямъ уже въ самой окружающей его обстановкѣ, въ политическихъ условіяхъ своей жизни. Послѣдняя тамъ не спрятана, выработанныя ею точки зрѣнія бьютъ своей ясностью и опредѣленностью. У него есть мѣрка, къ которой онъ прикиды

ваетъ все совершающееся вокругъ. Ошибки тамъ если и бываютъ, то и очень рѣдко и очень незначительныя. Совсѣмъ не то у насъ. Безъ литературно-политическихъ органовъ читатель никогда не получитъ политическаго воспитанія. Правда, оно ограничено, острижено, обрублено, но, все-таки, существуетъ. А разъ такъ, то вводить въ прессу двусмысленность значитъ воспитывать мѣщанину, какую-то туманность. Если этотъ вопросъ вамъ сколько-нибудь интересенъ, загляните въ «Литературныя замѣтки» Михайловскаго за 1878 годъ...

— Новаго я тамъ ничего не узнаю, и, во всякомъ случаѣ, мнѣнія своего не измѣню. Мы честны - и этого совершенно достаточно.

— Честны! Пустое слово, когда не заключаетъ въ себѣ содержанія. Газетѣ мало быть примитивно честной, не таскать платковъ у конторскихъ и редакціонныхъ посѣтителей. Ей надо быть честной политически и общественно—по своему, конечно, крайнему разумѣнію. Это не передаточный въ типографію аппаратъ, а реторта, колба, гдѣ все время перерабатываются извѣстные взгляды и убѣжденія, и если туда попадаетъ тѣло, не поддающееся химической реакціи, то оно удаляется, какъ нерастворимое именно въ *этой* колбѣ, въ *ея* содержимомъ. Нужно, чтобы содержаніе газеты было результатомъ планомѣрной внутренней работы редакціи, и только тогда это—каѳедра, а не базарная телѣга, на которую можетъ вскочить каждый и орать все, что̀ вздумается. Газета — не справочное изданіе, которое должно удовлетворять одинаково всѣхъ и давать какія-то «объективныя» свѣдѣнія. Она—прежде всего нервъ извѣстной группы лицъ, а затѣмъ и включающаго ее въ себя круга общества. Это—знамя! Если бы русская пресса, ея здоровая часть, вздумала аналогироваться той части нашего общества, которая отличается поразительной неясностью своихъ тенденцій, если бы она потеряла свои знамена,—она перестала бы существовать, а мы, журналисты, были бы достойны всенароднаго проклятія! Читатель не въ состояніи заставить насъ писать такъ, а не иначе! Нравится—читай, нѣтъ—брось. Вотъ единственное рѣшеніе вопроса. Если онъ дорожитъ какимъ-

нибудь угломъ зрѣнія на извѣстный вопросъ, онъ не въ правѣ добиваться той алгебраической формулы, въ которой плюсы уравниваются минусами. Общественная жизнь, а слѣдовательно, и мысль создаются убѣжденіями, а не темными пятнами и туманностями... Если кому-нибудь хочется имѣть всегда въ виду антиподы и изъ нихъ выводить истину, которую онъ предполагаетъ между ними, то для этого есть способъ очень простой: выписывай два противоположныхъ органа, двадцать, но не навязывай ни одному изъ нихъ взглядовъ другого.

— Но читателю нѣтъ времени читать двадцать газетъ. Наконецъ, укажу вамъ на фактъ: нашу газету читаетъ вся русская интеллигенція. Вы ее встрѣтите вездѣ.

— И вы серьезно думаете—спрашивалъ оппонентъ—что васъ читаетъ общество? Что васъ хочетъ знать *истинная интеллигенція*?

— Да, да, хочетъ! Значительная часть читателей не понимаетъ, зачѣмъ въ газетѣ какое-то направленіе! Она ищетъ истины, а не партійныхъ перегородокъ. Прошло то время, когда печать шла во главѣ общества, когда она была учителемъ. Теперь читатель требуетъ живости, быстроты, отзывчивости, но и то лишь въ предѣлахъ констатированія любого явленія, потому что все остальное—уже то «направленство», которое ему совершенно не нужно, онъ не ребенокъ!..

— Очевидно, собираются читать, не зная азбуки,—ходить по канату, только-только сбросивъ пеленки...

— А это ужъ какъ вамъ вздумается! Газета—собраніе мыслящихъ, зрячихъ, слушающихъ людей, а не пригнанныхъ другъ къ другу колесъ какой-то машины.

— Остановимся на вашемъ послѣднемъ взглядѣ и разберемъ, насколько онъ соотвѣтствуетъ истинѣ, жизни. Прежде всего нужно знать, какъ возникаютъ органы печати. Группѣ лицъ (буду считать ихъ сразу интеллигентными и порядочными, только о такихъ и говорю), однородно мыслящихъ по кореннымъ вопросамъ, имѣющихъ сходное міровоззрѣніе и если и расходящихся, то въ мелочахъ, не дающихъ права ни одному изъ нихъ считать себя антиподомъ другого,—такой-то группѣ лицъ хочется использовать свои знанія путемъ сообщенія ихъ болѣе

или менѣе широкой аудиторіи; хочется поднять окружающую ихъ жизнь,—просвѣтить темную массу; хочется ратовать за правду и законность; хочется способствовать освѣщенію окружающихъ ихъ потемокъ. Какой для этого удобнѣйшій путь? Разумѣется, печать въ видѣ періодическаго органа. Натура каждаго подсказываетъ, что основать: «толстый»-ли журналъ, ежедневную-ли газету. Остановились на послѣдней. Находится человѣкъ со средствами, готовый дать ту «живую воду» въ видѣ денегъ, безъ которыхъ органа не создать. Газета организована. Очевидно, такая редакція можетъ печатать только то, что *ей* дорого и близко, что, по *ея* мнѣнію, нужно обществу; очевидно, отношеніе къ каждому явленію, къ каждой постороннеи печатной строчкѣ исходитъ изъ *ея* точекъ зрѣнія. Редакція считаетъ себя нравственно-отвѣтственной за все, что появляется въ газетѣ; она должна быть согласна со всякой строчкой своего листа бумаги или, въ крайнемъ случаѣ, считать ее стоющей общественнаго вниманія. Напримѣръ, «письма въ редацію» есть тотъ клапанъ, который открывается редакціей всегда именно ради желанія освѣтить какой-либо вопросъ или фактъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но, вѣдь, на то они—письма *въ* редакцію, а не *изъ* редакціи... Почему она не можетъ освѣщать какой-либо вопросъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія? Да потому, что если освѣщаетъ его съ своей, то и считаетъ ее правильной, а всѣ другія—или неправильными или однобокими. Какое же основаніе давать имъ мѣсто? Ради того, чтобы предоставить читателю самому сдѣлать выводъ? Но это не дѣло *данной* газеты. Она не можетъ преслѣдовать эти виды. Всѣ не мои точки зрѣнія мнѣ прежде всего кажутся и нежелательными и часто вредными....

. . . Конечно, есть вопросы, которые газета должна освѣщать съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія. Это — неясное для самой редакціи, имѣющее и въ наукѣ противоположное освѣщеніе и т. п. Очевидно, не желая давать перевѣса одному изъ рѣшеній, редакція помѣщаетъ оба или нѣсколько. Съ другой стороны, это тѣ вопросы, гдѣ, кромѣ главной точки зрѣнія, есть еще второстепенныя, несоставляющія,

однако, корня вещи. Наконецъ, это вопросы, такъ сказать, техники жизни. Вести-ли желѣзную дорогу по тому берегу рѣки или по другому? Самъ по себѣ вопросъ этотъ только и можетъ быть рѣшенъ въ прессѣ, наука разрабатывать его не будетъ. Но давать мѣсто противоположнымъ мнѣніямъ по главнымъ, основнымъ вопросамъ политической и общественной жизни— это значитъ не имѣть своего собственнаго мнѣнія, не дорожить имъ. Какъ нельзя заставить меня говорить не то, что я думаю, также нелѣпо заставлять меня печатать не то, что я думаю.

... Что касается, наконецъ, читателя, то для него и остальная часть вашего возраженія рѣшается совершенно просто. Во-первыхъ, каждый взглядъ находитъ себѣ выразителя въ извѣстномъ органѣ, слѣдовательно, онъ не затерянъ, у него есть свой пріютъ, своя каѳедра. Если ты согласенъ не со мной, а съ другимъ, тебѣ и газету нужно читать не мою, а другую. По крайней мѣрѣ, если ты хочешь имѣть друга-собесѣдника. Во-вторыхъ, если ты настолько ужъ интеллигентенъ, что понимаешь различныя точки зрѣнія на извѣстный вопросъ, то, конечно, долженъ осторожно подписываться на то или другое изданіе, долженъ раньше понять, каково направленіе намѣченной тобою газеты, и тогда ужъ пенять на себя, а не на редакцію, если вдругъ окажется, что ты не понялъ, на что́ подписывался. Въ-третьихъ, читатель часто деспотъ. Онъ просто не хочетъ понять, что люди, взявшіеся за газету, вовсе не должны подчиняться своему подписчику: у нихъ есть свои убѣжденія и только ихъ они и хотятъ высказывать. Нельзя, повторяю, заставить насъ писать не то, что мы думаемъ и чувствуемъ. Читатель не имѣетъ на это права! Группа лицъ желаетъ говорить такъ, а не иначе, и это надо понимать! Она, вѣдь, никого за шиворотъ не тащитъ!

— Да позвольте, а какъ же вы навязываете! Самымъ фактомъ своего существованія навязываете!

— Нѣтъ! никто изъ насъ ничего никому не навязываетъ силой, ни одна газета не имѣетъ читателей поневолѣ, если это не губернскія вѣдомости. Да и ихъ не читаютъ, а только получаютъ.

На этомъ споръ, кажется, кончился и, по обыкновенію, ни одна

сторона не убѣдила другую. По моему, онъ довольно характеренъ для обрисовки двухъ противоположныхъ лагерей; за каждымъ изъ спорящихъ стоятъ ряды сторонниковъ и если они гораздо гуще и сильнѣе за тѣмъ, которому принадлежало послѣднее слово, то, повторяю, представитель «И туда и сюда» тоже не одинокъ.

Собственно говоря, диспутанты затронули очень существенный вопросъ; имъ заняты не только русскіе журналисты. На съѣздѣ датскихъ журналистовъ, лѣтомъ 1901 г., редакторъ одной изъ провинціальныхъ газетъ, нѣкто Лассенъ, преподнесъ многочисленнымъ слушателямъ цѣлый рядъ мыслей, очень солоно пришедшихся громадному большинству публики и части его коллегъ.

«Если бы, сказалъ онъ, вамъ, милостивыя государыни и милостивые государи, угодно было написать рецептъ, по которому вы желали бы получить пріятную для васъ газету, то вамъ прежде всего пришлось бы потребовать, чтобы она стояла внѣ партій, была объективна, содержательна, никого не задѣвала; всякій вопросъ въ ней долженъ былъ бы разсматриваться не менѣе, какъ съ двухъ точекъ зрѣнія; всякій ораторъ долженъ былъ бы реферироваться одинаково безпристрастно, новости въ ней должны были бы быть абсолютной истиной и не отзываться сенсаціонностью. Увы! Если бы такая идеальная газета и нашла себѣ не менѣе идеальнаго редактора—у нея отсутствовала бы, все-таки, идеальная публика, идеальный читатель, и она погибла бы отъ истощенія» [15]).

Эта мысль очень подкупаетъ своей остроумностью. Въ самомъ дѣлѣ, что такое объективность по понятіямъ массы? Это изданіе, которое совершенно не обладаетъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, своими взглядами, по крайней мѣрѣ, не выражаетъ ихъ. Внѣпартійность — это даже не «чего изволите?», а просто ничѣмъ перегулируемая мѣшанина. Какое я имѣю право, сознавая, что въ извѣстномъ общественномъ, а тѣмъ болѣе политическомъ вопросѣ, есть сторона

[15]) «С.-Петерб. Вѣдомости», августъ 1901 года.

правая и неправая, сильная и угнетаемая, богатая и подвергающаяся сдиранію двухъ шкуръ—не присоединиться къ одной изъ нихъ и, разумѣется, къ той, которая терпитъ, страдаетъ, незаслуженно унижается?!... Какое?! Кто смѣетъ мнѣ сказать, что я буду партіенъ въ худомъ смыслѣ этого слова?!.. Безпристрастіе... О! это слово мы очень любимъ, но тогда, когда его можно обернуть въ плащъ смиренномудрія. Безпристрастіе мы не понимаемъ какъ надо. Оно у насъ—синонимъ безстрастія. Но что можетъ быть хуже человѣка, не могущаго хоть къ одному вопросу или явленію жизни относиться съ полной страстью, горячо, принимать близко къ сердцу то или иное его рѣшеніе! Такіе люди—первый признакъ общественной дряблости, полной изношенности.

И какими способами добывается прославляемая «объективность»! Редакторъ одной изъ такихъ «объективно-универсальныхъ» газетъ, очень, однако, старательно отгораживающейся всегда отъ смѣшенія ея съ ретроградами, приглашалъ члена редакціи самой ультра-реакціонной газеты принять участіе и у него, но только подъ совершенно никому неизвѣстнымъ псевдонимомъ... Открылось это въ разговорѣ съ другимъ редакторомъ, которому «универсалистъ» давалъ товарищескій совѣтъ, какъ вести газету интересно, живо, умно и выгодно...

Господа «объективисты», правда, иногда опираются на авторитетъ такихъ публицистовъ, какъ Берне. Но развѣ въ этой области есть мѣсто какимъ бы то ни было авторитетамъ, кромѣ собственной совѣсти? Если Берне писалъ: «газета должна быть открыта для всякаго мнѣнія: отказать въ помѣщеніи на своихъ столбцахъ вредныхъ или слывущихъ вредными идей—это все равно, что вычеркнуть изъ естественной исторіи ученіе о ядовитыхъ растеніяхъ и хищныхъ животныхъ»,—то, не говоря уже о неудачной метафорѣ и о тѣхъ исключеніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы и о которыхъ сказано выше,—развѣ самъ Берне не противорѣчилъ много разъ этимъ словамъ въ своемъ же собраніи сочиненій, въ своей же собственной публицистической дѣятельности? Впрочемъ, блиндированіе своихъ кар-

тонныхъ крѣпостей броней авторитетовъ—одна изъ особенностей гг. «объективистовъ», когда имъ нужно обмануть читателя.

X.

Интересенъ и сосѣдній съ «объективностью» и «универсальностью» вопросъ: можно ли, во-первыхъ, принимать участіе въ изданіи, направленіе или отдѣльные шаги и выходки котораго противорѣчатъ нашимъ собственнымъ основнымъ убѣжденіямъ? во-вторыхъ, можно ли работать рядомъ съ лицами, скомпрометировавшими себя въ глазахъ лучшихъ элементовъ литературной корпораціи?

Въ одномъ изъ кружковъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, представители двухъ довольно противорѣчивыхъ органовъ, въ силу уже одного своего соприкосновенія, частенько возвращались къ этимъ вопросамъ и я, какъ свидѣтель ихъ постоянныхъ столкновеній, хорошо помню нѣкоторые споры, повтореніе которыхъ и потомъ мнѣ приходилось слышать не одинъ разъ въ другихъ кружкахъ, а то и просто на случайныхъ собраніяхъ журналистовъ. По-моему, они далеко небезынтересны.

Вопросъ о «направленіи» громадное большинство теоретически рѣшаетъ всегда отрицательно, на практикѣ же многіе уступаютъ передъ силой шкурныхъ интересовъ.

Разъ какъ-то редакторъ весьма порядочной газеты страшно возмущался дальтонизмомъ своихъ, правда, немногочисленныхъ противниковъ.

— Слушать не могу: «мы либералы». Сколько тупоумія въ такомъ предупредительно выкидываемомъ флагѣ! Кто же нынче не либералъ, если хочетъ успѣха у читателей! Почему вы не хотите знать многихъ направленій, а знаете только два: или либералъ, или ретроградъ? По-моему, оттого, что не расширяете самый циклъ своихъ основныхъ понятій и убѣжденій по мѣрѣ теченія времени, а, наоборотъ, все суживаете его. Ей Богу, скоро,

кажется, пробнымъ камнемъ «направленія» останутся толь
порка и *евреи*. Не поретъ, еврея повѣсить не хочетъ — значит
либералъ... Да понимаете-ли вы суть этого глубокаго слова!? П
этихъ словахъ онъ взялъ, помню, со стола только-что полученну
книжку «Вопросовъ Философіи и Психологіи», развернулъ
на статьѣ П. Струве—«Въ чемъ же истинный національизмъ
и едва сдерживаемымъ отъ волненія голосомъ прочелъ:

Первымъ словомъ либерализма была свобода совѣсти. И э
слѣдуетъ хорошо знать и твердо помнить въ той странѣ, г
либерализмъ еще не сказалъ ни одного слова. Я—это говорю
Струве, но за нимъ говоритъ каждый истинно интеллигентны
человѣкъ, говорю и я, господа, да не только говорю, а гото
кричать—вопреки ходячему взгляду на либерализмъ, какъ
нѣчто мягкотѣлое, половинчатое и безформенное — я разумѣ
подъ этимъ словомъ строгое, точное, исключающее комп
миссы воззрѣніе, проводящее рѣзкую грань между правомъ
неправомъ. Истинный историческій обликъ и морально-полит
ческій смыслъ либерализма давно пора возстановить». Вот
господа, слова, которыя вамъ—редакторъ обратился къ свои
противникамъ—надо понять! А, вѣдь, вы ихъ не понимаете,
лову даю на отсѣченіе, что не понимаете!...

Поднялся шумъ, редактора одобряли, нѣкоторые съ
терпѣніемъ стали перелистывать книжку.

— Хорошо—сказалъ одинъ изъ его оппонентовъ—я сейча
докажу вамъ, что вы сами непослѣдовательны. При этихъ сл
вахъ онъ взялъ въ руку лежавшую на полкѣ одну газету
помахивая ею въ воздухѣ, спросилъ: «что вы о ней скажет
Общее мнѣніе—это передовая либеральная газета, теперь
читаютъ и я лично вполнѣ раздѣляю общее мнѣніе. А съ ваш
точки зрѣнія тутъ часто есть вещи не совсѣмъ либеральны

— Ну и далѣе? Что же вы думаете, что я изъ числа поклон
ковъ этой макулатуры?! На чемъ вы хотите меня поймать? Д
меня совершенно ясно, что теперь, когда Россія обнищала ист
ными либеральными органами, наша снисходительность и р
плывчатость мышленія проявляются особенно рельефно. Ка
только газеты при первой маломальски порядочной статьѣ мы

причисляемъ къ «хорошимъ», заступаясь за нихъ передъ ярыми отрицателями серединъ и посредственностей! Современное настроеніе мнѣ кажется похожимъ на одну картинку изъ моего школьнаго дѣтства. У насъ былъ звѣрь-нѣмецъ. Если случайно онъ не отдубаситъ линейкой по головамъ полкласса, а изобьетъ только четверть, мы, мальчишки-школьники, выбѣгая по звонку въ рекреаціонный залъ, искренно кричали: «какой сегодня добрый былъ Карлъ Ивановичъ!!»... Вы скажете: причина подобной снисходительности при оцѣнкѣ достоинства и качествъ изданія—«стороннія» обстоятельства, заставляющія радоваться первой либеральной фразѣ?! Но развѣ это серьезное основаніе для серьезной оцѣнки? Развѣ мѣрки порядочности вырабатываются по отношенію къ тому, что̀ есть, а не къ тому, что̀ должно быть? Какая распущенность, какая мягкотѣлость!...

— Ну, а что вы скажете по поводу совмѣстной работы моей съ Ивановымъ?—спросилъ вдругъ горячаго оратора одинъ изъ молчавшихъ сотрудниковъ другой газеты.

— Что̀ я скажу? Простите меня за рѣзкое слово—по-моему, гадость!

Всѣ переглянулись, но «собственникъ» гадости не особенно былъ пораженъ, зная правдивую натуру отвѣчавшаго.

— А по-моему—выступилъ изъ общаго молчанія товарищъ спросившаго—намъ нѣтъ никакого дѣла до того, кто сотрудничаетъ въ изданіи, было бы чисто самое содержаніе.

— Я вполнѣ съ этимъ согласенъ—сказалъ другой—потому что нѣтъ безгрѣшныхъ людей. Помните Христа и блудницу?...

Поднялся шумъ, къ редактору присоединились почти всѣ. Онъ молчалъ, наконецъ, не выдержалъ:

— Господа, куда вы идете?!—обратился онъ къ только-что говорившимъ. Да что же общество не имѣетъ права требовать отъ васъ не фарисейства, а честнаго служенія?! Какое право вы имѣете пускать рядомъ съ собой къ выраженію честнаго общественнаго мнѣнія людей грязныхъ и непорядочныхъ? Вы это отвѣтчики! и подождите—придетъ время, когда общество придетъ имѣть возможность требовать отъ васъ отчета — и тогда оно покажетъ вамъ, кто изъ насъ правъ!.. Если видите,

что попадаете въ компанію наглецовъ и прохвостовъ — ваш
долгъ удалить ихъ, а если нельзя — немедленно удалить
самимъ...

— Да, но если такъ разбирать,—не успокаивался товарищ
Иванова,—такъ негдѣ будетъ и работать. Вѣдь, къ вамъ нельз
у васъ полнымъ-полно; къ другому тоже; куда же дѣваться
Ну, куда, я васъ спрашиваю?

— Господа, господа!.. Итакъ, вы только потому не хоти
вдумываться въ то, союзниками и пропагаторами чего явля
тесь, что въ такомъ случаѣ вамъ не заработать той же суммы!
Такъ идите на частную службу, ищите сторонникъ зараб
ковъ, словомъ, дѣлайте все, чтобы оберечь свое имя отъ п
зорной клички «переметной сумы»!... Если же нѣтъ, если э
это не по-сердцу, такъ будьте ужъ до конца послѣдователь
и пойте съ Конрадомъ Лиліеншвагеромъ:

«Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ;
И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
Все себя грязнимъ!
Слава намъ! Безъ ослѣпленья
На себя мы зримъ,
И о нашемъ положеньи
Громко мы кричимъ.
Сознаемъ мы откровенно,
Какъ мы всѣ грязны,
Какъ вонючи, какъ презрѣнны
И для всѣхъ смѣшны.
Слава намъ! Въ грѣхахъ сознанье
Мы творимъ смѣясь,
И слезами покаянья
Мы разводимъ грязь.
Гордо, весело и прямо
Всѣмъ мы говоримъ:
«Знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ яма,
Въ коей мы стоимъ»...

Другъ на другѣ растираемъ
Мы вонючій плъ
И другъ друга мы ругаемъ
Сколько хватитъ силъ.
Справедливо мы гордимся
Подвигомъ такимъ,
И ужъ больше не стыдимся,
Что въ грязи стоимъ.
Смѣло мы теперь смѣемся
Сами надъ собой
И безъ страха окунемся
Въ грязь—хоть съ головой.... [16]).

* * *

Припоминаю другой случай, тоже очень характерный для общаго положенія вещей. Молодой сотрудникъ одной весьма порядочной газеты, нуждаясь, благодаря семейнымъ обстоятельствамъ, въ бо̀льшихъ средствахъ, послалъ какую-то повѣсть въ газету, признаваемую всѣми «либеральной», но не отличающуюся особенной чистоплотностью. Товарищи его были страшно поражены такой выходкой и искали случая выразить свое негодованіе. Онъ не замедлилъ представиться.

— Скажите, спросили автора повѣсти — правда-ли, что вы послали свое произведеніе въ «N—скій Вѣстникъ»?

— Да. А васъ, я вижу, это удивляетъ? Совершенно напрасно. По-моему, беллетристы, а еще менѣе переводчики, не могутъ быть связаны такъ, какъ публицисты, потому что публицистика — орудіе для выраженія мыслей по извѣстному общественно-политическому вопросу, составляющему иногда какъ разъ демаркаціонную линію въ направленіи изданій; а беллетристика, это—свободное и при томъ художественное творчество. Давая свою повѣсть, я не связанъ никакой необходимостью быть солидарнымъ со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ

[16]) *Добролюбовъ*, Сочиненія, IV, 1896 г., 335.

газеты или журнала—все равно. Публика тоже понимаетъ это хорошо.

Слова эти для спѣвшейся редакціи были, повидимому, новы и неожиданны. Всѣ чувствовали себя непріятно, одинъ изъ присутствовавшихъ, однако, не выдержалъ.

— Да, вы насъ, дѣйствительно, удивили! Пока я не имѣю данныхъ не вѣрить искренности вашихъ соображеній и потому не считаю возможнымъ не протестовать противъ такой, конечно, выгодной монополіи господъ беллетристовъ и переводчиковъ. По-моему, — даже рѣшусь сказать — по-нашему, — самая беллетристика постольку именно и цѣнна для общества, поскольку она является образнымъ и художественнымъ выраженіемъ мысли по общественно-политическимъ вопросамъ. Беллетристъ это—популярный публицистъ. Подобную мысль вѣщаетъ вся исторія нашей литературы съ Бѣлинскаго и до сего дня. За предѣлами такого опредѣленія остаются только Феты, Майковы, Мей Хвостовы и tutti quanti, которыхъ никто не читаетъ, по крайней мѣрѣ, изъ людей, понимающихъ истинныя цѣли литературы! Этимъ я хочу сказать, что грань, будто-бы отдѣляющая *по существу* беллетристику отъ публицистики, стоитъ лишь въ воображеніи господъ монополистовъ. Простите меня, но мнѣ кажется, что въ такой мотивировкѣ вашего поступка говоритъ больше желаніе задрапировать компромиссъ. Вы только сами пока не сознаете этого ясно.

. . . . . .

И, дѣйствитекьно, какъ часто приходится сталкиваться съ привилегіей господъ беллетристовъ! Какъ мы привыкли къ ней, какъ иногда не обращаемъ на нее уже никакого вниманія! Между тѣмъ, несомнѣнно, это вопросъ далеко не послѣдней важности въ ряду вопросовъ литературной этики, въ ряду вопросовъ чести людей, которымъ слѣдовало бы высоко нести знамя, съ такой отвагой и съ такимъ трудомъ внесенное на бастіонъ николаевскихъ временъ еще незабвеннымъ Бѣлинскимъ! Вопросъ такъ просто и необыкновенно ясно рѣшенный еще Писаревымъ въ статьѣ «Посмотримъ!». Вотъ что̀ сказалъ этотъ боецъ.

«Наши пишущіе люди до сихъ поръ не могутъ понять, что честный писатель отнюдь не долженъ уподобляться ласковому теленку, сосущему въ одно время и съ одинаковымъ успѣхомъ двухъ или даже многихъ разношерстныхъ матокъ. Русскій писатель обыкновенно смотритъ на литературу, какъ на свое хлѣбное ремесло, и поступаетъ со своими произведеніями, какъ сапожникъ съ сапогами, то-есть продаетъ ихъ первому встрѣчному покупателю, не обращая никакого вниманія на самыя характерныя особенности этого покупателя».

Съ этимъ положеніемъ Писарева можно согласиться, но не въ смыслѣ безусловной общности сдѣланной имъ характеристики. Зато слѣдующее не требуетъ никакихъ исключеній.

«Писатель долженъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: если я считаю позволительнымъ выпустить мою работу въ свѣтъ, то, значитъ, я нахожу, что она исполнена добросовѣстно и что вслѣдствіе этого она можетъ хоть немного усилить успѣхъ того журнала (я бы сказалъ: изданія. М. Л.), въ который я ее отдаю. Если же я своей работой усиливаю успѣхъ такого журнала, который проповѣдуетъ нелѣпости или гнусности, то я становлюсь до нѣкоторой степени сообщникомъ этихъ гнусностей и нелѣпостей. Стало быть, даже и переводы слѣдуетъ помѣщать съ величайшей разборчивостью. Если бы у насъ не было въ литературѣ людей безразличныхъ и равнодушныхъ, то бо́льшая часть нелѣпыхъ или гнусныхъ журналовъ потеряла бы возможность существовать, потому что люди чисто-нелѣпыя или чисто-гнусные, дающіе колоритъ гнуснымъ или нелѣпымъ журналамъ, составляютъ у насъ, какъ и вездѣ, очень незначительное меньшинство, которое только при содѣйствіи равнодушныхъ и безразличныхъ людей можетъ обдѣлывать свои дѣлишки и выпускать въ свѣтъ разнообразныя книжки, пропитанныя ароматомъ гнусности или нелѣпости. Безразличіе и равнодушіе, составляющія до сихъ поръ преобладающія особенности нашихъ литературныхъ дѣятелей, происходятъ не отъ испорченности, не отъ систематической продажности, а просто отъ непониманія той истины, что литература—великая общественная сила, которая начинаетъ раз-

вращать общество съ тої самої минуты, какъ только она перестаетъ двигать его впередъ и раскрывать передъ нимъ его острыя хроническія болѣзни».

А припомните, что́ писалъ «неистовый Виссаріонъ» Герцену, когда Грановскій, предпочитая худой миръ доброй ссорѣ, уступилъ настояніямъ Шевырева и Погодина и напечаталъ въ «Москвитянинѣ» свою небольшую статью! «Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ-ли я его статью въ «Москвитянинѣ». Нѣтъ, и не буду читать: скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія». Можно всячески оправдывать поступокъ Грановскаго, но нельзя горячо не присоединиться къ искренности и нетерпимости Бѣлинскаго! Да, да, она намъ нужна, она крайне необходима, потому что избавитъ отъ той несвободы слова, которая, будучи очень далекой отъ несвободы печати, очень близка къ трусости, низости и нравственному паденію.

Вспомните горячія слова Н. К. Михайловскаго, сказанныя въ «Припискѣ» къ вступительной статьѣ о Н. В. Шелгуновѣ.

Русское печатное слово поставлено правительствомъ въ извѣстныя рамки, расширеніе которыхъ мы можемъ желать, но которыя должны принять какъ данныя, не отъ насъ зависящія. Но есть еще другая сторона истинно свободнаго слова, которую,—по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени,—мы, писатели, можемъ сами осуществить. Это—свобода внутренняя, свобода отъ всѣхъ сторонніхъ соображеній, кромѣ тѣхъ, которыя повелительно рекомендуются цензурнымъ уставомъ и цензурною практикой и которыя, какъ сказано, не отъ насъ зависятъ. Не свободно мое слово, если я вынесъ его на рынокъ и продаю тому, кто дастъ больше,—купившій такъ или иначе, прямо или косвенно, наложитъ на него свою руку, и тяжела бываетъ рука купившаго. Не свободно мое слово, если я изъ какихъ бы то ни было видовъ желаю угодить властнымъ-ли людямъ, или безвластной толпѣ въ ея сегодняшнемъ настроеніи, — я могу, при извѣстныхъ благопріятныхъ усло-

віяхъ, имѣть чрезвычайно свободный видъ, но это именно только одна видимость. Несвободно мое слово, если я подобенъ флюгеру, поворачивающемуся въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ,—развѣ флюгеръ свободенъ, развѣ онъ, напротивъ того, не покорнѣйшій изъ рабовъ?» [17]).

Вотъ нѣсколько фактовъ.

Въ одной грязной газетѣ, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, вдругъ стали появляться два имени, до тѣхъ поръ не встрѣчавшіяся на страницахъ подобныхъ шато-кабаковъ. Вскорѣ я встрѣтилъ одного изъ этихъ сотрудниковъ и, конечно, спросилъ, что значитъ такой его шагъ. Отвѣтъ былъ очень оригинальный:

— Если мы уйдемъ, то газета совсѣмъ испакостится. Сейчасъ хоть стыдятся насъ, а потомъ почувствуютъ себя ничѣмъ несвязанными, и польется такая грязь, что вы и представить себѣ не можете...

Долго не забуду свою бесѣду съ другимъ журналистомъ, на некрасивую дѣятельность котораго мнѣ пришлось обратить вниманіе печатно, указавъ, между прочимъ, что его литературная школа и не могла дать ничего иного. Проѣзжая черезъ городъ, гдѣ я жилъ, онъ явился ко мнѣ и проспилъ... измѣнить о немъ мнѣніе, такъ какъ онъ считаетъ и считалъ, что честнаго человѣка не можетъ замарать ни та грязь, на которую я указалъ, потому что описаніе баловъ, маскарадовъ и ужиновъ своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ было лишь актомъ простой благодарности за гостепріимство,—ни пройденная имъ литературная школа, такъ какъ, если онъ работаетъ въ безчестныхъ да къ тому же реакціонныхъ изданіяхъ, то, вѣдь, онъ лично ничего мерзкаго не писалъ и пользовался всегда въ клоакахъ безусловной свободой... Говорилось все это такъ просто и наивно, съ такимъ сознаніемъ своей литературной чистоты, что я видѣлъ полную безполезность возраженій....

Нѣкій уже видный журналистъ на мое замѣчаніе о странности и предосудительности его приватнаго участія въ одномъ

---

[17]) Сочиненія Н. В. Шелгунова, изд. 2-е, 1895 г. I, LXXV.

изъ самыхъ уличныхъ изданій, съ невиннымъ лицомъ отвѣчалъ:

— Развѣ?! А редакторъ тамъ такой милый и любезный человѣкъ. Всегда, когда я бываю у нихъ въ городѣ, онъ такъ мило меня встрѣчаетъ...

Мой собесѣдникъ, очевидно, понятія не имѣлъ, куда онъ попалъ и гдѣ работаетъ вотъ уже пять лѣтъ. Получитъ номеръ газеты, отыщетъ свою фамилію, подсчитаетъ строчки — и въ сторону...

Одна писательница съ нескрываемымъ самодовольствомъ разсказывала, какъ «ловко» получила авансъ подъ свое еще не прочитанное редакціей произведеніе, и на недоумѣвающій вопросъ одного изъ присутствовавшихъ:

— Какъ же вы пошли въ эту клоаку?!

Отвѣчала:

— Нужны были деньги и пошла! Кромѣ денегъ, тамъ и взять нечего...

Памятно мнѣ и одно раскаяніе «заблудшаго» публициста, когда онъ, оставляя болото, вступалъ въ ... клоаку и въ первой же статьѣ сжегъ свои прежніе корабли, свои старыя вѣрованія, поклонился новымъ богамъ, а въ доказательство своего «воскресенія» сослался на примѣръ Бѣлинскаго «извѣстнаго—писалъ онъ—неустойчивостью своихъ убѣжденій, но все еще великаго»... И такой человѣкъ считалъ себя въ правѣ произносить рядомъ съ собой имя человѣка, къ которому благоговѣющее потомство обращается не иначе, какъ со словами Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!»

. . . . . .

Какъ-то я помѣстилъ небольшую, но, правда, вполнѣ опредѣленную статью о губернскихъ вѣдомостяхъ вообще. А такъ какъ въ мѣстныхъ—сотрудничали журналисты прекратившейся второй въ городѣ частной газеты, то вышелъ вопросъ и принципіальный и практическій. Печатно обсудить его намъ, ко-

нечно, не дали, поневолѣ пришлось ограничиться личной бесѣдой.

Редакторъ губернской газеты прежде всего никакъ не хотѣлъ согласиться со мной, что «губернская пресса»—не журналистика.

— Позвольте—говорилъ онъ, — есть губернскія вѣдомости, стоящія на той высотѣ, которой часто не достигаютъ и частныя изданія. Вы ихъ тоже знаете.

Я указывалъ, что въ этомъ доводѣ, по-моему, совершенно ошибочна сама отправная точка доказательствъ.

Журналистика есть проявленіе общественнаго мнѣнія, всегда свободно слагающагося, если и не всегда свободно выражающагося. Такъ называемыя «сторонніе» обстоятельства могутъ иногда только полуоткрывать этотъ клапанъ или совершенно закрывать его на время, но когда онъ не закрытъ, ничего, кромѣ общественнаго мнѣнія, изъ котла извлечь не могутъ. Какой бы машинистъ ни стоялъ при клапанѣ, къ какимъ бы уловкамъ и ухищреніямъ онъ ни прибѣгалъ, ради извлеченія звуковъ только заранѣе опредѣленнаго или желательнаго діапазона, но, разъ самъ машинистъ поставленъ къ клапану обществомъ, оно всегда можетъ устранить его. И никакой тонкой діалектикой нельзя доказать тождественности ни зарожденія и роста общественнаго мнѣнія съ административной программой, ни—машиниста, аккредитованнаго обществомъ, съ машинистомъ, приставленнымъ администраціей. Только свойственная намъ расплывчатость мышленія и способность оправдывать, а часто и вовсе не замѣчать дѣлаемыхъ нами компромиссовъ, могутъ создавать такое ложное убѣжденіе, въ силу котораго хоть одинъ «губернскія вѣдомости» можно считать принадлежащими журналистикѣ. Губернская пресса есть всегда выраженіе взглядовъ, мнѣній, убѣжденій, желаній и чаяній административныхъ лицъ, и если иногда они совпадаютъ съ взглядами, мнѣніями, убѣжденіями, желаніями и чаяніями общества, то это еще совсѣмъ не значитъ, что «N-скія Губернскія Вѣдомости»—органъ общественнаго мнѣнія.

На это мнѣ былъ прямо поставленъ вопросъ: можетъ-ли

принимать участіе въ казенныхъ изданіяхъ, à la губернскія вѣдомости, настоящій журналистъ. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что настоящій журналистъ, the right man in the right place, какъ говорятъ англичане, вообще не въ правѣ участвовать въ какомъ бы то ни было изданіи, если оно вполнѣ не свободно въ возникновеніи своихъ мнѣній, если оно самымъ фактомъ своего существованія *должно* что-нибудь говорить или на что-нибудь смотрѣть подъ *обязательнымъ* угломъ зрѣнія. А губернская пресса уже по самой мысли своего основателя именно такова....

Редакторъ разстался со мною сухо, а съ слѣдующаго дня началась травля «свободныхъ» журналистовъ. Но и теперь я продолжаю оставаться при томъ же убѣжденіи и очень удивленъ, что когда, года два назадъ, печать много говорила о губернскихъ вѣдомостяхъ, почти никто не отмѣтилъ эту, помоему, самую существенную мысль противъ литературности казенной прессы».

X.

Къ сожалѣнію, приходится встрѣчаться не только съ людьми безпринципными, ставящими литературу даже не въ ровень съ другими сторонами умственной и моральной жизни, но и съ журналистами, рѣшающими всѣ вопросы и сомнѣнія съ точки зрѣнія интересовъ собственной шкуры. Первые еще не совсѣмъ на той сторонѣ добра и зла, у нихъ есть еще свои убѣжденія, они не ударились всецѣло въ мелкое преслѣдованіе исключительно личныхъ цѣлей. Приходится наблюдать другихъ, чистаго вида Подхалимовыхъ, Скомороховыхъ, Крошечкиныхъ и ихъ присныхъ, журналистовъ, опустившихся уже безвозвратно въ грязную кучу шантажа и расплюевщины.

Этимъ людямъ принадлежитъ проповѣдь совершеннаго от-

рицанія необходимости для журналиста какой бы то ни было этики. «Читатель плюетъ—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ—на всѣ ваши нравственности, какъ на непремѣнную спутницу сѣрой безталанности. Вы хотите, чтобъ ему ясно было наше profession de foi? Извольте: къ чорту все, кромѣ таланта, бойкости и живости!...»

Одна газета въ своемъ юбилейномъ номерѣ помѣстила слѣдующія очень знаменательныя строки постояннаго фельетониста-паяца:

«Я скромный журналистъ, не литературный корифей, но если бы въ день моего юбилея или на моихъ похоронахъ обо мнѣ не нашли бы ничего лучшаго сказать, какъ то, что я служилъ правдѣ, а не кривдѣ, что я былъ честный человѣкъ, не продававшій своего пера и не таскавшій платковъ изъ кармановъ—я бы почувствовалъ себя уязвленнымъ въ самое сердце и перевернулся бы въ гробу. Я жду не того, чтобы мнѣ публично выдали аттестатъ въ трезвомъ и честномъ поведеніи, а того, чтобъ мнѣ не отказали въ высшемъ удовлетвореніи моего самолюбія—признаніи таланта. Прекрасное дѣло—честность, но это принципъ ремесла, а не искусства, къ которому я имѣю смѣлость отнести даже простой репортерскій отчетъ. Искусство не можетъ быть ни честнымъ, ни безчестнымъ, ни подлымъ, ни благороднымъ, а только талантливымъ или бездарнымъ, занимательнымъ или скучнымъ... Позвольте васъ спросить, въ чемъ моя личная заслуга, если я проповѣдую «честное», между прочимъ, на мой собственный взглядъ и всегда [согласное съ моими убѣжденіями? Гораздо труднѣе было бы для меня говорить противъ убѣжденія, чѣмъ согласно съ нимъ. Я говорю то, что́ думаю, птица поетъ то, что̀ чувствуетъ. Зачѣмъ же такая привилегія для меня? Тиранія «честнаго направленія» натворила не мало зла въ литературѣ и журналистикѣ. Это была систематическая травля талантливаго, рѣзкаго по своей индивидуальности и оригинальности. Объ этой эпохѣ до сихъ поръ вздыхаютъ кое-какіе литературные лицемѣры. А вздыхать, право, нечего. Я просматривалъ недавно газеты лѣтъ за пятнадцать назадъ (по отно-

шенію къ данному моменту—года 23. М. Л.). Талантливость изложенія, свѣжесть, полнота и сенсаціонность матеріала, виртузность формы—изумительно ушли впередъ. Говорятъ въ то же время, что журналистика утратила съ тѣхъ поръ значительную долю своего вліянія. На кого? Если на «несогласномыслящихъ», то это очень малая потеря въ сравненіи съ тѣмъ, что журналистика выиграла какъ отрасль литературнаго дѣла... Журнализмъ—новое и оригинальное явленіе въ литературной сферѣ. Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что журнализму пытаются навязать, такъ сказать, мораль съ чужого плеча и судятъ о немъ съ общей, весьма широкой и мало подходящей точки зрѣнія... Нельзя требовать отъ газеты, въ которой работаютъ сотни людей, которая живетъ одинъ только день, появляется утромъ и умираетъ вечеромъ, отражаетъ на себѣ уличный шумъ и гулъ, дрожитъ отъ криковъ толпы—нельзя, говорю я, требовать отъ газеты особой централизованности мысли. Она должна быть легкомысленна, ежедневная газета, какъ легкомысленна толпа, которою она живетъ, и какъ толпа, она должна быть подвижна, какъ она рѣшительна и скора въ своихъ сужденіяхъ, и она должна также легко воспламеняться, какъ и остывать, увлекаться и грѣшить, а потомъ терзаться и каяться, щеголять въ блестящей позолотѣ, любить зрѣлище, пестроту, выставочную красоту. Вамъ не нравится это? Что дѣлать! — пеняйте на особенности психологіи массы».

Не могу не сказать, что въ разговорахъ и вообще въ наблюденіяхъ ничего болѣе наглаго мнѣ встрѣчать не приходилось! Тутъ все великолѣпно!

И, дѣйствительно, изъ всего видѣннаго я могу сказать, что утвержденіе Салтыкова о талантливости Подхалимова совершенно вѣрно. «Прочитайте любое изъ подхалимовскихъ упражненій,—можно сказать вмѣстѣ съ великимъ сатирикомъ,—которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка,—и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизнен-

ной образности, нежели во всѣхъ «послѣднихъ пѣсняхъ потухающихъ стариковъ»[18]).

Передо мною лежитъ сейчасъ фельетонъ, въ которомъ съ прозрачною ясностью видно, насколько автору важна свобода... отъ стройности міровоззрѣнія, широкой совѣстливости, свобода ругани; какъ стѣсняла его прежде необходимость принадлежать къ составу редакціи, не одинъ, видно, разъ, налагавшей руку на его свистопляску.

«Все для партіи, все въ жертву партіи—пишетъ онъ. И вы готовы примкнуть къ ихъ партіи: вы раздѣляете всѣ ихъ основные взгляды и убѣжденія, но вы говорите: оставьте мнѣ искренность, оставьте мнѣ право любить и ненавидѣть, возмущаться и ликовать, забывъ о политикѣ, ибо, прежде всего, на мнѣ, какъ на литераторѣ, лежитъ одна самая великая обязанность—говорить только то, во что я самъ глубоко вѣрую, не увлекаясь ни дружбой, ни рабствомъ, ни ожиданіемъ выгодъ. Потому что каждый сколько-нибудь уважающій себя журналистъ, прежде всего—онъ самъ: прежде всего онъ отвѣтственъ за каждое свое слово, а потомъ уже онъ—членъ той или другой партіи. Поэтому, когда вы найдете драгоцѣнную свободу, то ради нея вы пойдете къ людямъ, убѣжденій которыхъ вы не раздѣляете, и когда «свои» начинаютъ кричать: зачѣмъ онъ пошелъ къ нимъ?—вы отвѣтите, глядя прямо въ глаза: они признаютъ право на существованіе мыслей, которыя не согласны съ ихъ мыслями, а вы не позволяете, они не заставляютъ меня поступаться своими убѣжденіями, а вы заставляете, а для каждаго, говорящаго съ обществомъ человѣка важнѣе и дороже всего его свобода, та свобода, которую я, какъ и вы, признаю величайшимъ благомъ, ради которой только и стоитъ жить и писать».

Могу сказать утвердительно, что съ такими господами коммерсанты-издатели чувствуютъ себя очень хорошо, безусловно дорожатъ ими и всегда лучше оплачиваютъ. Отношенія ихъ болѣе откровенны и потому болѣе прочны. Къ тѣмъ представи-

[18]) Полн. собр. соч., VI, 404.

телямъ жаждущихъ славы, таланта и «свободы», которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать и наблюдать, вполнѣ приложима прекрасная характеристика Подхалимова, данная незабвеннымъ Салтыковымъ.

Порученія хозяйскія онъ выполнялъ быстро и буквально: нужно къ Покрову сбѣгать—сгѣгаетъ; оттуда въ Колтовскую улицу—и туда слетаетъ. «И никогда вѣдь, проды, на извозчика не предложатъ!»—только и слышали его ропоту въ такихъ случаяхъ. Писалъ тоже всяко: и забористо, и благодушно, и хлестко, и съ «прохвалою»—какъ для хозяйскаго интереса пригоднѣе. Умиленіе по обстоятельствамъ потребуется—онъ умилится; ликованіе—онъ возликуетъ; вѣра въ славное будущее—онъ и отъ вѣры не прочь. Только унывать не любилъ, а по части «простраціи» даже смѣшные каламбуры отпускалъ. Но ежели потребуется серьезно уронить слезу—онъ слова не скажетъ, уронитъ. «Нельзя, скажетъ, безъ сердечной боли видѣть, какъ многіе, вмѣсто того, чтобы уповать»... И поійдетъ. и поійдетъ. А потомъ утретъ слезу—смотришь, и опять всѣмъ весело. Словомъ сказать, на всѣ руки парень: колесомъ вертится, на канатѣ пляшетъ; сядетъ задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держится. Въ гостиномъ дворѣ брюханы такъ и покатываются: «ахъ, каторжный!» [19]).

Въ одномъ большомъ городѣ сотрудники конкурировавшихъ газетъ, встрѣтясь, поспорили; поспоривъ, поругались; поругавшись, подрались. Этотъ инцидентъ далъ читателямъ недурной бытовой матеріалъ въ видѣ полемики подравшихся, а издателямъ рѣдкую розницу: улица гоготала—захлебываясь отъ удовольствія.

Одинъ пишетъ: «я васъ избилъ». Другой отвѣчаетъ: «нѣтъ, ударили»... Тотъ: «врете», а этотъ—лекцію объ этимологической, зрительной и физіологической разницѣ словъ «избить» и «ударить». Первый: «но вы валялись на полу». Второй: «я только пошатнулся» и т. д. Недѣли двѣ потѣшали...

---

[19]) Idem., 387.

Какъ-то моей коллега присутствовалъ при разговорѣ коммерсанта-издателя съ своимъ братомъ-сотрудникомъ.

— Иванъ Иванычъ! — кричалъ «хозяинъ» изъ кабинета... Ну, живо!

Въ комнату почти вбѣжалъ юркій франтъ и уже въ дверяхъ проговорилъ:

— Что прикажете, Петръ Петровичъ?

— Вотъ что, — началъ издатель почтительно стоявшему «молодцу». Новый губернаторъ любитъ—мнѣ его поваръ сказывалъ—чижиковъ и страшно съ ними забавляется. Вы, вѣдь, знаете Сидоръ Карпыча?

— Какъ же. Черезъ день обѣдаю тамъ.

— Ну, такъ купите у него парочку да позанятнѣе. Даю на это четвертной, а что меньше, то ваше.

— Не маловато ли, Петръ Петровичъ? Придется своихъ доложить...

— Ну, ну, будетъ...

— Постараюсь.

— Только завтра же, въ середу послѣдній срокъ, мнѣ назначеніе представиться пришло.

— Будетъ, не безпокойтесь.

— Больше ничего...

Иванъ Ивановичъ откланялся и вышелъ. Въ «середу» издатель представилъ «генералу» пару чижиковъ, за что и удостоился первой благодарности...

Другой Иванъ Непомнящій, владѣлецъ лѣсныхъ пристаней и кирпичныхъ заводовъ, командировывалъ туда время-отъ-времени одного сотрудника, по профессіи бухгалтера, для провѣрки конторщиковъ...

XI.

Такіе господа, какъ поставщикъ чижиковъ, Иванъ Ивановичъ, прекрасно понимаютъ, что самое пріятное для ихъ издателей—выигрышъ позиціи у конкурирующаго изданія.

Въ одной изъ газетъ работалъ одиннадцать лѣтъ г. N. Затѣмъ перешелъ къ конкурренту и сталъ бранить первое свое пристанище; и бранилъ не за какое-нибудь прегрѣшеніе, благодаря которому могъ бы и черезъ двадцать лѣтъ уйти изъ редакціи и выступить принципіальнымъ ея противникомъ, а такъ вообще. Когда ему замѣтили недобросовѣстность такого поведенія, онъ отвѣтилъ: «неужели изъ того, что я одиннадцать лѣтъ задыхался въ этой тяжелой атмосферѣ, слѣдуетъ, что, вырвавшись на чистый воздухъ, я не смѣю сказать, что я дѣйствительно задыхался?» «Свѣжимъ воздухомъ» второго пристанища г. N дышалъ ровно годъ, затѣмъ перешелъ въ третье, тоже сосѣднее, а вскорѣ вернулся въ первое, гдѣ раньше «задыхался». Вернулся съ печатнымъ покаяніемъ, назвалъ себя «блуднымъ сыномъ», а свое пребываніе внѣ тяжелой атмосферы — «научной командировкой», въ которую его посылалъ, де, редакторъ съ цѣлью убѣдить, что у него лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Началась ругань по адресу второго и третьяго пристанищъ и продолжается вотъ уже три года...

Я не буду приводить подлинныхъ образцовъ «литературной» полемики, но считаю не лишнимъ передать нѣсколько фактовъ изъ области скрытой отъ читательскихъ глазъ конкуренціи нѣкоторыхъ газетъ.

Въ городѣ N, поздно ночью, была получена очень важная агентская телеграмма. Предстояла громадная розница. Съ ранняго утра городъ покупалъ одну и ту же газету, другой у разносчиковъ не было. Оказалось, подкупленный вертельщикъ, какъ будто въ пьяномъ видѣ, наткнулся на метраннажа и разсыпалъ всю полосу (страницу), готовую уже въ машину.

Газета напечатала некрологъ извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало разъѣзжалъ на другой день по городу. Негодованія и насмѣшекъ надъ «могильщикомъ»-газетой нѣсть числа. Стали наводить справки... Некрологъ, подписанный именемъ брата мнимоумершаго, принадлежалъ сотруднику конкурента.

Въ одинъ прекрасный день къ издателю большой газеты является весьма франтовато одѣтый господинъ и въ очень обстоятельномъ разговорѣ сообщаетъ, что пріѣхалъ только-что изъ Москвы и хочетъ купить газету. Издатель сначала мнется, но, не желая упустить выгоднаго покупателя и рѣшивъ выпутаться изъ долговъ убыточнаго дѣла, проситъ обождать. Черезъ два дня покупателю былъ представленъ точный разсчетъ газеты, а на слѣдующій день въ конкуррентѣ «Вѣстникѣ» появилась статья о дышащемъ на ладанъ новоявленномъ органѣ...

Каждая газета въ той или иной степени чувствуетъ свою зависимость отъ мѣстной полиціи, безъ которой часто не въ состояніи удовлетворить читателей свѣдѣніями о мѣстныхъ происшествіяхъ, подчасъ имѣющихъ большое общественное значеніе. Все зависитъ отъ умѣнія ладить съ полицеймейстеромъ или градоначальникомъ. Одна газета въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не получала возможности сообщить даже о пожарѣ сколько-нибудь во-время. Редактору была прислана бумага съ короткимъ извѣщеніемъ отъ имени «префекта», что впредь редактируемой имъ газетѣ никакихъ сообщеній изъ городского полицейскаго управленія даваться не будетъ. Тотъ поѣхалъ объясниться, но не былъ принятъ. Только черезъ два мѣсяца узналось, что изъ другой газеты полицеймейстеру было сказано конфиденціально, что наказанная имъ редакція посылаетъ корреспонденціи о полицейскихъ порядкахъ города въ одну изъ столичныхъ газетъ. Обвиненіе тѣмъ болѣе оригинальное, что сами друзья «префекта» какъ разъ и писали обо всемъ, что не пропускалось мѣстной цензурой.

У меня хранится очень интересное письмо пріятеля. Оно такъ характерно, что я воспроизвожу его почти полностью.

Можешь себѣ представить, что̀ было у насъ на этих
дняхъ въ редакціи. Ты уже, вѣроятно, знаешь, что нашъ губер
наторъ переводится въ опекунскій совѣтъ. Знаешь и о тѣх
мытарствахъ, которыя я прохожу вотъ уже болѣе полугода
Теперь приступаю къ разсказу. На-дняхъ прибѣгаетъ ко мн
одинъ изъ чиновниковъ губернскаго присутствія и, заливаяс
отъ хохота, говоритъ: «поздравляю, отъ души поздравляю
Вотъ не ожидалъ! Нѣтъ, каково; губернаторомъ назначенъ! По
здравляю!»—Что такое,—спрашиваю—скажите толкомъ? — «Д
развѣ—отвѣчаетъ—не слышали еще?» Я недоумѣваю. Что же ока
зывается. Наканунѣ они всѣ прощались съ губернаторомъ. Тот
былъ очень милъ, но не разговорчивъ. Посреди минуты молча
нія вице-губернаторъ спрашиваетъ: «а неизвѣстно, ваше прево
сходительство, кто будетъ вашимъ замѣстителемъ?» Губернатор
вдругъ поморщился да и выпалилъ: «Черниловъ! (фамили
моего друга—автора письма. М. Л.). А развѣ вы не знаете? Черни
ловъ, Черниловъ... Онъ будетъ прекрасный губернаторъ. У него н
будетъ того, что̀ было у меня! У него все будетъ въ порядкѣ
всѣ будутъ довольны! Да, да Черниловъ!...» Потомъ онъ не
много передохнулъ и продолжалъ: «Вздумалъ учить меня! На
писалъ въ Петербургъ проектъ борьбы съ пропзволомъ мѣст
ной администраціи!... Вотъ это губернаторъ». Представь себѣ
общее удивленіе! Когда пришедшій разсказалъ мнѣ все это,
ушамъ своимъ не вѣрилъ. Правда, столкновенія съ губернато
ромъ у меня бывали, на ногу мнѣ наступать не удавалось осо
бенно часто, но до такой нелѣпости, какъ названный проектъ
я никогда не могъ дойти. Вотъ, значитъ, гдѣ зарыта собака
Вотъ почему мы уже полгода влачимъ существованіе глухо
нѣмыхъ!... Сталъ раскапывать корни, наводить справки, слу
чайно встрѣтилъ самого губернатора, былъ остановленъ имъ
вдругъ узнаю, что выдумка о «проектѣ» принадлежитъ зна
комому тебѣ «Лишаю» (такъ звали редактора второй въ го
родѣ газеты М. Л.)... Вотъ, братъ, тебѣ эпизодъ изъ не со
всѣмъ дюжинныхъ».

На югѣ есть городъ, гдѣ подвизается редакторъ, очень похожій
на «Лишая»: всѣ газеты, кромѣ его собственной, находятся там

подъ постояннымъ давленіемъ доносовъ и навѣтовъ этого субъекта, а онъ блаженствуетъ...

- - -

XII.

Вторая заповѣдь обрисованныхъ выше «журналистовъ»— «угождай и забавляй».

Когда какой-то ежемѣсячный журналъ упрекнулъ прессу одного большого города въ сногсшибательномъ прислуживаніи читателю, она въ одинъ голосъ отвѣчала: «у насъ публика такая, она сама требуетъ перебранки, скандаловъ, ухарства и площадной ругани, она безъ этого жить не можетъ». Въ справедливости такой именно оцѣнки всей публики эти господа вполнѣ убѣждены и иногда желая играть на неидущее къ нимъ благородство, дѣлаютъ видъ, что преподносятъ читателямъ кабакъ—или, выражаясь по щедрински, «окунаютъ ихъ въ клоаку человѣческой мысли»,—а не настоящую газету, исключительно благодаря низкимъ вкусамъ публики, которая-де лучшаго и не любитъ и не понимаетъ.. Я знаю редактора громадной газеты, требующаго отъ провинціальнаго обозрѣвателя только убійствъ, дракъ, скандаловъ, растлѣній, изнасилованій, кровосмѣшеній... При этомъ сотрудникамъ не солидарнымъ говорится всегда со вздохомъ скорби:

— Что дѣлать, дорогой мой, конечно, было бы интереснѣе дать что-нибудь о земствѣ и тому подобное, но развѣ наша публика развернетъ тогда газету?!

А солидарнымъ—:

— Давайте позабористѣе, чтобы быка прошибало! Выберите что-нибудь поострѣй!

Мнѣ какъ-то пришлось бесѣдовать съ редакторомъ другой большой газеты по поводу ея громадныхъ убытковъ. Я очень долго и подробно развивалъ свой планъ реформы изданія, доказывалъ выгодность его и съ матеріальной стороны etc. Мой

собесѣдникъ слушалъ, слушалъ, все кивалъ головой, наконецъ, не выдержалъ:

— Эхъ, полно, уважаемый NN, сказалъ онъ. Все это, конечно, кажется какъ будто и такъ: создать серьезную, но живую газету для интеллигенціи и тѣхъ, кто хочетъ удовлетворить здоровой пищей начавшіе портиться уже желудки, раскинуть широко сѣть корреспондентовъ въ провинціи... Да только кому нужна такая газета? Вѣдь, здоровой-то пищи не любятъ, она пресновата, малоразнообразна. Всѣмъ подавай сою, кайеннъ, горчицу. Ну, что будетъ тамъ читать нашъ розничный читатель? Возьметъ, повертитъ, повертитъ, да и плюнетъ... Нѣтъ, вы вотъ посовѣтуйте-ка что-нибудь безъ реформъ, такъ, развѣ съ частичными улучшеніями...

Тутъ же сидѣлъ издатель и, видимо, готовъ былъ просто съѣсть меня за одно только покушеніе на бульварность и вѣчное угожденіе улицѣ...

«Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!» Не одинъ разъ я слышалъ эти слова какъ девизъ. Въ нихъ только сдѣлали маленькую перемѣру: «да, фельетонъ есть вещь, а прочее все гиль!» Слышалъ и очень не сложную программу ежедневной газеты: фельетонъ, телеграммы и подробнѣйшая хроника до чиханія послѣдняго велосипедиста включительно. Въ одной большой газетѣ чуть было не произошла реформа въ этомъ направленіи... Фельетонистъ сейчасъ идетъ въ гору и котируется на литературной биржѣ небывало высоко. Это единственный персонажъ въ труппѣ Непомнящаго, трудъ котораго оплачивается хорошо, даже слишкомъ. Нѣкоторые фельетонисты получаютъ столько, сколько всѣ остальные сотрудники вмѣстѣ.

Знаю редакціи, поставившія во главу угла ложь, клевету, прямой шантажъ. Въ одной, напримѣръ, газетѣ вы можете довольно часто, особенно передъ и во время подписки, найти «письмо въ редакцію», въ которомъ растроганный псевдонимъ въ очень неумѣренныхъ выраженіяхъ благодаритъ редакцію «всѣми уважаемой газеты» за ту или другую статью, превозноситъ ея практическія послѣдствія и т. д. Вы даже и не подозрѣваете, что все это писано въ редакціи же,

что это—одинъ изъ способовъ заручиться вашимъ вниманіемъ и расположеніемъ... А то сотрудникъ захваливаетъ сочиненія своего редактора, вышедшія книжкой, а редакторъ хвалитъ сотрудника. Редакторъ очень распространенной газеты, подписывался то фамиліей, то псевдонимомъ. Когда прошло достаточно времени, появляется статья, гдѣ «фамилія» доказываетъ, что «псевдонимъ» пользуется совершенно понятной извѣстностью; что его статьи «полны всегда самаго живого интереса» etc.... Вотъ подлинный образчикъ отзыва услужливаго сотрудника о сочиненіяхъ проводящаго его въ люди редактора:

«Въ нихъ медленно и торжественно зрѣютъ и надвигаются иного рода событія, озаряющія дѣйствующихъ лицъ повѣстей тревожнымъ, зловѣще колеблющимся свѣтомъ ивотъ-вотъ грозящія разразиться надъ ихъ головами жестокою грозой. Весь томъ разсказовъ представляетъ нѣчто цѣльное и единое, хотя, въ свою очередь, и каждая вещь въ частности является законченною и цѣльною. Рѣдкое знаніе провинціи и провинціальныхъ типовъ, обнаруженное авторомъ въ повѣстяхъ, красочность и сочность письма, трезвый реализмъ разсказа—вотъ достоинства этихъ цѣнныхъ сочиненій»...

Вотъ отрывокъ изъ другого фельетона, помѣщеннаго въ запирающей газетѣ:

«Встрѣтившись на-дняхъ съ редакторомъ нашей газеты, я, тогда еще посторонній ей человѣкъ, сказалъ ему:

— Многоуважаемый г. редакторъ! Вы, какъ я замѣтилъ, слишкомъ идеально относитесь къ вашему редакторскому дѣлу въ отношеніи издаваемой вами газеты. За многіе годы я убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ вы вовсе не даете мѣста никакимъ коммерческимъ соображеніямъ, т.-е. не руководитесь ими: это какъ-то даже несовременно, если не разорительно. Почему ваша газета не похожа на торговое заведеніе? Это ошибка съ вашей стороны.

— Какъ такъ?—спрашиваетъ, видимо озадаченный, редакторъ.—Въ чемъ вы обнаружили признаки моего идеализма и къ чему здѣсь сравненіе газеты съ торговымъ заведеніемъ?

— Очень просто. Газеты наши большія, крупныя, какъ спра-

ведливо замѣтилъ одинъ профессоръ, суть своего рода торговыя заведенія, гдѣ вверху, въ передовицахъ, продаются патріотическіе баранки, а внизу, въ фельетонѣ, гудитъ шарманка, пляшутъ и дерутся; баранки покупаютъ, слушаютъ шарманку и глазѣютъ на пляшущихъ; торговля идетъ не въ убытокъ и хозяинъ доволенъ.

Редакторъ призадумался.

— Въ вашей же газетѣ, продолжалъ я, не бываетъ ни передовицъ, ни фельетона, поняли?

— Понялъ, — отвѣтилъ редакторъ, — тѣмъ не менѣе я не вижу здѣсь никакой ошибки, а тѣмъ болѣе коммерческой. Просуществовавъ болѣе 33 лѣтъ, газета моя тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила болѣе трети столѣтія. Этотъ фактъ отвѣчаетъ вамъ на всѣ ваши коммерческіе и не коммерческіе вопросы.

— Положимъ, что такъ, но нѣтъ-ли тутъ жертвы съ вашей стороны?

— Какой?

— Да, напримѣръ, денежной?

— О, нѣтъ, возразилъ редакторъ, — изданіе газеты со стороны матеріальныхъ затратъ окупается.

— Ну, а трудъ-то вашъ оплачивается достаточно? остается ли вамъ что-нибудь собственно за хлопоты?

— Видите ли, — отвѣтилъ редакторъ, — я, признаться, не дѣлалъ этого частичнаго учета, потому что у меня ведется одинъ общій балансъ съ домашнимъ дѣломъ, но, по всей вѣроятности, остается что-нибудь и за издательскій трудъ. А знаете ли что, обратился ко мнѣ редакторъ, напишите вы что-нибудь для фельетона...

Вы, читатель, вѣроятно не помните одинъ персонажъ, очень легко и даже неувѣренно набросанный Салтыковымъ. Это — Никодимъ Крошечкинъ, добывающій розницу путемъ полемики самого съ собой... И въ этомъ не ошибся прозрѣвавшій будущее Щедринъ: немного, но нѣсколькихъ Крошечкиныхъ и мнѣ приходилось знать... Практическія послѣдствія

ихъ «маневра» очень ощутительны для хозяйской приходной кассы...

Знаю и пускателей «утокъ». Пріемъ этотъ мнѣ, помню, открыто разсказалъ одинъ удаленный Непомнящимъ шантажистъ. Тутъ цѣлая наука, требующая строгой продуманности и выдержки...

Вотъ, напримѣръ, статья въ одной газетѣ, очень быстро теряющей читателей, залученныхъ печатнымъ голодомъ. Озаглавлена она съ вѣрнымъ разсчетомъ на любопытство широкой толпы: «Къ казни нашего редактора!

11 сентября прошлаго года тысячная толпа евреевъ, подъ предлогомъ манифестаціи на другой подкладкѣ, собралась въ 9 часовъ вечера на Александровской улицѣ, у типографіи нашей газеты и готова была разгромить ее. Многіе евреи кричали: «смерть редактору! смерть газетѣ!» Евреи, однако, не привели въ исполненіе своего намѣренія, такъ какъ нѣкоторое время спустя ихъ разогнала полиція; но часть толпы въ 10 часовъ вечера, въ то время, когда я писалъ статью, подошла къ редакціи и съ криками: «смерть редактору! смерть газетѣ!» пыталась ворваться въ мою квартиру, причемъ всѣ стекла въ окнахъ, выходящихъ на улицу, были разбиты. Чѣмъ окончился бы погромъ, ворвались ли бы евреи черезъ окна въ мою квартиру, не знаю, но они скрылись едва прибѣжали служащіе моей типографіи, вызванные по телефону. Въ это же время мною были получены письма съ угрозою убить меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ лица, случайно услыхавшаго въ саду разговоръ между двумя субъектами о томъ, что меня собираются убить. Позже я получилъ еще нѣсколько писемъ съ просьбами, чтобъ я берегъ себя, такъ какъ евреи рѣшили убить меня. Къ концу прошлаго года, благодаря, можетъ быть, моему отсутствію, евреи поунялись на время. Но въ нынѣшнемъ году вражда эта вновь разгорѣлась, особенно послѣ появленія моихъ писемъ по еврейскому вопросу и постановки въ апрѣлѣ «Контрабандистовъ». Представленіе «Контрабандистовъ», благодаря мѣрамъ, своевременно принятымъ администраціей, прошло благополучно въ театрѣ. Но я,

только щадя евреевъ, умолчалъ о томъ, что огромная толпа поджидала моего проѣзда въ театръ, собираясь бросать въ меня бутылками и избить меня. А въ то же время у редакціи были задержаны евреи, бросавшіе камнями въ окна и также поджидавшіе меня. Двухъ изъ нихъ городовые задержали даже въ два часа ночи. Одновременно съ этимъ я продолжаю получать письма съ угрозами убить меня, облить сѣрной кислотой и т. п. Наконецъ, есть еще данныя, которыхъ я не могу привести здѣсь, въ силу обѣщанія, но которыя убѣждаютъ меня, что я дѣйствительно приговоренъ къ смертной казни. Какъ осуществятъ ее—не знаю, но, вѣроятно, не открыто, а изъ-за угла».

Тутъ все великолѣпно...

Одна большая газета уже не первый годъ добываетъ вліяніе, время отъ времени преподнося читателямъ трофеи своихъ мнимыхъ побѣдъ на почвѣ рѣшенія вопросовъ внѣшней или внутренней политики, подчеркивая въ громадныхъ статьяхъ свою роль въ созданіи именно такого, а не иного рѣшенія... Начинаются такія самовосхваленія обыкновенно словами: «нельзя отъ всей души не привѣтствовать прекрасной мысли законодателя (или такого-то лица), такъ блестяще осуществленной въ только-что опубликованномъ положеніи (циркуляръ и т. п.)». Затѣмъ идетъ изложеніе самаго положенія, а въ концѣ:—«наши читатели помнятъ, какъ долго мы настаивали именно на подобномъ рѣшеніи вопроса, доказывали его безусловную и при томъ исключительную справедливость. Намъ тогда возражали, съ нами не соглашались, спорили, насъ даже гнали и заушали, но теперь, полагаемъ, читателямъ ясно, кто былъ правъ. Въ недавней бесѣдѣ нашей съ однимъ очень видным административнымъ дѣятелемъ (онъ, разумѣется, почти никогда не называется М. Л.) намъ было сказано, что обсужденіе вопроса началось и закончилось обсужденіемъ преимущественно нашего предположительнаго рѣшенія» и т. д., и т. д. Обыкновенный русскій читатель, отличающійся поразительнымъ безпамятствомъ читавшаго полгода, годъ назадъ, дѣйствительно вѣритъ этой кокофоніи и проникается уваженіемъ къ силѣ «своей» газеты... Если же встрѣчаетъ гдѣ-нибудь указанія на мерзость такой выходки

«приватъ-звонаря храма славы», то почти всегда думаетъ: «завидно?!»

Помню, почти при самомъ вступленіи своемъ на поприще присяжнаго журналиста, когда приходилось начинать основательное знакомство съ русской прессой, я былъ пораженъ изворотливостью нѣкоторыхъ газетъ въ имитаціи «собственныхъ» авторовъ и корреспондентовъ. Фабрикація ихъ очень несложна — ножницы и нахальство. Бываетъ, конечно, и тутъ на старуху проруха, но не часто. Не скоро, напримѣръ, изгладится изъ памяти «собственный» коронаціонный корреспондентъ одной довольно распространенной газеты, написавшій громадную статью о томъ, какъ торжественный въѣздъ въ Москву государя привѣтствовался несмолкаемой канонадой съ... Тріумфальныхъ воротъ и колокольни Ивана Великаго!... Не знающіе Бѣлокаменную столицу поймутъ, что̀ это за нелѣпость, если ее сравнить съ сообщеніемъ о томъ, какъ лошадь пробѣжала по телеграфной проволокѣ...

А «самостоятельная» беллетристика и переводы!.. Въ этой области очень характерна фигура одного довольно извѣстнаго широкой публикѣ журналиста. Хотя «дѣло» его очень нашумѣло года два назадъ, но я и здѣсь не считаю нужнымъ выставлять имена дѣйствующихъ лицъ: не лица намъ нужны, а типичные факты.

Прижатый къ стѣнѣ массою собравшихся какъ-то сразу противъ него уликъ, господинъ мародеръ написалъ, наконецъ, покаянное письмо, никѣмъ изъ затронутыхъ въ немъ лицъ основательно не опровергнутое.

«Въ 1893 мой редакторъ предложилъ мнѣ передѣлать романъ г. К., изданный въ 1832 г., для фельетоновъ его газеты, рекомендовавъ для этой компиляціи и романъ Нестора Кукольника «Іоаннъ III». Находясь въ стѣснепныхъ обстоятельствахъ, я согласился, и такимъ образомъ появился новый романъ. Я хотѣлъ въ примѣчаніи подъ первымъ же фельетономъ оговорить происхожденіе романа, но редакторъ воспротивился этому и выкинулъ примѣчаніе, которое появилось уже, по моему упорному настоянію, послѣ двухъ десятковъ фельетоновъ, въ

нѣсколько, все-таки, измѣненной редакціи. Я точно предчувствовалъ бѣду и дѣйствительно, покойный Д. печатно разоблачилъ эту фальсификацію. Какъ тогда поступилъ редакторъ? Онъ, какъ и теперь, отказался отъ того, что онъ не только зналъ все это, но самъ поручилъ мнѣ эту работу. Къ моему счастью, у меня были свидѣтели: онъ былъ уличенъ, и поднятый было имъ вопросъ объ отказѣ мнѣ отъ сотрудничества въ газетѣ отпалъ самъ собой. Я остался сотрудникомъ, но моя литературная репутація подорвана, благодаря редактору, который и теперь не имѣлъ мужества защитить своего сотрудника. Онъ утѣшалъ меня, однако, тѣмъ, что я на всю жизнь обезпеченъ работой въ его газетѣ, сулилъ мнѣ дать паи въ будущемъ издательскомъ товариществѣ, всюду и всегда называлъ меня своимъ другомъ, рекламировалъ въ газетѣ мое имя. Въ теченіе семи лѣтъ я одинъ составлялъ номера газеты, улучшилъ ее, а четыре года редактировалъ безъ участія редактора, который былъ занятъ въ то время городскими дѣлами, подготовленіемъ своего избранія въ городскіе головы, политическими поѣздками, славянскимъ обществомъ, подготовленіемъ выбора своего въ предсѣдатели, своимъ домомъ, гончарнымъ заводомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, только не газетою. Подписка, несмотря на конкурренцію, не упала. Редакторъ отплатилъ мнѣ за это такимъ отношеніемъ, что я принужденъ былъ недавно отказаться совершенно отъ сотрудничества въ изданіи, съ которымъ я сроднился и которому отдалъ свои лучшіе силы и годы. Онъ видимо, хотѣлъ къ своимъ всевозможнымъ тогамъ прибавить тогу охранителя литературной этики, бѣднаго издателя, обманутаго своимъ сотрудникомъ. Я же съ своей стороны, не драпировался ни въ какую тогу, а тѣмъ менѣе въ тогу литератора: я былъ только усерднымъ и аккуратнымъ газетнымъ работникомъ и, напротивъ, всегда говорилъ и даже поддчеркивалъ, что я—не литераторъ, а писатель по ремеслу—это могутъ подтвердить всѣ меня знающіе».

. . . . . .

Наконецъ, прямое взяточничество и вымогательство. Кое-что читатели, вѣроятно, помнятъ и изъ судебной хроники.

Корреспондентъ очень большой газеты явился въ крупный торговый домъ и предложилъ немедленно уплатить 5.000 руб., грозя въ противномъ случаѣ поднять такой скандалъ, отъ котораго «небу станетъ жарко». Не дали. Онъ сдержалъ свое слово, и фирма очень сожалѣла, что поупрямилась. Мало того, въ самый разгаръ скандала къ ней явился редакторъ-издатель другой большой газеты и откровенно предложилъ немедленно приняться за реабилитацію, если фирма вступитъ въ его изданіе крупнымъ пайщикомъ.

Не хуже отличилась другая большая газета. Какъ и всякая, она въ значительной мѣрѣ строитъ свой бюджетъ на объявленіяхъ. Заказывалъ тамъ, между прочимъ, постоянный анонсъ извѣстный въ городѣ шато-кабатчикъ. И вотъ въ теченіе двухъ лѣтъ на столбцахъ этой газеты всюду пестрили самые лучшіе отзывы о «просвѣтительной» дѣятельности шато-кабатчика... Словомъ, все шло по хорошему. Вдругъ объявленій не присылаютъ, мотивируя дороговизной. Просили 250 рублей ежемѣсячно, шато-кабатчикъ давалъ 100. Спустя нѣкоторое время, къ нему является управляющій газетной конторой и начинаетъ всячески умасливать. Тщетно. Тогда конторщикъ грозитъ сильной «прохваткой». Дѣйствительно, одинъ изъ сотрудниковъ каждый день начинаетъ издѣваться надъ шато-кабакомъ и его содержателемъ. Дѣла падали... Но въ «конкурентѣ» появляется письмо кабатчика, изъ котораго оказывается, что г. журналистъ неоднократно былъ выводимъ изъ его «заведенія» мѣрами полиціи, а по счетамъ за съѣденное и выпитое не платилъ въ продолженіе полугода, несмотря на категорическія требованія хозяина....

Въ одномъ изъ торговыхъ городовъ, имѣющемъ свою ярмарку, во время послѣдней постоянно выпускается ежедневная газета, посвященная интересамъ и нуждамъ ярмарки. Мало того, что редакторъ этого орга́нчика на постоянномъ жалованіи у прославляемыхъ имъ «брюхановъ», но онъ даже изобличенъ въ составленіи прошенія Китъ Китычей о возвращеніи въ ярмарочные кабаки изгнанныхъ оттуда администраціей арфистокъ. Больше — онъ писалъ громадныя статьи на тему

свободы торговли и вытекавшей, де, изъ нея свободы развле-
ченій. Еще больше—онъ преподносилъ въ газетѣ портреты
наиболѣе популярныхъ среди купечества «дѣвицъ» съ краткими
біографіями. Во всемъ этомъ г. литераторъ былъ уличенъ
потомъ на судѣ и, все-таки, и до сихъ поръ сотрудничаетъ въ
большой газетѣ, мнящей себя «порядочною»...

Очевидно, эти господа уже на опытѣ знаютъ громадную силу
печати. Послѣдняя, дѣйствительно, колоссальна. Это такая
страшная по своимъ размѣрамъ сила, что мало-мальская
оплошность — человѣкъ уже заклеванъ, сравненъ съ грязью.
Ничто не даетъ газетѣ такого успѣха у толпы, какъ сног-
сшибательный пасквиль, направленный противъ человѣка, мало-
мальски выдающагося въ ея собственныхъ глазахъ, «Вотъ
прохватили, такъ прохватили!»... гогочетъ улица и быстро раз-
бираетъ номера. «Читали про Ивана Ивановича?» спрашиваетъ
каждый встрѣчный, и успѣхъ Подхалимова растетъ, какъ
снѣжный комъ. Эта сторона «уловленія» заслуживаетъ того,
чтобы сказать о ней нѣсколько словъ особо—она наиболѣе
ярко обнаруживаетъ талантъ Подхалимова и его удивительную
виртуозность въ выборѣ формъ.

По общепринятому мнѣнію, находящему подтвержденіе
и въ энциклопедическихъ словаряхъ. пасквилемъ назы-
вается письменное сочиненіе или символическое изобра-
женіе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для
кого - либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати или инымъ
путемъ. Прежде подъ пасквилемъ понимали больше язви-
тельную насмѣшку, чѣмъ злостную обиду, потомъ онъ
сталъ аналогироваться съ ложнымъ доносомъ, а въ новѣй-
шихъ уголовныхъ законодательствахъ пасквиль уже особо не
упоминается, а разсматривается по общимъ правиламъ о кле-
ветѣ. Итакъ, главный и единственный признакъ пасквиля—
ложь, клевета. Нѣкоторые толкуютъ это понятіе шире: по
ихъ мнѣнію, пасквиль — все то, что составляетъ портретъ
именно даннаго лица или группы лицъ. Но мнѣ кажется, нѣтъ
основаній лишать это слово общеупотребительнаго значенія.
Теперь, конечно, ясно, кого можно назвать пасквилянтомъ

Очевидно, это прежде всего лжецъ, клеветникъ; во-вторыхъ,—человѣкъ, имѣющій совершенно опредѣленный отрицательный моральный удѣльный вѣсъ, въ-третьихъ, человѣкъ въ общественномъ смыслѣ негодный, потому что пользуется той жилкой неразборчивыхъ людей, которая всегда все дурное, особенно, когда оно выставлено въ смѣшномъ видѣ, побуждаетъ принимать уже за истину, а пасквилянта—записать въ разрядъ «бичей гнусности и неправды». Для пасквилянта, какъ человѣка совершенно безчестнаго, нѣтъ необходимости входить, хоть на моментъ, въ разборъ качествъ намѣченной жертвы. Наоборотъ, чѣмъ она порядочнѣе, развитѣе, гуманнѣе, чѣмъ больше она пользуется заслуженнымъ уваженіемъ лучшей части общества, тѣмъ большій соблазнъ добраться до нея пасквилянту. Вѣдь, это по натурѣ человѣкъ, не могущій терпѣть около себя людей сколько-нибудь порядочныхъ. Такіе люди, являясь зеркаломъ, отражаютъ умственное и нравственное убожество пасквилянта; это его бѣситъ, онъ хватаетъ зеркало и безжалостно разбиваетъ его въ дребезги...

Вотъ, собственно, психологія непосредственнаго пасквиля. Но есть и другіе источники его возникновенія. Пасквилянтъ можетъ руководствоваться постороннимъ указаніями, просьбами, приказаніями, наконецъ, подачкой. Въ ежедневной прессѣ пасквиль особенно бываетъ въ ходу среди людей, желающихъ играть на интересъ къ изданію въ мало развитой массѣ. Достаточно прикрасить пасквиль гражданской скорбью объ обиженномъ меньшомъ братѣ, чтобъ на нѣкоторое время имѣть успѣхъ. Есть изданія—конечно, ихъ очень немного—сумѣвшія основать на пасквилѣ свое матеріальное благосостояніе; есть пасквилянты, живущіе своимъ промысломъ и при томъ съ тѣмъ или инымъ комфортомъ, въ зависимости отъ талантливости и умѣнья попасть во-время и въ цѣль. Они кричатъ: «бойтесь насъ!» и ихъ, дѣйствительно, надо бояться, потому что никто не гарантированъ, что, прочтя сегодня пасквиль о своемъ сосѣдѣ, завтра не прочтетъ о себѣ. Ну, а масса не настолько еще развита въ общественномъ смыслѣ, чтобы умѣть убѣдить себя въ томъ, что пасквиль не можетъ быть оскорбителенъ именно

въ виду своей принадлежности пасквилянту. Да и надо ли скор-бѣть о такомъ неразвитіи? Вѣдь, если не обидно потому, что клевещетъ клеветникъ, то можетъ быть обидно потому, что страдаетъ правда и благодаря кому же!... Но и тутъ еще не все. Чтобы написать совершенно открытый пасквиль, назвавъ и героя и себя, пасквилянта, полной фамиліей—нужно обладать, все-таки, нѣкоторымъ мужествомъ, т.-е. тѣмъ, что даже и послѣдняго негодяя, хоть на волосъ, поднимаетъ въ нашихъ глазахъ. Мужествомъ отличаются вообще не очень многіе, а пасквилянты—и еще рѣже. Обычная манера ихъ другая: и герой и онъ самъ скрыты за вымышленными именами. Но и этого мало. Называя героя всегда довольно прозрачно, пасквилянтъ именуетъ себя такъ, что вы никогда не догадаетесь, кто онъ. Такимъ образомъ, клеветнику создается крайне выгодное положеніе: онъ можетъ очернить и оболгать всѣхъ и вся, никогда не рискуя судебной отвѣтственностью. Правда, бываетъ еще отвѣтственность «натуральная», но, во-первыхъ, пасквилянтъ всегда остерегается каждаго, у кого кулакъ не въ достаточной выдержкѣ, а во-вторыхъ, онъ всегда сумѣетъ его избѣжать, совершивъ какую-нибудь новую подлость.

XIII.

— За что вы насъ губите? Вѣдь мы же съ голоду умремъ, если не бросимся въ развратъ и шулерство, которое почему-то считается родственнымъ актерской профессіи!

— Да кто же васъ губитъ?! Что плохо, то плохо.

— Г. редакторъ, я повторяю вамъ, кажется, ясно, что ни одного представленія, даже до середины, вашъ рецензентъ не высидѣлъ! Ну, провѣрьте мои слова, спросивъ своихъ знакомыхъ...

— Я не могу не вѣрить своему сотруднику... Вообще, повторяю, я ни въ какіе разговоры по этому поводу не хочу

вступать. Оцѣнка сдѣлана; пусть съ нею не соглашаются, но это еще не значитъ, что она несправедлива...

— Вы должны вникать въ ея важность для насъ и для публики...

— Ну, что я долженъ—я самъ знаю хорошо и, еще разъ повторяю, что продолжать нашъ разговоръ не намѣренъ.

— И такъ, приговоръ ясенъ: «дохните, чортъ съ вами, а мой сотрудникъ—воплощеніе истины»... Спасибо! До свиданія... А ему передайте отъ имени моего и труппы мерзавца! До свиданія!..

Такой разговоръ происходилъ въ кабинетѣ редактора съ антрепренеромъ хорошей мѣстной драматической труппы, которую очень почему-то не взлюбилъ рецензентъ единственной въ городѣ газеты Труппа погибала, благодаря пустому театру; публика не ходила, благодаря довѣрію къ рецензенту. Кончилось дѣло тѣмъ, что нѣсколько завсегдатаевъ-театраловъ, видя гнусную несправедливость, обратились въ сосѣднюю газету съ пространнымъ «письмомъ», гдѣ и выяснили мотивы неудовольствія рецензента. Оказалось, что онъ ждалъ особаго кресла для своей матери и жены, антрепренеръ нашелъ это видомъ взятки и категорически отказалъ...

Въ большомъ южномъ городѣ общество было взволновано рѣдкимъ инцидентомъ: опереточныя артистки побили рецензента. Вотъ какъ онъ самъ повѣдалъ о томъ въ газетѣ:

Ко мнѣ подошли три пѣвицы и въ вѣжливой формѣ сказали:

— Позвольте съ вами познакомиться?!

— Очень пріятно,—сказалъ я въ недоумѣніи.

— Пойдемте съ нами въ кабинетъ, мы тамъ угостимъ васъ.

Отъ этого предложенія я отказался.

— Пойдемте же, намъ съ вами нужно кой о чемъ поговорить.

— Если вы хотите что-либо мнѣ сказать—замѣтилъ я—то говорите сейчасъ или пожалуйте къ моему столу, гдѣ я сижу съ своей компаніей. Тамъ объяснимся.

«Убѣдившись въ безплодности и безполезности своихъ пре
ложеній, пѣвицы разомъ вдругъ перемѣнили тонъ и выругал
меня нецензурной бранью. Отъ такого неожиданнаго репр
манда я оторопѣлъ и хотѣлъ-было удалиться. Не тутъ-то был
Ко мнѣ подошли еще штукъ 15 пѣвицъ и нѣсколько человѣк
изъ ихъ поклонниковъ. Толпа образовалась человѣкъ в
30—36, которые стали всячески оскорблять меня и подноси
къ моему носу кулаки...»

Редакторъ вынужденъ былъ разстаться съ этимъ сотру
никомъ...

Знаю три-четыре случая, когда антрепренерамъ былъ п
ставленъ ультиматумъ: ни слова о театрѣ, пока газета не п
лучитъ ежедневныхъ поспектакльныхъ объявленій.

Въ одной большой газетѣ до тѣхъ поръ не было пощад
любителямъ пѣнія, пока они не пригласили въ «руководител
ницы» жену рецензента, всячески имъ афишированную... Р
цензентъ другой газеты начинаетъ свое знакомство съ кажд
оперной труппой любезнымъ предложеніемъ поставить е
собственную оперу. Послѣ должныхъ размышленій даже лу
шія труппы соглашаются на добровольный позоръ... Нѣкотор
однако, рѣшали крѣпиться и зато потомъ горько оплакива
свое упорство: сборы были ниже всякаго предполагаемаго м
нимума.

Одна очень распространенная газета не печатала до тѣ
поръ справедливыхъ рецензій о прекрасной игрѣ выдающей
труппы, пока не былъ снятъ съ репертуара имѣвшій больш
успѣхъ водевиль, принадлежащій фельетонисту конкурриру
щей газеты.

На судъ предстало дѣло, содержаніе котораго въ кр
кихъ словахъ таково: рецензентъ жилъ съ премьерш
труппы; послѣдняя интриговала весь женскій персоналъ, о
торомъ не писалось поэтому ни слова. Въ одинъ прекрасн
день сожители разсорились, публика узнала изъ газеты,
свѣтъ въ окошкахъ и не только премьерши, а послѣдняя,
долго думая, опубликовала письмо своего измѣнника-обожат
слѣдующаго содержанія: «Безцѣнная N. итакъ сегодняш

счастье я покупаю запрошенной цѣной: съ завтрашняго дня ни слова ни объ одной женщинѣ безъ твоего особаго указанія. Ура! Лечу и вечеромъ буду въ Альказарѣ, гдѣ обниму свою пташечку!» Лѣтъ шесть тому назадъ процессъ этотъ заинтересовалъ весь городъ...

. . . . . .

Главы эти не могу не закончить разговоромъ Сицилистова съ Подхалимовымъ, когда первый въ отчаяніи воскликнулъ:

— Однако, какіе ужасные нравы!

— У насъ нынче насчетъ нравовъ даже очень просторно—отвѣчалъ Подхалимовъ.—Только размѣры «куша» и стѣсняютъ. Кому—знатный размѣръ приличествуетъ; кому—средній; кому—малый. Но все-таки вездѣ на первомъ планѣ—«кушъ». Недавно, доложу вамъ, у одного «репортера» маменька скончалась—ну, онъ и пошелъ съ похороннымъ счетомъ по коммерсантамъ, да черезъ три-четыре часа всѣ расходы покрылъ, а лишки къ Палкину снесъ.

— А что ежели коммерсантъ-то соберется съ духомъ, да въ шею попрашайку?

— Нельзя стало-быть.

«Подхалимовъ остановился на минуту, иронически взглянулъ мнѣ въ глаза и съ разстановкой произнесъ:

— Печать-то вѣдь сила! Такъ ли, отче? [20]).

XIV.

Особое мѣсто занимаютъ въ моихъ наблюденіяхъ женщины, отдавшіяся кипучей газетной работѣ.

Врядъ-ли теперь найдется редакція газеты, въ которой бы не сотрудничала хоть одна женщина. Онѣ занимаютъ самыя разнообразныя амплуа, въ большинствѣ случаевъ это—пере-

[20]) Idem., 394–395.

водчицы иностранныхъ извѣстій и беллетристики, рѣже—авторы статей и фельетонисты. По адресу ихъ нельзя не сказать, что въ массѣ это—самыя добросовѣстныя работницы, если иногда, по недостатку общаго развитія, и неудовлетворяющія очень требовательныхъ редакторовъ, то ужъ почти никогда не могущія быть сопричисленными къ лику гг. Скомороховыхъ, Подхалимовыхъ, Крошечкиныхъ и К°. На нихъ можно валить всякія обвиненія, но ни въ подлости, ни въ низости, ни въ опоганеніи журналистики. Нужда заставляетъ иногда женщинъ использовать свое все еще безобразное прошлое воспитаніе и образованіе въ редакціяхъ не совсѣмъ-то приличныхъ и порядочныхъ, но кому-кому, а женщинѣ съ семьей, оставленной умершимъ мужемъ, человѣку, который неспособенъ больше ни къ какой другой работѣ, кромѣ переводной и легкокомпилятивной—это можетъ быть (я не говорю: должно) прощено. Русская женщина никогда не стояла во главѣ общественной и политической мысли и жизни, всѣмъ строемъ послѣдней она была удаляема отъ массы явленій, въ которыхъ мы всѣ, мужчины, привыкли чувствовать себя, какъ рыба въ водѣ—ей простительно многое, за что насъ, надо карать всей силой общественнаго негодованія. Вотъ если она—человѣкъ вполнѣ интеллигентный или и неинтеллигентный, но могущій просуществовать инымъ трудомъ—а, тогда предъявляйте и къ ней общія требованія, тогда всякая снисходительность должна ее оскорблять!

Не такъ смотрятъ на этотъ вопросъ нѣкоторые ихъ коллеги изъ мужчинъ. «Она конкурентъ!» кричитъ одинъ. «Она сбиваетъ нашъ заработокъ!» оретъ другой. «Это своего рода made in Germany!» вопитъ третій... И травятъ «ее», какъ зайца. Вотъ откровенная исповѣдь одного изъ такихъ господъ, напечатанная послѣ смерти скромной труженицы.

Я никогда не видѣлъ ее. Я не зналъ, была она молода или стара, интересна или неинтересна въ бесѣдѣ. Я не зналъ даже, какъ ее зовутъ. Сегодня я въ первый разъ узналъ, какъ ее звали. А я всегда былъ увѣренъ, что ее зовутъ иначе. Это смѣшное имя выдумали ей мы, фельетонисты, выдумали нарочно, чтобы сдѣлать ее еще болѣе забавной, смѣшной въ

глазахъ публики. Мы травили ее, травили изъ года въ годъ. Мы изощрялись надъ этой «многописательницей». Мы разсказывали про нее всевозможныя забавныя вещи. Говорили, что она вяжетъ свои романы. Что она работаетъ ихъ на швейной машинѣ. Мы потѣшались, что романы идутъ дѣточкамъ на фартучки. Героиня измѣняетъ герою,—вотъ пантолончики для Юрочки! Мы создали такой забавный образъ, что публика безъ улыбки не могла слушать ея имени. Затравленная нами, она пряталась отъ насъ за псевдонимъ, чтобы высказывать свои мысли, часто интересныя, всегда добрыя, всегда гуманныя. Кто сталъ бы читать статью по общественному вопросу, подписанную ея именемъ? Ужасно интересно знать, что она думаетъ! Чтобы читали ее мысли, она прикрывалась мужскимъ псевдонимомъ.... Мы, литераторы, говоримъ: довольно насъ переколѣло подъ заборомъ! Довольно переколѣло по больницамъ! Довольно мы строили конюшенъ и домовъ для другихъ! Мы сами хотимъ жить въ тѣхъ домахъ, которые строили, и сами ѣздить на тѣхъ лошадяхъ, которыхъ зарабатываемъ! И вы, женщины, намъ мѣшаете въ нашей работѣ, мѣшаете вывести литераторовъ хоть изъ того гнетущаго экономическаго рабства, въ которомъ они находятся. Женщины приходятъ съ самыми скромными, съ самыми маленькими, съ самыми женскими требованіями. На этотъ рынокъ рукописей—я говорю о рынкѣ рукописей, а не идей—успокойтесь,—вы, женщины, приходите съ самымъ ужаснымъ, съ самымъ предательскимъ оружіемъ: вы невозможно сбиваете цѣны. Вы обрекаете работниковъ на голодъ. А съ голодомъ вы много талантовъ обрекаете на гибель. Есть область литературы, куда женщины, входя, прямо несутъ смерть. Это — переводы. Въ каждую редакцію каждый день обращается по нѣскольку женщинъ: переводовъ!! И какъ существовать хорошему, добросовѣстному, талантливому переводчику, когда онѣ просятъ: копейку за строчку, полкопейки! Согласны взять даже четверть копейки. Поторговаться — возьмутъ и восьмую копейки...

Больно, читатель, но, вѣдь, къ этому надо было быть готовымъ! Еще хорошо, что хоть откровенно...

Иначе, правда, относятся къ женскому труду Иваны Непомнящіе и родственные имъ по нутру другіе издатели. Дешевый работникъ, женщина, всегда находитъ у нихъ занятіе. А кого можно и эксплоатировать, какъ ни ее же первую!

Въ заключеніе этой небольшой главы я опять-таки скажу, что весь имѣющійся въ моемъ распоряженіи громадный матеріалъ не даетъ права бросить женщинѣ-журналисту тяжелое обвиненіе въ опошленіи нашего дорогого дѣла. Она не стоитъ часто на стражѣ его интересовъ, какъ хорошо вооруженный и смѣлый боецъ, но свой уголъ всегда оберегаетъ!

XV.

Къ великому счастью и гордости русскаго общества, не могу сказать,—что обрисованныя выше черты дѣятельности *нѣкоторыхъ* журналистовъ суть специфическіе признаки и проявленія жизни русской журналистики en masse.

Тотъ истинный журналистъ, the right man in the right place—настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ, котораго нарисовалъ Салтыковъ, не только живъ, а и могущественъ силою своего нравственнаго вліянія на общество! Онъ составляетъ ряды *истинной* журналистики, онъ даетъ русскому обществу истинную литературу. И теперь, какъ тогда, во времена свѣтлой зари русской литературы и общественности,—«этотъ человѣкъ живетъ одною жизнью съ русской литературой, не знаетъ никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ литературы, не вкушаетъ ни одной радости, которая не имѣла бы источникомъ литературу. Онъ съ жадностью слѣдитъ за всѣми подробностями литературнаго движенія, за всякой литературной полемикой; онъ ничего не знаетъ, ни съ чѣмъ не хочетъ имѣть общенія, кромѣ литературы». А послѣднюю онъ не замыкаетъ въ спиртовую банку отъ клокочущей и бьющей по мозгу и нервамъ жизни; нѣтъ, онъ сосредоточиваетъ въ литературѣ всю жизнь,

всю мысль, всю глубину человѣческаго служенія. Если онъ не замѣтенъ часто, этотъ настоящій журналистъ, то не потому, что его нѣтъ совсѣмъ или онъ недостаточно многочисленъ. Не онъ спрятался въ свою раковину, а его заставили спрятаться, грозя въ противномъ случаѣ немедленной и вѣрной смертью. И для него этотъ конецъ страшнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ.

Нѣмое общество не словами, такъ знаками показываетъ такому журналисту, насколько необходимо ему всячески бороться за существованіе, чтобы, дождавшись снова свѣтлой зари, выйти изъ темницы-раковины и стать въ переднихъ рядахъ активныхъ участниковъ общественнаго прогресса. Русское общество пережило уже однажды аналогичный моментъ. Газетъ тогда не существовало, по крайней мѣрѣ, ихъ было очень немного, но зато въ журналахъ, казалось, воцарился гадъ, шакалъ. Свистъ и ревъ оглушали пробуждающееся общественное сознаніе, оно подавлено было литературной опричниной... Вотъ скачетъ Малюта Скуратовъ. За нимъ несутся приспѣшники. Дымъ столбомъ, опасность надвигается... Вотъ-вотъ грозитъ полное уничтоженіе и смерть... Но, нѣтъ, маленькій кружокъ раньше рискнувшихъ вылѣзти изъ раковины чудодѣйственно отражаетъ нападеніе, является помощь, и гады съ шакалами поворачиваютъ вспять!!... Моментъ историческій, необыкновенный, но не сверхъестественный. Такъ *должно было* случиться!.. Потомъ темныя силы одержали, все-таки, побѣду, но развѣ она рѣшила все?! Развѣ маленькій московскій кружокъ не раскинулъ своего колоссальнаго вліянія на всю русскую интеллигенцію, развѣ ряды ея не растутъ съ каждымъ днемъ, развѣ она не есть оплотъ для нанесенія новаго пораженія?!

И вотъ именно, будучи убѣжденъ въ исторической необходимости и полной неизбѣжности новой зари, я всегда съ особенной горечью относился къ каждому факту, доказывающему наше разъединеніе. Я не хочу этимъ констатировать полное отсутствіе связи, да и не могу, иначе пришлось бы лгать или признать свои глаза закрытыми; но недостаточность единенія для меня, по крайней мѣрѣ, ясна. Вопросъ этотъ не такъ простъ

разумѣется, чтобы его уврачевать нѣсколькими рецептами, но разъ онъ налицо, о немъ нельзя уже молчать.

Прежде всего нужно стремиться, чтобы ни одна форма сближенія истинныхъ журналистовъ не представляла разрывовъ для входа въ нее ловко пропалзывающихъ всюду Подхалимовыхъ, Скомороховыхъ, Шантажниковыхъ и К°. Нужно поставить въ основаніе ту замкнутость, которая, по справедливому утвержденію Салтыкова, охраняетъ литературный декорумъ и кладетъ начало литературнымъ преданіямъ. Насколько мнѣ кажется, прежнія наши формы не удовлетворяли такому примитивному требованію.

Создали мы, напримѣръ, одной рукой «Союзъ» писателей, а другой ихъ разъединили. Развѣ тамъ не были разнородные элементы? Развѣ не приходилось потомъ раскаяваться въ индифферентизмѣ при выборахъ? Развѣ это было вполнѣ сплоченное цѣлое?

Я не иначе, какъ съ чувствомъ почти благоговѣнія вспоминаю нѣкоторыя наши собранія, когда ощущалось: «вотъ товарищи!», когда легче становилось наболѣвшей душѣ.

Но оглянешься иной разъ . . . и пропало одушевленіе: около васъ стоитъ человѣкъ, съ которымъ вы никакъ не думали здѣсь встрѣтиться . . . и присутствіе такихъ господъ до болѣзненности чувствовалось лишнимъ. . .

Поражаетъ и рознь одномыслящихъ изданій. Не говоря уже о томъ, что общіе имъ взгляды и убѣжденія должны были бы создать нѣкоторую связь, единеніе, хотя бы только ради успѣха въ проведеніи ихъ въ жизнь; на самомъ же дѣлѣ, въ провинціи, напримѣръ, вы видите рядомъ два города, на разстояніи какихъ-нибудь 200—300 верстъ, совершенно однородныя по личному составу редакціи, а общности, даже шапочнаго знакомства — никакихъ. Далѣе. Замѣчали-ли вы когда-нибудь, чтобы одно изданіе во-время и широко поддержало другое въ выдвинутомъ вопросѣ о насущной нуждѣ даннаго момента или раіона? Нѣтъ. Развѣ мы умѣемъ открывать огонь сразу по всей боевой линіи, предварительно столковавшись другъ съ другомъ? Развѣ мы считаемъ своимъ долгомъ под-

крѣпить имѣющимися у насъ фактами положенія, выдвинутыя другой газетой? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Скажутъ: а «сторонніе» обстоятельства? Да я говорю о случаяхъ внѣ предѣловъ власти этихъ обстоятельствъ... А, вѣдь, можно сблизиться и изданіямъ, и это не такъ трудно. Что можетъ быть проще, ну, хотя бы совѣщаніи редакторовъ и членовъ редакціи даннаго района въ одномъ изъ его городовъ? Нужно и страницы изданія отводить подъ обсужденіе своихъ литературныхъ нуждъ и интересовъ—читатель будетъ радъ этому, потому что понимаетъ законность и необходимость такого обсужденія. Жизнь журналистики его всегда интересуетъ, иногда волнуетъ.

Особенно горько чувствуется наша разбитость, когда она является причиной фактовъ, далеко, къ счастью, неодобрительно принимающихся обществомъ. Взять хотя-бы недавніи юбилеи великаго писателя земли русской». При всемъ желаніи объяснить ту роль, которую заняла въ немъ печать, независящими отъ нея обстоятельствами, все-таки, нельзя не сказать, что мы были далеко не на высотѣ своего положенія и какъ члены общества, и какъ образованные люди, и какъ товарищи по общему дѣлу съ великимъ юбиляромъ. Что мы сдѣлали, какъ корпорація?! А могли, вѣдь, сдѣлать!...

И вотъ въ такіе-то моменты горько чувствуется въ глубинѣ наболѣвшаго нутра недостатокъ связи и общности, конечно, въ предѣлахъ однородности элементовъ, безъ всякой примѣси шакаловъ, львовъ и леопардовъ...

XVI.

Если читатель помнитъ, главными причинами наличности тѣхъ органовъ и журналистовъ, которые прошли передъ нимъ въ предыдущихъ главахъ, и тѣхъ условіи, которыя создаютъ нѣкоторыя ненормальности въ жизни періодической печати—я

считаю современное юридическое положеніе послѣдней и хозяйничаніе коммерсанта-издателя.

Что касается первой причины, то, становясь на точку зрѣнія практическую, я совершенно отказываюсь ожидать—мечтать можно, пока это никому не возбраняется—какихъ бы то ни было серьезныхъ и, главное, болѣе или менѣе скорыхъ измѣненій къ лучшему въ нашемъ правовомъ укладѣ. Во всякомъ случаѣ, устраненіе этой причины внѣ нашей компетенціи. Намъ предоставляется только принять то, что будетъ дано.

Гораздо, по моему, легче борьба съ Иваномъ Непомнящимъ и его присными, борьба съ людьми, стремящимся стать твердой ногой въ журналистикѣ и внести въ нее дезорганизацію, возможно полное порабощеніе ея работниковъ, преимущественно подавляя ихъ матеріально.

Изъ всего того, что мнѣ удалось вынести изъ наблюденій и частью изъ собственнаго опыта, я съ увѣренностью скажу, что борьба съ коммерсантомъ-издателемъ и необходима, и возможна. Насколько я знаю, это убѣжденіе раздѣляется почти всѣми газетными работниками, перенесшими на своей спинѣ тяжесть современнаго положенія вещей.

Прежде всего журналисты должны проникнуться твердымъ убѣжденіемъ, что и они—хозяева изданій, что послѣднія дѣло преимущественно ихъ рукъ, а потомъ уже издателей. Если издатель даетъ средства на изданіе, т.-е., предоставляетъ извѣстной группѣ лицъ возможность посильно послужить обществу, то, несомнѣнно, обѣ стороны—хозяева дѣла, его созидатели. Каждый журналистъ вкладываетъ въ изданіе нѣчто такое, что, не учитываясь въ графахъ бухгалтерской книги, создаетъ, однако, самое дѣло. Хорошо поставленное изданіе немыслимо именно безъ данныхъ сотрудниковъ, а они-то, такъ сказать, и есть самое изданіе, если на него не смотрѣть какъ только на листъ бумаги. Все это, по-моему, даетъ право, больше — *обязываетъ* журналистовъ сплотиться и урегулировать, оформить самую обстановку своей работы.

Для этого нуженъ точный письменный договоръ, который бы исключалъ самую возможность современной неопредѣлен-

ности и неустойчивости положенія обѣихъ сторонъ. И журналисты, и издатели, особенно первые, только тогда почувствуютъ себя тверже, когда будутъ гарантированы отъ массы случайностей, коренящихся въ волѣ противоположной стороны. Дайте журналисту литературную отъ издателя свободу, дайте увѣренность не только въ завтрашнемъ днѣ, но и въ матеріальныхъ средствахъ ближайшаго будущаго, обезпечьте его на случай болѣзни, гарантируйте вакаціонный отдыхъ, сдѣлайте еще кое-что-и тогда, несомнѣнно, тѣ, которые работаютъ сейчасъ, будутъ чувствовать себя въ дѣлѣ увѣреннѣе и бодрѣй; тѣ же которые не вошли въ ряды присяжныхъ журналистовъ только благодаря современному неустойчивому ихъ положенію, частью войдутъ. Говорю «частью» потому, что, разумѣется, самое отсутствіе свободы печати создаетъ громадную неустойчивость, случайность, висящую надъ всѣми остальными. Съ другой стороны — гарантируйте издателю прочность изданія въ смыслѣ литературно-общественномъ, раціональность дѣлаемыхъ имъ расходовъ, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и т. д.—поставленный въ необходимость оформить свои отношенія къ журналистамъ, онъ, можетъ быть, сначала и станетъ избѣгать договора, но, видя сплоченность нужныхъ ему людей—удовлетворитъ ихъ справедливыя требованія.

Издатель-интеллигентъ и теперь часто готовъ оформить свои болѣе или менѣе нормальныя обязательства къ редакціямъ и если не дѣлаетъ этого, то просто потому, что не «заведено». Издатель неинтеллигентный, но и не Иванъ Непомнящій, готовъ будетъ пойти на подписаніе договора, если увидитъ, что журналисты своимъ единеніемъ не грозятъ его капиталамъ. Культурный коммерсантъ поймете и самъ, что договоръ ничѣмъ ему не грозитъ. Что же касается Ивановъ Непомнящихъ, то урегулированіе ихъ взаимныхъ отношеній съ Подхалимовыми не входитъ, по-моему, въ задачу лучшей части журналистики. Въ клоакѣ и отношенія всегда будутъ соотвѣтствующія. Тутъ нужно нѣчто другое.

Только что сказанное нуждается въ поясненіяхъ. Я уже предвижу возраженія по существу. «Зачѣмъ, скажутъ, договоръ

съ издателемъ-интеллигентомъ, хорошо понимающимъ свои отношенія къ сотрудникамъ и всегда ихъ выполняющимъ? Если вы не надѣетесь на выполненіе издателемъ какихъ бы то ни было его словесныхъ обязательствъ, то, очевидно, это — человѣкъ, съ которымъ журналисту дѣлать нечего»...

По-моему, въ основѣ этихъ и подобныхъ взглядовъ лежитъ прежде всего некультурное отношеніе къ самому юридическому понятію договора. Между лицами, вступающими въ тѣ или иныя правоотношенія, немыслимо предполагать то, что не предполагается въ человѣкѣ вообще: абсолютную неспособность нарушать свои обязательства, частично ихъ не выполнять или злоупотреблять своими правами. Все это не можетъ не происходить въ обыкновенной жизни. Далѣе, отношенія редактора и сотрудниковъ къ издателю требуютъ, по-моему, такой детальной регламентаціи, что нѣтъ никакой физической возможности устно изложить всѣ пункты договора точно и полно и затѣмъ помнить ихъ въ той именно формѣ обѣимъ сторонамъ. Каждый понимаетъ, что это — чушь. Ну, а разъ договору будетъ дана письменная форма, нѣтъ никакого основанія не имѣть ея обѣимъ сторонамъ съ подписью противоположной. Я уже не говорю о тѣхъ случаяхъ, когда, казалось бы, вполнѣ интеллигентные издатели поражали сотрудниковъ нѣкоторыми выходками, заставлявшими сожалѣть о ихъ щепетильности. На письменный договоръ слѣдуетъ смотрѣть самыми обыкновенными глазами, не дѣлая изъ него какого-то жупела. Дѣло, которое стоитъ въ центрѣ договора журналиста съ издателемъ, настолько велико и значительно, что не можетъ не требовать весьма бережнаго къ себѣ отношенія.

Исходя именно изъ такого толкованія и пониманія взаимоотношенія людей, связанныхъ тѣми или другими обязательствами, я и считаю, что письменный договоръ необходимъ со всѣми издателями. Издатель-интеллигентъ не можетъ служить исключеніемъ. Если я имѣю даже полное основаніе предполагать, что онъ, какъ отдѣльное лицо, будетъ всегда точно выполнять свои обязательства, а у него есть подобное же убѣжденіе относительно меня, то и это не устраняетъ необходимости имѣть письменный договоръ. Бо̀льшая точность и опредѣлен-

ность въ отношеніяхъ людей, никогда не можетъ быть лишнею, а наоборотъ, всегда желательна.

Что касается издателя непнтеллигентнаго, то съ нимъ договоръ, конечно, еще болѣе необходимъ, уже прямо, какъ сдержка хозяйскаго «ндрава». Говорятъ, съ такими людьми не надо и работать. Да развѣ хорошій журналистъ съ ними *работаетъ?* Развѣ онъ договоромъ какъ разъ не уничтожаетъ всякую совмѣстную работу? Съ такимъ издателемъ можно стоять только въ чисто денежныхъ отношеніяхъ.

Ты хочешь имѣть хорошую прибыль съ газеты—предпріятія? Изволь. Чѣмъ лучше ты оплатишь трудъ сотрудниковъ и ихъ обезпечишь, тѣмъ лучше они будутъ работать—конечно, безъ всякаго твоего вмѣшательства—и тѣмъ большій ты будешь имѣть доходъ. Намъ нужно нутро дѣла; договоромъ мы беремъ его у тебя, а доходы получи, они намъ ненужны, если оплаченъ нашъ трудъ».

Вотъ простая форма отношеній, въ которой ни абсолютно, ни тѣмъ менѣе относительно нѣтъ ничего компрометирующаго честнаго журналиста. Надо же понять, что капитализація журналистики, какъ отрасли промышленности, неизбѣжна. А разъ это такъ, все больше и больше будетъ расти процентъ людей, финансирующихъ отдѣльные органы ради полученія съ нихъ прибыли. Тутъ только, благодаря воздѣйствію честныхъ журналистовъ, общество получаетъ, такъ сказать, громадные проценты съ капитала, а послѣдній—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ примѣненій: онъ непосредственно вырабатываетъ культурность общества.

Не могу не вспомнить здѣсь еще разъ словъ Шелгунова въ цитированной уже статьѣ «о литературныхъ рабочихъ».

«Если какая-нибудь газета есть выраженіе мнѣній извѣстнаго слоя общества, или извѣстной кучки людей; если она должна служить проводникомъ въ массу понятій и убѣжденій извѣстнаго порядка, то отчего же литераторамъ этого круга не составить литературной ассоціаціи, не сжаться плотно въ

литературное товарищество, вмѣсто того, чтобы подчиняться и работать на одного редактора или издателя? Пусть подписи подъ статьями такихъ ассоціаціонныхъ изданій исчезнутъ, пусть всякая статья идетъ отъ журнала не какъ личное мнѣніе одного лица, а какъ мнѣніе людей извѣстнаго порядка. Ужъ это одно,—и особенно, если статьи будутъ проходить черезъ критику всей редакціи,—придастъ такую силу единства газетѣ или журналу, какая дѣйствительно нужна, чтобы журналъ достигалъ своей цѣли, и чего въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, за исключеніемъ развѣ одного-двухъ, рѣшительно не существуетъ [21].

Не со всѣмъ здѣсь можно согласиться, но нѣкоторыя мысли безусловно справедливы и по теперешнему вполнѣ цѣлесообразны.

Рекомендовать излѣченіе недуговъ, внесенныхъ въ журналистику коммерсантами-издателями, путемъ литературныхъ ассоціацій конечно, ни приходится. Врядъ-ли ни поэтому покойный Николай Васильевичъ и не включилъ цитируемую статью въ собраніе своихъ сочиненій. Прожившъ послѣ того 30 лѣтъ, онъ конечно, и самъ понималъ, что ассоціація голодныхъ людей ничего ровно не даетъ, кромѣ развѣ суммарнаго голода. Большинство современныхъ журналистовъ живетъ изо-дня въ день тѣмъ, что въ него зарабатываетъ. Основывать же товарищество только на трудѣ нѣтъ нынѣ возможности, какъ потому, что нечѣмъ будетъ жить работникамъ-товарищамъ въ первое время такъ и потому, что для основанія прочнаго изданія безусловно необходимы и притомъ наличныя деньги.

Но за всѣмъ тѣмъ, въ приведенной цитатѣ есть одна совершенно неустарѣвшая мысль,—мысль, которую приходится часто слагать каждому честному журналисту въ минуты серьезнаго анализа окружающаго. Это—коллективная спайка работниковъ въ редакціи. Пока, какъ я уже и говорилъ, ее у насъ почти нѣтъ, а вѣдь, она обѣщаетъ очень многое. Дѣйствительно, редакція органа, предназначеннаго быть истиннымъ культурнымъ центромъ, истиннымъ выраженіемъ обществен-

[21] «Современникъ», 1861 г., X, 210.

раго мнѣнія, должна походить на химическое, а не физическое, механическое соединеніе. Это и только это даетъ силу журналистикѣ, а, слѣдовательно, и обществу.

. . . . . .

Прежде, чѣмъ привести самые договоры, замѣчу, что, какъ не спеціалистъ-юристъ, я не обратилъ особеннаго вниманія на ихъ кодификацію. Моя цѣль—набросать лишь тѣ пункты, которые, въ той или иной формѣ, должны войти въ обработанные договоры, чтобъ они дѣйствительно были болѣе или менѣе полны. Повторяю, я и не разсчитываю, что они въ точно такомъ видѣ будутъ подписываться обѣими сторонами. Я только намѣчаю необходимое, по моему мнѣнію; изъ изложенія нѣкоторыхъ пунктовъ это особенно ясно. Несомнѣнно, къ представляемымъ ниже договорамъ нужно приложить руку опытныхъ цивилистовъ, хорошо знакомыхъ съ основными условіями жизни журналистики, нужно детально обсудить ихъ и въ литературѣ.

Насколько можно было, я постарался ознакомиться съ существующими въ различныхъ редакціяхъ договорами, но всѣ они гораздо менѣе полны и, главное, литературны: сплошь и рядомъ это лишь условіе о срокѣ, жалованьѣ и гонорарѣ. Въ «Союзѣ» писателей была избрана особая коммиссія для выработки нормальнаго договора журналистовъ съ издателями, но, къ сожалѣнію, ея первые шаги совпали съ послѣдними днями «Союза», и, какъ я узналъ, этой работой совершенно нельзя воспользоваться для моей цѣли,—такъ она незначительна.

Наконецъ, не могу не сказать и того, что, конечно, въ сущности, въ виду несоотвѣтствія формы моихъ проектовъ узаконенной формѣ договора, они должны бы быть названы какъ-нибудь иначе, но, я думаю, слово «договоръ» довольно полно выражаетъ ихъ содержаніе и потому не составляетъ большой ошибки.

Говорю все это, чтобы не быть обвиненнымъ въ плохой кодификаціи. Моя цѣль—намѣтить вопросы съ *литературной* точки зрѣнія, разумѣется, при условіи соотвѣтствія ея точкѣ зрѣнія юридической.

Договоръ фактическаго издателя съ фактическимъ редакторомъ.

1. Срокъ настоящаго договора долженъ быть не менѣе двух лѣтъ, кончаясь въ періодъ времени съ 1 августа по 1 октябр какого-либо года.

2. Редакторъ обязанъ: точно выполнять программу издані стараясь каждый его отдѣлъ поставить на надлежещую вы соту; тщательно редактировать все содержаніе изданія еже номерно; точно соблюдать всѣ требованія закона и глав наго управленія по дѣламъ печати, предъявляемыя къ изда телю; не выходить въ теченіе смѣтнаго года изъ предѣлов смѣты безъ разрѣшенія издателя; выпускать номера въ опре дѣленный часъ, если этому не будутъ препятствовать экстра ординарныя обстоятельства; выпускать номера нормальна типа (см. § 13 настоящаго договора) во всѣ дни года, за и ключеніемъ *такихъ-то;* доводить до свѣдѣнія издателя о свое болѣзни и отлучкахъ изъ города, когда редактированіе изда нія будетъ поручаться замѣстителю; доводить до свѣдѣнія из дателя о распоряженіяхъ администраціи по дѣламъ изданія.

3. Денежная по суду отвѣтственность издателя за нарушен устава о цензурѣ и печати и ст. ст. 1024, 1028, 1029, 103 1033 и 1035 уложенія о наказ. фактически падаетъ на реда тора, если для доказательства своей невиновности онъ не пре ставитъ коллегіи редакціи [22]) письменнаго согласія обвиненна на сдѣланное имъ нарушеніе.

4. Въ случаѣ собственнаго желанія редактора оставить и даніе раньше истеченія договорнаго срока, основательно, п мнѣнію коллегіи, мотивированнаго, онъ обязанъ предупредит объ этомъ издателя не менѣе, чѣмъ за 4 мѣсяца до дня вы хода; въ противномъ случаѣ, уплачиваетъ издателю неустойк въ размѣрѣ полугодового своего жалованья.

---

[22]) Что я разумѣю подъ «коллегіей редакціи»; читатель увидитъ и главы XVII.

5. Издатель не имѣетъ права непосредственнаго вмѣшательства въ дѣятельность редактора и сотрудниковъ изданія.

6. Удаленіе и приглашеніе сотрудниковъ вообще не зависитъ отъ издателя.

7. Безъ согласія коллегіи издатель не можетъ ходатайствовать объ утвержденіи его редакторомъ-издателемъ и объ утвержденіи офиціальныхъ редактора или издателя.

8. Приглашеніе офиціальнаго редактора не можетъ быть сдѣлано издателемъ безъ согласія коллегіи; въ случаѣ требованія послѣдней удалить офиціальнаго редактора, издатель долженъ немедленно подать прошеніе объ утвержденіи въ этомъ званіи другого (см. § 30 коллегіальнаго договора въ главѣ XVII).

9. Договоры издателя съ офиціальными редакторомъ и издателемъ должны быть извѣстны коллегіи, а проекты новыхъ — безъ ея согласія не могутъ считаться утвержденными.

10. Въ договорахъ издателя съ членами редакціи всякія отступленія могутъ быть дѣлаемы только съ согласія коллегіи.

11. Всякія сокращенія и перемѣщенія въ дѣйствующей смѣтѣ въ теченіе смѣтнаго же года производятся издателемъ только съ согласія коллегіи, а вступаютъ въ силу не раньше, какъ черезъ 4 мѣсяца со дня своего утвержденія.

12. Перемѣны издателемъ: сорта и величины газетной бумаги, цвѣта типографской краски, шрифтовъ литературнаго текста, ширины столбцовъ, гонорарной таксы, цѣны, программы и названія изданія и редакціоннаго помѣщенія могутъ дѣлаться издателемъ только съ согласія коллегіи.

13. Каждый полный номеръ изданія долженъ содержать не менѣе . . . . . строкъ литературнаго текста по . . . . . буквъ корпуса. Поэтому требованія редактора о выдачѣ въ типографію дополнительнаго до нормы количества бумаги издателемъ должно быть удовлетворено.

14. Въ случаѣ необходимости, по мнѣнію редактора, выпустить номеръ бо́льшаго по количеству текста размѣра, окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляется издателю.

15. Издатель обязанъ сообщать редактору о содержаніи всѣхъ своихъ бесѣдъ съ администраціей и цензурой, когда во

время ихъ были выслушаны какія-либо замѣчанія или приказанія по поводу содержанія изданія.

16. Лицу, завѣдующему конторой редакціи, издатель обязанъ дать писаную инструкцію: о точномъ выполненіи всѣхъ приказаній редактора или его замѣстителя по внутреннему распорядку конторы, касающемуся редакціи, о подачѣ редактору или его замѣстителю ежедневныхъ рапортичекъ съ указаніемъ полнаго и подробнаго прихода и расхода денежныхъ суммъ и номеровъ изданія, и т. п.

17. Корректора работаютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ редактора или его замѣстителя, безъ всякаго вмѣшательства издателя. Приглашеніе и удаленіе ихъ зависитъ отъ редактора.

18. Трудъ всѣхъ служащихъ въ типографіи и конторѣ редакціи издатель долженъ оплачивать не ниже, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ предпріятіяхъ, находящихся въ томъ же городѣ.

19. Издатель обязанъ немедленно исполнить требованіе редактора о перемѣнѣ редакціонной прислуги.

20. Въ случаѣ выхода всей редакціи, благодаря воздѣйствію издателя (см. §§ 32 и 33 коллегіальнаго договора), издатель обязанъ помѣстить въ непосредственно слѣдующемъ за этимъ номерѣ заявленіе вышедшихъ, не дѣлая въ немъ никакихъ поправокъ, сокращеній или измѣненій; исключеніе — явное нарушеніе заявленіемъ законовъ о печати.

21. Вся корреспонденція на имя «редактора» или «редакціи» поступаетъ непосредственно въ редакцію и вскрывается только редакторомъ или его замѣстителемъ.

22. Когда редактора замѣщаетъ одинъ изъ членовъ редакціи, издатель обязанъ и передъ нимъ выполнять точно свои обязательства, указанныя въ §§ 5, 13, 15, 17, 19, 21, 27.

23. Редактору издатель платитъ ежемѣсячно жалованье въ размѣрѣ . . . . . рублей, а за самостоятельные фельетоны, статьи и замѣтки—построчный гонораръ не ниже . . . . копеекъ за строку, но не выше въ общей сложности ежемѣсячно . . . . рублей.

24. Жалованье редактору и сотрудникамъ издатель долженъ выдавать не рѣже раза въ мѣсяцъ и при томъ не позже . . . числа каждаго мѣсяца. Гонораръ имъ онъ уплачиваетъ не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ и при томъ не позже . . . . . чиселъ. Въ случаѣ невозможности для издателя произвести уплату денегъ въ положенный срокъ, онъ долженъ предупредить объ этомъ редактора не позже, какъ за 3 дня до срока очередного платежа, и одновременно назначить другой срокъ не позже пяти дней послѣ пропускаемаго дня.

25. Выдачу гонорара иногороднимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ издатель долженъ производить въ заранѣе опредѣленныя числа, не рѣже раза въ мѣсяцъ. О невозможности произвести уплату въ срокъ издатель обязанъ сообщить авторамъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы сообщеніе было получено ими не позже, какъ за три дня до срока отмѣняемаго платежа. Въ сообщеніи долженъ быть указанъ точный срокъ отсрочки.

26. Въ теченіе года редакторъ имѣетъ право на полное освобожденіе отъ работы съ сохраненіемъ жалованья въ продолженіе полуторыхъ мѣсяцевъ, но при условіи замѣщенія себя членомъ редакціи безъ доплаты послѣднему со стороны издателя.

27. Въ случаѣ требованія редактора себѣ или сотруднику аванса, издатель обязанъ удовлетворить его, если: а) общая сумма выданныхъ уже авансовъ за текущее полугодіе не превышаетъ . . . . . рублей и б) непогашенный авансъ каждаго въ отдѣльности, вмѣстѣ съ вновь просимымъ, не превышаетъ . . . . $^0/_0{}^0/_0$ получаемаго имъ годового жалованья.

28. Въ случаѣ желанія издателя продать изданіе или сдать его въ аренду, онъ обязанъ предложить сначала то и другое коллегіи, при отказѣ же всѣхъ ея членовъ—предупредить редактора до совершенія этихъ сдѣлокъ не менѣе, чѣмъ за 4 мѣсяца. Невыполненіе этихъ требованій влечетъ за собой уплату издателемъ неустойки въ размѣрѣ полугодового жалованья редактора.

29. Въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія по

собственному желанію издателя, онъ обязанъ уплатить редактору неустойку въ размѣрѣ полугодового его жалованья.

30. Въ случаѣ прекращенія изданія постановленіемъ суда или распоряженіемъ администраціи, издатель уплачиваетъ редактору неустойку въ размѣрѣ мѣсячнаго его содержанія, если получитъ на это согласіе коллегіи.

31. Въ случаѣ пріостановки изданія на срокъ не свыше 2 мѣсяцевъ, стороны не могутъ считать ее основаніемъ для нарушенія договора.

32. Въ случаѣ пріостановки изданія на срокъ свыше 2 мѣсяцевъ, издатель можетъ выразить редактору желаніе прекратить съ нимъ договорныя обязательства совершенно или до возобновленія изданія. Въ первомъ случаѣ, если коллегія будетъ согласна на полученіе редакторомъ вознагражденія, издатель уплачиваетъ ему единовременно двухмѣсячное жалованье; во второмъ—издатель уплачиваетъ редактору ежемѣсячно, впредь до возобновленія изданія, половинное жалованье.

33. Постановленіе коллегіи объ удовлетвореніи подписчиковъ, въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія, обязательно для издателя.

34. Въ случаѣ смерти редактора, наслѣдникамъ его или кому онъ раньше укажетъ издатель уплачиваетъ: двухмѣсячное жалованье, считая со дня смерти, если покойный работалъ въ изданіи въ качествѣ редактора въ общей сложности не менѣе года, четырехмѣсячное—двухъ лѣтъ, шестимѣсячное—трехъ лѣтъ и т. д.

35. Въ случаѣ серьезной болѣзни редактора, продолжающейся не свыше 4 мѣсяцевъ и препятствующей работѣ, издатель уплачиваетъ ему жалованье безостановочно, а къ жалованію его замѣстителя приплачиваетъ 50% жалованья редактора. Въ теченіе полугода со дня прекращенія редакторомъ работы, благодаря болѣзни, издатель обязанъ считать свой договоръ въ полной силѣ.

36. Въ случаѣ категорическаго требованія издателя, чтобы редакторъ оставилъ изданіе раньше истеченія договорнаго срока,

онъ уплачиваетъ редактору неустойку въ размѣрѣ полугодового его жалованья.

37. О нежеланіи заключить снова договоръ непосредственно по истеченіи срока настоящаго, стороны обязаны предупредить другъ друга не менѣе, чѣмъ за 4 мѣсяца до его окончанія, въ противномъ случаѣ отказавшаяся впослѣдствіи сторона уплачиваетъ другой неустойку въ размѣрѣ полугодового жалованья редактора.

38. Если общественное поведеніе издателя или редактора будетъ признано коллегіей несовмѣстимымъ съ достоинствомъ изданія, договоръ нарушается съ единовременной уплатой правой сторонѣ неустойки въ размѣрѣ полугодового жалованья редактора.

39. Въ случаѣ необходимости для одной изъ сторонъ, благодаря распоряженію администраціи, оставить городъ, гдѣ издается газета, на срокъ свыше 6 мѣсяцевъ, а для издателя—и прекратить, въ виду этого, изданіе—договоръ нарушается обѣими сторонами безъ неустойки.

40. Всѣ неустойки, взыскиваемыя какою-либо изъ сторонъ при условіи оставленія въ силѣ самаго договора, поступаютъ въ пользу: $^1/_3$ «Литературнаго Фонда», $^1/_3$ кассы взаимопомощи литераторовъ и $^1/_3$—служащихъ въ типографіи, печатающей изданіе, пропорціонально получаемому ими содержанію.

41. Всѣ получаемыя редакціей періодическія изданія поступаютъ въ собственность издателя: ежедневныя черезъ два мѣсяца со дня полученія, еженедѣльныя черезъ годъ, ежемѣсячныя и другія—черезъ два года. По требованію редактора и сотрудниковъ издатель обязанъ выдать ихъ для временнаго пользованія. Всѣ изданія, присылаемыя для отзыва, поступаютъ въ собственность рецензентовъ.

42. Если издатель получитъ полномочіе коллегіи явиться куда-нибудь въ качествѣ офиціальнаго представителя изданія, онъ обязанъ точно слѣдовать данной ему на этотъ счетъ инструкціи.

43. Редакторъ или его замѣститель въ правѣ снять каждое

объявленіе, по явному своему смыслу несовмѣстимое съ достоинствомъ изданія.

44. Минимальной цифрой годового бюджета изданія на весь срокъ настоящаго договора считается та, которая войдетъ въ смѣту перваго года работы новаго редактора. Смѣта заключается ежегодно съ 1 февраля одного года по 31 января слѣдующаго. А) Если издатель не найдетъ возможнымъ повысить указанную выше цифру на предстоящій смѣтный годъ, то сообщаетъ объ этомъ редактору не позже 5 января предсмѣтнаго года. Коллегія, на основаніи опыта предыдущихъ лѣтъ, дѣлаетъ въ старой смѣтѣ необходимыя перечисленія и перемѣщенія и къ 15 января представляетъ свой проектъ издателю. Послѣдній или утверждаетъ его къ 20 января или передаетъ къ этому сроку для вторичнаго пересмотра, указавъ точно основанія своего несогласія. Принимая ихъ во вниманіе, коллегія вновь представляетъ ему проектъ смѣты, который издатель долженъ утвердить къ 23 января, въ противномъ случаѣ редакторъ въ правѣ нарушить договоръ, считая этотъ случай аналогичнымъ указанному въ § 36. Б) Если издатель найдетъ возможнымъ повысить въ предстоящемъ смѣтномъ году договорную цифру бюджета, то сообщаетъ объ этомъ редактору не позже 5 января, указывая и тѣ статьи расхода, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало бы ввести или увеличить. Коллегія разсматриваетъ предложеніе издателя съ проектомъ редактора и къ 10 января вручаетъ издателю своей проектъ смѣты. 15 января издатель или утверждаетъ смѣту, или возвращаетъ ее коллегіи съ своими замѣчаніями. Во второмъ случаѣ послѣднія принимаются во вниманіе, проектъ пересматривается и въ окончательномъ видѣ возвращается издателю къ 20 января. Черезъ три дня издатель долженъ: или утвердить проектъ полностью или оговорить на немъ свое безусловное несогласіе съ нѣкоторыми предположеніями коллегіи. При такомъ частичномъ утвержденіи послѣднія вычеркиваются изъ смѣты, если не были въ дѣйствующей смѣтѣ, или сравниваются съ прошлогоднимъ. В) Если издатель найдетъ необходимымъ уменьшить минимальную, договорную, смѣту, то предупреждаетъ объ этомъ ре-

дактора не позже 1 января и, въ случаѣ несогласія коллегіи на проектируемое имъ уменьшеніе и выхода по этому редактора изъ изданія, поступаетъ какъ указано въ § 36.

45. Причиной нарушенія договора со стороны издателя можетъ служить перемѣна общественно-литературно-политическаго направленія изданія сравнительно съ тѣмъ, которое ясно выразилось въ первые же три мѣсяца работы редактора. Констатировать предполагаемую издателемъ перемѣну предоставляется третейскому суду изъ лицъ не причастныхъ къ изданію, но обязательно причастныхъ къ журналистикѣ. Составленный, на основаніи указаній § 29 коллегіальнаго договора, судъ чести сообщаетъ свое рѣшеніе коллегіи, редактору и издателю. Въ случаѣ, если оно неблагопріятно для редактора, то, оставляя, по требованію издателя, газету, онъ не получаетъ отъ него никакого вознагражденія. Если же подозрѣнія издателя будутъ не только опровергнуты третейскимъ судомъ, но и признаны недобросовѣстными, редакторъ въ правѣ получить отъ издателя полугодовое свое жалованье и: или остаться въ изданіи, или выйти изъ него—то и другое обсуждаетъ и рѣшаетъ коллегія.

46. Несоблюденіе издателемъ своихъ обязательствъ, указанныхъ въ §§ 5—13, 15—25, 27, 33, 35, 40, 41 и 42, даетъ право редактору: или считать и себя свободнымъ отъ договора, или, оставаясь въ изданіи, взыскать съ издателя неустойку въ размѣрѣ своего четырехмѣсячнаго жалованья.

47. Несоблюденіе редакторомъ своихъ обязательствъ, указанныхъ въ §§ 2, 3, 13 и 41, даетъ право издателю: или считать и себя свободнымъ отъ договора или, не прерывая послѣдняго, взыскать съ редактора неустойку въ размѣрѣ его четырехмѣсячнаго жалованья.

Договоръ фактическаго издателя съ членомъ редакціи.

1. Срокъ настоящаго договора долженъ быть не менѣе года, кончаясь въ періодъ времени съ 1 августа по 1 октября какого-либо года.

2. Родъ работы члена редакціи съ точнымъ указаніемъ всѣхъ ея деталей по срокамъ, размѣрамъ и т. п.

4. Въ случаѣ собственнаго желанія члена редакціи оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, основательно, по мнѣнію коллегіи, мотивированнаго, онъ обязанъ предупредить объ этомъ издателя не менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ, до дня выхода, въ противномъ случаѣ, уплачиваетъ издателю неустойку въ размѣрѣ четырехмѣсячнаго своего жалованія.

5. Издатель не имѣетъ права непосредственнаго вмѣшательства въ дѣятельность члена редакціи.

6. Издатель не имѣетъ права удалить члена редакціи изъ изданія.

20. Въ случаѣ выхода изъ изданія члена редакціи на основаніи §§ 32 и 33 коллегіальнаго договора, издатель обязанъ помѣстить въ непосредственно слѣдующемъ за этимъ номерѣ заявленіе вышедшаго, не дѣлая въ немъ никакихъ поправокъ, сокращеній или измѣненій; исключеніе—явное нарушеніе заявленіемъ законовъ о печати.

22. Членъ редакціи, замѣщая редактора, обязанъ точно выполнять его обязательства передъ издателемъ, указанныя въ §§ 2, 13 и 41.

23. Члену редакціи издатель платитъ ежемѣсячное жалованье въ размѣрѣ . . . . рублей, а за самостоятельные фельетоны, статьи и замѣтки—построчный гонораръ не ниже . . . . коп. за строку и . . . . руб. въ общей сложности ежемѣсячно, если членъ редакціи выработалъ эту норму.

24. Жалованье члену редакціи издатель долженъ выдавать не рѣже раза въ мѣсяцъ и при томъ не позже . . . . числа каждаго мѣсяца. Гонораръ ему онъ уплачиваетъ не рѣже двухъ

разъ въ мѣсяцъ и при томъ не позже . . . . чиселъ. Въ случаѣ невозможности для издателя произвести уплату денегъ въ положенный срокъ, онъ долженъ предупредить объ этомъ члена редакціи не позже, какъ за три дня до срока очередного платежа, и одновременно назначить другой срокъ не позже пяти дней послѣ пропускаемаго дня.

26. Въ теченіе года членъ редакціи имѣетъ право на полное освобожденіе отъ работы съ сохраненіемъ жалованья въ продолженіе полуторныхъ мѣсяцевъ, но при условіи передачи своей работы другому лицу безъ доплаты послѣднему со стороны издателя.

28. Въ случаѣ желанія издателя продать изданіе или сдать его аренду, онъ обязанъ предложить сначала то и другое коллегіи, а въ случаѣ отказа всѣхъ ея членовъ — предупредить члена редакціи до совершенія этихъ сдѣлокъ не менѣе, чѣмъ за два мѣсяца. Невыполненіе этихъ требованій влечетъ за собой уплату издателемъ члену редакціи неустойки въ размѣрѣ трехмѣсячнаго его жалованья.

29. Въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія по собственному желанію издателя, онъ обязанъ уплатить члену редакціи единовременно мѣсячное жалованье, если получитъ на это согласіе коллегіи.

31. Въ случаѣ пріостановки изданія на срокъ не свыше 2 мѣсяцевъ, стороны не могутъ считать ее основаніемъ для нарушенія договора.

32. Въ случаѣ пріостановки изданія постановленіемъ суда или распоряженіемъ администраціи на срокъ свыше 2 мѣсяцевъ, издатель можетъ выразить члену редакціи желаніе прекратить съ нимъ договорныя обязательства совершенно или до возобновленія изданія. Въ первомъ случаѣ, если коллегія будетъ согласна на полученіе членомъ редакціи вознагражденія, издатель уплачиваетъ ему единовременно двухмѣсячное жалованье. Во-второмъ—издатель уплачиваетъ члену редакціи ежемѣсячно, впредь до возобновленія изданія, половинное жалованіе.

34. Въ случаѣ смерти члена редакціи, наслѣдникамъ его или кому онъ раньше укажетъ, издатель уплачиваетъ: мѣсяч-

ное жалованье, считая со дня смерти, если покойный работалъ въ изданіи въ общей сложности не менѣе года, двухмѣсячное—двухъ лѣтъ, трехмѣсячное—трехъ лѣтъ и т. д.

35. Въ случаѣ серьезной болѣзни члена редакціи, продолжающейся не свыше 2 мѣсяцевъ и препятствующей работѣ, издатель уплачиваетъ ему жалованіе безостановочно, а къ жалованью его замѣстителя приплачиваетъ 50% жалованья больного. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня прекращенія членомъ редакціи работы, благодаря болѣзни, издатель обязанъ считать настоящій договоръ въ силѣ.

36. Въ случаѣ выхода члена редакціи на основаніи §§ 32 и 33 коллегіальнаго договора, издатель обязанъ уплатить ему единовременно трехмѣсячное содержаніе.

37. О нежеланіи заключить снова договоръ непосредственно по истеченіи срока настоящаго, стороны обязаны предупредить другъ друга не менѣе, чѣмъ за 2 мѣсяца до его окончанія, въ противномъ случаѣ отказавшаяся впослѣдствіи сторона уплачиваетъ другой устойку въ размѣрѣ трехмѣсячнаго жалованья члена редакціи.

38. Если общественное поведеніе издателя или члена редакціи будетъ признано коллегіей несовмѣстимымъ съ достоинствомъ изданія, договоръ нарушается съ единовременной уплатой правой сторонѣ неустойки въ размѣрѣ трехмѣсячнаго жалованья члена редакціи.

39. Въ случаѣ необходимости для одной изъ сторонъ, благодаря распоряженію администраціи оставить городъ, гдѣ издается газета, на срокъ свыше 6 мѣсяцевъ, а для издателя—и прекратить, въ виду этого, изданіе, договоръ нарушается обѣими сторонами безъ неустойки.

40. Всѣ неустойки, взыскиваемыя какою-либо изъ сторонъ при условіи оставленія въ силѣ самаго договора, поступаютъ въ пользу: 1/3 «Литературнаго Фонда», 1/3 кассы взаимопомощи литераторовъ и 1/3—служащихъ въ типографіи, печатающей изданіе, пропорціонально получаемому ими содержанію.

45. Въ случаѣ выхода изъ изданія члена редакціи на основаніи 2-й части § 45, издатель уплачиваетъ ему неустойку въ размѣрѣ его трехмѣсячнаго жалованья.

46. Несоблюденіе издателемъ своихъ обязательствъ передъ членомъ редакціи, указанныхъ въ §§ 5, 20, 23, 24 и 40 даетъ право члену редакціи: или считать и себя свободнымъ отъ договора, или, оставаясь въ редакціи, взыскать съ издателя неустойку въ размѣрѣ своего двухмѣсячнаго жалованья.

47. Несоблюденіе членомъ редакціи своихъ обязательствъ, указанныхъ въ §§ 2 и 22, даетъ право издателю или считать и себя свободнымъ отъ договора, или, не порывая послѣдняго, взыскать съ члена редакціи неустойку въ размѣрѣ двухмѣсячнаго его жалованья.

48. Несоблюденіе издателемъ своихъ обязательствъ передъ коллегіей, указанныхъ въ § 15 коллегіальнаго договора и §§ 7, 8, 9, 10, 11, 12, 33, 42 и 44 влечетъ за собой уплату каждому изъ членовъ редакціи неустойки въ размѣрѣ его трехмѣсячнаго жалованья.

Теперь нѣкоторыя поясненія.

Къ § 1. Такой періодъ истеченія срока договора взятъ потому, что всякія перемѣны въ газетахъ въ большинствѣ случаевъ происходятъ съ осени, что бы къ началу будущаго года успѣть выяснить читателю свое новое направленіе, сдѣланныя существенныя улучшенія и т. д., поэтому, понятно, преимущественно въ это же время происходитъ и переходъ сотрудниковъ изъ одного изданія въ другое. Минимальная продолжительность договора основана на томъ соображеніи, что сплошь и рядомъ за годъ редакторъ не успѣваетъ осуществить все то, что считаетъ безусловно необходимымъ для приданія газетѣ извѣстныхъ качествъ. Отнимать энергію его работы неувѣренностью за будущій годъ, конечно, не въ видахъ журналистики.

3. Спросятъ, почему письменное? Да просто потому, что въ денежныхъ отношеніяхъ—а взысканія, по закону, доходятъ до 500 руб.—необходима документальность, избавляющая отъ ошибокъ памяти.

4. Основательной мотивировкой можетъ быть признано желаніе оставить дѣло по болѣзни, благодаря необходимости, по

семейнымъ и другимъ обстоятельствамъ, перемѣнить мѣсто жительства и т. п. Только коллегія можетъ быть здѣсь судьей между уходящимъ и издателемъ, потому что, какъ первый, она понимаетъ его внутреннія побужденія, какъ второй—охраняетъ интересы газеты.

5. Подъ устраненіемъ непосредственнаго вмѣшательства подразумѣвается гарантія редактора и сотрудниковъ отъ какихъ бы то ни было препятствій къ помѣщенію тѣхъ или другихъ статей и замѣтокъ, постановки «своего» матеріала и пр. Все это издатель можетъ провести только черезъ коллегію, какъ видно будетъ изъ главы XVII, а не единоличными приказаніями. Что касается упоминовенія именно здѣсь и дальше обязанностей издателя передъ сотрудниками, то дѣлается это для того, чтобы дать право редактору порвать договоръ при неисполненіи издателемъ своихъ обязательствъ передъ его товарищами.

9. Это важно, чтобъ знать, какъ оградить редакцію отъ послѣдствій неполнаго или неудовлетворительнаго соглашенія, могущаго породить всевозможныя случайности. Я не касаюсь нигдѣ подробно сущности этихъ договоровъ, потому что, съ одной стороны, они ясны сами по себѣ, съ другой—юридически нѣтъ никакой возможности вполнѣ гарантировать изданіе отъ произвола официальнаго редактора и издателя.

11. Разъ группа лицъ пошла работать при условіи извѣстной ширины постановки дѣла, то, очевидно, ставить ее неожиданно въ другія, суженныя рамки дѣятельности и при томъ безъ ея на то согласія, несправедливо. Но и при согласіи нужно дать такой срокъ, который бы позволилъ сдѣлать переходъ на уменьшенные расходы болѣе или менѣе послѣдовательно.

12. Сортъ бумаги, цвѣтъ краски и форма шрифта—эти сравнительныя мелочи, все-таки, нуждаются въ извѣстной нормировкѣ, потому что читатель въ правѣ требовать, чтобы и то, и другое, и третье удовлетворяли нормамъ гигіены. Вѣдь, есть же газеты, печатающіяся чуть-ли не на папиросной бумагѣ, синей краской, фигурными или избитыми шрифтами. Опредѣленный размѣръ послѣдняго и ширина столбцовъ, кромѣ стороны гигіенической, важны еще и для справедливой оплаты

работы сотрудниковъ. Ширина столбцовъ русскихъ газетъ крайне разнообразна, колеблясь отъ 22 до 46 буквъ, а между тѣмъ вездѣ «строчка», а не число въ ней очковъ, служитъ единицею измѣренія литературнаго заработка. Злоупотребленіямъ на этой почвѣ со стороны издателей пока полный просторъ. Программа изданія—очень существенный элементъ газеты, чтобы перемѣну ее можно было довѣрить всецѣло одному издателю. Цѣна и отчасти названіе газеты тоже — непослѣдніе факторы въ успѣхѣ ея распространенія и, слѣдовательно, проведенія извѣстныхъ идей въ массу, чтобы перемѣну ихъ производить безъ согласія редакціи, только и занятой именно этимъ проведеніемъ. Что же касается редакціоннаго помѣщенія, то эту мелочь важно оговорить потому, что довольно часто при выборѣ редакціонной квартиры издатели обращаютъ преимущественное вниманіе на бойкость пункта, часто совершенно забывая, что работа сотрудниковъ требуетъ извѣстныхъ санитарно-гигіеническихъ нормъ. Духота, копоть, смрадъ табачнаго дыма—вотъ часто аттрибуты редакціонныхъ комнатъ.

13. По большей части издатели очень рады уменьшенію литературнаго текста, благодаря наплыву объявленій, и если и выпускаютъ иногда добавочные листы, то совершенно не сообразуются съ тѣмъ минимумомъ чтенія, который ежедневно *долженъ* быть предоставленъ читателю. Не говорю уже о томъ что срочное объявленіе почти всегда и вездѣ предпочитается срочной статьѣ... Этотъ «порядокъ», разумѣется, крайне ненормаленъ и съ нимъ давно пора распрощаться, поставивъ дѣло вполнѣ добросовѣстно.

16. Инструкція избавляетъ редакцію отъ столкновеній съ конторой, очень частыхъ особенно тогда, когда послѣдняя слишкомъ ревностно «блюдетъ» хозяйскіе интересы.

18. Этотъ пунктъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Я знаю много случаевъ, когда редакціи не имѣли нравственнаго права написать двухъ словъ въ защиту какихъ бы то ни было эксплоатируемыхъ рабочихъ только потому, что понимали, что рабочіе ихъ издателя, эксплоатировавшіеся не меньше, если еще ни больше, всегда будутъ живымъ укоромъ плача о меньшомъ

братѣ. Это же среди типографскихъ и другихъ рабочихъ порождаетъ иногда осужденіе по адресу журналистовъ, которые не могутъ добиться справедливаго къ нимъ отношенія издателей.

20. Обыкновенно господа издатели стараются замолчать перемѣну редакціи, чтобы показать, что у нихъ все идетъ благополучно. Между тѣмъ, надо-ли говорить, что люди, бывшіе душою дѣла, имѣютъ не только безусловное право сообщить своимъ бывшимъ читателямъ о собственномъ выходѣ изъ изданія, но и—обязанность оградить ихъ отъ молчаливаго обмана по поводу ихъ сотрудничества. Всевозможныя «сглаживанія» заявленій сотрудниковъ кончаются тѣмъ, что читатели совершенно не понимаютъ истинныхъ причинъ выхода. А, вѣдь, это ихъ очень и очень касается: литературное дѣло—дѣло чисто общественное.

21. Борьба съ любопытствомъ издателей, доходящихъ иногда до распоряженія почтою по своему усмотрѣнію.

23. Въ этой области предстоитъ прежде всего вообще поднять уровень жалованья, а затѣмъ надо начать борьбу съ тенденціей многихъ издателей понижать его, чтобы побудить сотрудника давать побольше «строчки» и, слѣдовательно, заполнять изданіе тоже недорого, во всякомъ случаѣ, дешевле, чѣмъ силами людей постороннихъ. Но еще болѣе необходимо надѣть узду на тѣхъ издателей, которые обязываютъ сотрудниковъ за опредѣленное жалованье давать, кромѣ редакціонной работы, извѣстное минимальное количество строкъ; при небольшихъ, все-таки, окладахъ послѣднія оплачиваются по тарифу вдвое, а то и втрое меньшему принятаго въ томъ же изданіи. Получается наглѣйшая эксплоатація... Кстати, пора уничтожить еще сохранившійся кое-гдѣ порядокъ уплаты сотрудникамъ части жалованья «натурой» въ видѣ квартиры, стола и т. п... Редакторамъ приходится обусловить maximum построчнаго заработка въ виду случаевъ злоупотребленія ими своей властью и заполненія чуть ли не каждаго номера. Сотруднику, наоборотъ, необходимо гарантировать minimum—это, полагаю, понятно. Я бы сказалъ даже больше: при недостаточно высокомъ жалованьи издатель обязанъ оплатить гонораромъ

этотъ условленный minimum, если въ теченіе мѣсяца онъ былъ дѣйствительно выполненъ, *считая съ матеріаломъ, вычеркнутымъ цензурой*. Построчный гонораръ въ Россіи поразительно разнообразенъ: напримѣръ, за среднюю строку (35—37 буквъ) передовой статьи платится отъ $1^1/_2$ до 15 копеекъ, за переводы отъ $^1/_4$ до 5 коп., за беллетристику отъ 1 до 40 коп., за статьи подъ заглавіемъ отъ 1 до 15 коп. и т. д. Надо, наконецъ, установить minimum платы и ниже его уже не идти никому. Нельзя, разумѣется, усчитать, во что обходится строка самому журналисту: трудъ его связанъ съ массою неучитывающихся условій, но я по опыту могу сказать, что минимальный гонораръ за самостоятельныя работы не долженъ быть меньше 3 коп.—всѣ русскіе издатели вынесутъ его свободно, хотя и не безъ крокодиловыхъ иногда слезъ.

30. Въ виду крайне разнообразныхъ поводовъ къ карѣ, безусловно необходимо прежде всего коллегіально установить нравственную возможность для полученія отъ издателя единовременнаго вознагражденія за потерю работы.

38. Прошу запомнить, что именно «общественное» поведеніе; личная, семейная жизнь, пока она не на грани соприкосновенія съ общественной, конечно, не даетъ повода порицать человѣка, какъ члена общества, а, слѣдовательно, не можитъ служить причиной порыванія съ нимъ и общественныхъ отношеній. Но разъ редакторъ, сотрудникъ или издатель, именно какъ члены общества, нарушилъ справедливыя этическія требованія послѣдняго, съ ними дѣлать больше нечего. Журналисту не пристало вести органъ общественнаго мнѣнія на деньги человѣка, поставившаго себя внѣ общества, издателю—тѣмъ менѣе давать общественное мнѣніе въ руки необщественнаго человѣка.

40. Это, конечно, дѣлается для того, чтобы никто не могъ сказать, что именно данные журналисты вызываютъ издателя на невыполненіе его обязательствъ и затѣмъ живутъ на неустойки. Послѣднія безусловно необходимы, какъ кара, но поступать должны въ пользу людей и учрежденій особенно близкихъ журналистикѣ.

43. За послѣднее время въ области объявленій появился такой разнузданный американизмъ, который совершенно не долженъ имѣть мѣсто въ чистоплотныхъ изданіяхъ. Издатели, вѣрнѣе—конторы часто не обращаютъ на это соотвѣтствующаго вниманія, нужно, чтобъ обратили редакціи.

45. Говоря о направленіяхъ, я разумѣю, конечно, не только «лѣвое» и «правое», но и всѣ ихъ отвѣтвленія, которыя, какъ я уже указывалъ раньше, мы перестаемъ иногда различать. А если не страдать такимъ дальтонизмомъ, то, вѣроятно, читатели вспомнятъ за меня тѣ изданія, которыя вдругъ при томъ же редакторѣ, если не мѣняли фронтъ на тылъ, то такъ или иначе его поворачивали. Несомнѣнно, издатель въ правѣ возстать противъ такихъ маневровъ, потому что, приглашая даннаго редактора, имѣлъ въ виду и вполнѣ опредѣленное направленіе. Злоупотреблять этимъ правомъ, конечно, не будутъ: оно обставлено, слишкомъ серьезными послѣдствіями. Наконецъ, коллегія, а не редакторъ, рѣшаетъ, можно-ли ему оставаться, потому, что, во-первыхъ, само обвиненіе реедактора есть, собственно, обвиненіе коллегіи, а, во-вторыхъ, ей виднѣе интересы изданія, чѣмъ одному редактору.

Другіе постоянные сотрудники, не члены редакціи, тоже должны быть обезпечены договоромъ, но послѣдняго я не намѣчаю, полагая, что онъ будетъ довольно простъ сравнительно съ предыдущими.

XVII.

Но заключеніе такихъ письменныхъ договоровъ, по-моему, только половина дѣла, которое намъ необходимо предпринять для ограниченія произвола издателей. Остается другая, едва-ли менѣе значительная. Она же должна помочь едпненію журна-

листовъ, а съ другой стороны—до нѣкоторой степени урегулировать кое-какія стороны разнообразной газетной дѣятельности.

Для выработки необходимаго единенія, слѣдовательно, и мощи, единственной пригодной ячейкой мнѣ представляется редакція повременнаго изданія, какъ первое звено журналистовъ. Связь въ этихъ звеньяхъ кое-гдѣ уже существуетъ, но или въ недостаточно развитой формѣ, или съ уродливыми иногда проявленіями. Для этого редакція должна быть организована на строго коллегіальныхъ началахъ, чтобы каждый членъ ея чувствовалъ себя *органомъ*, а не *придаткомъ*, какъ теперь это часто бываетъ: чувствовалъ свою нравственную отвѣтственность за поведеніе изданія, свою нравственную обязанность передъ товарищами, свои, наконецъ, права въ изданіи по отношенію редактора и товарищей. Редакціонная коллегія это—общій для всѣхъ работниковъ совѣтчикъ, общій же и судья. Только такое начало выработаетъ въ журналистахъ прочную и тѣсную связь другъ съ другомъ, только оно и дастъ возможность широкой постановки дорогого дѣла, подниметъ печать въ глазахъ общества, оттѣнитъ погрязшія низины, сблизитъ читателя съ литературой, съ живой мыслью и словомъ.

Что я называю коллегіальностью, какія рамки отвожу руководителю изданія, редактору, и многое другое—все это будетъ довольно ясно видно ниже.

Кое-что похожее на коллегіальность есть въ нѣкоторыхъ газетахъ и теперь, но, во-первыхъ, не доведенное до логическаго конца, во-вторыхъ, недостаточно выработанное, именно опять-таки благодаря устности своего существованія. Кромѣ того, сейчасъ примѣняемая кое-гдѣ коллегіальность существуетъ только лишь въ случаѣ желанія редактора, съ его, такъ сказать, дозволенія...

Насколько коллегіальное начало раціонально и необходимо, указываетъ, между прочимъ, и исторія журналистики. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ «Голосѣ» отъ 8 октября 1865 года, помѣщено было слѣдующее объявленіе:

«Отъ редакціи «Русскаго Слова».

Во имя общественной пользы, экономической правды и до-

стоинства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной, объявляется: 1) издатель не считаетъ подписной суммы своей собственностью; 2) подписная сумма не должна расходоваться произвольно; 3) издатель, какъ повѣренный подписчиковъ, есть главноуправляющій конторою журнала; онъ обязанъ давать въ извѣстные сроки полный отчетъ во всѣхъ расходахъ по изданію; 4) отчеты эти должны печататься въ самомъ журналѣ за подписью издателя. На этихъ началахъ, которыя мы признаемъ справедливыми и полезными, будетъ издаваться «Русское Слово».

Г. Благосвѣтловъ, Н. Благовѣщенскій, В. Зайцевъ, Н. Соколовъ.

По этому поводу Зайцевъ писалъ Шелгунову: «нынче я, Соколовъ, и Д. И. (Писаревъ) заключили между собой тайный оборонительный союзъ, условія котораго состоятъ въ томъ, что управляющій конторою (Благосвѣтловъ) не можетъ исключить или удалить противъ воли никого изъ постоянныхъ сотрудниковъ, какими мы считаемъ себя, васъ и Благовѣщенскаго. Удаленіе одного влечетъ за собой немедленный выходъ остальныхъ (т.-е. изъ насъ троихъ пока)».

Въ виду дальнѣйшаго изложенія самаго существа коллегіальности, можетъ быть, небезполезно привести и слова по этому поводу изъ письма Шелгунова къ женѣ: «Я тоже вступлю въ этотъ союзъ, но только не понимаю, зачѣмъ онъ тайный; въ чистыхъ дѣлахъ незачѣмъ секреты; тѣмъ болѣе, что договоръ идетъ противъ Благосвѣтлова, то онъ, разумѣется, и долженъ знать о его содержаніи» [23]).

Въ иномъ видѣ коллегіальность была установлена въ «Московскомъ Вѣстникѣ», основаннomъ по иниціативѣ Пушкина. Первый пунктъ договора, подписаннаго Погодинымъ (1824 г.) гласилъ: «обязуюсь помѣщать статьи съ одобренія главныхъ сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневетинова, Рожалина, Мальцова и Соболевскаго по большинству голосовъ» [24]).

Другихъ примѣровъ приводить не буду.

---

[23]) *Л. Шелгунова*, «Изъ далекаго прошлаго».

[24]) *Н. Барсуковъ*, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. II.

Прежде чѣмъ познакомить съ той коллегіальностью, которая, по-моему, *въ своихъ основныхъ положеніяхъ* будетъ вполнѣ отвѣчать какъ нуждамъ, такъ и бытовымъ особенностямъ журналистики и ея отдѣльныхъ представителей—скажу нѣсколько словъ.

Если выше, рекомендуя договоры, я старался убѣдить читателя, что не вижу въ нихъ обязательной неприкосновенной формы, а лишь набрасываю необходимыя условія и требованія, то въ отношеніи коллегіальнаго договора это должно быть тѣмъ болѣе. Въ коллегіальномъ договорѣ участвуютъ, прежде всего, люди профессіонально однородные, не разъединенные какою бы то ни было классовою борьбой. Во-вторыхъ, при маломальски вдумчивомъ подборѣ членовъ редакціи, сразу отпадаетъ много обстоятельствъ, при иномъ порядкѣ побуждающихъ установить такъ или иначе ихъ нормальныя взаимоотношенія въ предѣлахъ, конечно, совмѣстной работы въ одномъ органѣ.

Но эти два соображенія могутъ стимулировать лишь къ меньшей регламентаціи, но отнюдь не уничтожаютъ ея необходимость, потому что, съ одной стороны, врядъ-ли можно въ дѣйствительности подобрать редакцію изъ людей, которые бы никогда не столкнулись впослѣдствіи на томъ или другомъ вопросѣ обыденной внутренней редакціонной жизни, гдѣ часто выступаетъ журналистъ, не какъ таковой, а какъ просто человѣкъ; съ другой—то, что я рекомендую, вовсе не обязательно отъ точки до точки, какъ непререкаемая форма. Если для извѣстнымъ образомъ подобранной редакціи одна часть условій коллегіальнаго договора будетъ прочно усвоенной азбукой, не требующей никакихъ новыхъ подтвержденій, а другая часть, по той же причинѣ, окажется совершенно излишней,—то это еще не будетъ значить, что непригодны *основныя начала* коллегіальности. Я ничего не ввожу въ качествѣ буквы и формы. Я выражаю только въ болѣе подробной формѣ параграфовъ все то, чѣмъ должны быть скованы взаимоотношенія людей, стоящихъ при такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ журнальное, въ особенности—газетное. Но такъ какъ это же самое дѣло несетъ въ себѣ еще

и элементъ живости, то, разумѣется, послѣдняя не можетъ быть сведена къ мертвой формѣ.

Я настаиваю лишь на сути, а не на формѣ. И насколько я успѣлъ ознакомиться со взглядами газетныхъ работниковъ, вижу, что необходимость разработки коллегіальнаго начала сознается вполнѣ. Въ мелочи пришлось вдаваться только для того, чтобы детальнѣе обусловить серьезность рекомендуемой мною коллегіальности. Никакого, на самомъ дѣлѣ, окончательнаго договора я не намѣчаю. Могу лишь утвердительно сказать, что въ зависимости отъ личнаго состава каждой редакціи въ отдѣльности будетъ зависѣть сохраненіе той или иной степени рекомендуемыхъ мною подробностей.

Коллегіальный договоръ именно въ той формѣ, въ которой онъ приводится ниже, разсчитанъ на редакцію, составленную изъ людей хотя и вполнѣ однородныхъ по направленію и коренным убѣжденіямъ, но мало знакомыхъ другъ съ другомъ. Поэтому понятно, что при большемъ знакомствѣ степень необходимости подробностей и деталей будетъ значительно убывать.

Еще одно замѣчаніе: въ коллегіальный договоръ вошли нѣкоторыя существенныя мелочи редакціонной техники. Сдѣлалъ я это для того, чтобы оттѣнить сознаніе ихъ необходимости среди товарищей.

1. Фактическій редакторъ и отвѣтственные сотрудники, такъ называемые «члены редакціи», составляя редакціонную коллегію, суть ея постоянные члены съ правомъ одинаковаго голоса. Во вновь возникающемъ изданіи или въ случаѣ выхода предшествующей редакціи изъ издававшейся газеты, коллегія составляется или приглашеннымъ сначала редакторомъ или издателемъ; въ послѣднемъ случаѣ она сама, согласно § 30, избираетъ редактора.

2. Въ коллегію не входятъ: секретарь редакціи, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не завѣдуетъ какимъ-нибудь постояннымъ самостоятельнымъ отдѣломъ, хроникеры, театральные и музы-

кальные рецензенты, иногородніе сотрудники и корреспонденты, репортеры и т. п.

3. Офиціальные редакторъ и издатель и фактическій издатель, если они не принимаютъ ближайшаго литературнаго участія въ изданіи въ качествѣ членовъ послѣдней, приглашаются въ совѣщанія коллегіи съ правомъ голоса при обсужденіи ею вопросовъ, указанныхъ въ п.п. *а*, *б*, *в*, *д*, *ж*, *з*, *и*, *й*, *к*, *р*, *ф*, *х*, *ц*, *ы*, § 12, §§ 14, 15, 19, 2-й ч. § 31.

4. Предсѣдателемъ совѣщаній коллегіи является фактическій редакторъ или его замѣститель.

5. Членъ коллегіи (не исключая редактора), дѣйствія котораго обсуждаются въ совѣщаніи, не можетъ въ немъ предсѣдательствовать.

6. Замѣстительство редактора членами редакціи слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ . . . . . (по постановленію коллегіи, впредь до перемѣнъ въ ея личномъ составѣ).

7. Членъ редакціи, замѣщающій отсутствующаго почему-либо редактора, обязанъ точно выполнять его обязательства передъ офиціальнымъ и фактическимъ издателями, офиціальнымъ редакторомъ и коллегіей, указанныя въ §§ 2 и 41 договора редактора и въ §§ 34, 35, 38, 39, 41, 42.

8. Не члены коллегіи на совѣщаніе допускаются по усмотрѣнію коллегіи (см. § 3).

9. Совѣщаніе созывается редакторомъ или по его собственному желанію, или по заявленію члена коллегіи (см. § 3); на его же обязанности лежитъ и оповѣщеніе членовъ.

10. Совѣщаніе не можетъ быть открыто, если заранѣе о немъ не освѣдомлены всѣ члены, находящіеся въ это время въ предѣлахъ города (см. § 3).

11. Въ извѣщеніи о совѣщаніи точно указываются: §§ стоящаго договора, служащіе мотивомъ для собранія, мѣсто и время.

12. Обсужденію коллегіи, кромѣ особо указаннаго ниже, подлежатъ: *а*) всѣ серьезные, по чьему-либо мнѣнію, моменты въ жизни изданія; *б*) приглашеніе и удаленіе членовъ коллегіи, секретаря редакціи, офиціальныхъ редактора и изда-

теля; *в*) желательность утвержденія фактическаго издателя редакторомъ-издателемъ; *г*) принятіе въ составъ коллегіи членовъ, раньше въ нее не входившихъ; *д*) проекты договора фактическаго издателя съ официальными редакторомъ и издателемъ; *е*) мнѣнія членовъ о неудовлетворительности работы своихъ товарищей по изданію; *ж*) перемѣна сорта и величины газетной бумаги, цвѣта типографской краски, шрифтовъ литературнаго текста и ширины столбцовъ; *з*) перемѣна названія, программы и цѣны газеты; *и*) литературное и общественное поведеніе ея членовъ, всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ, официальныхъ редактора и издателя и фактическаго издателя, если первое не соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ литературной этики, а второе—несовмѣстимо съ достоинствомъ изданія; *і*) всѣ, исключая чисто личныхъ, недоразумѣнія и конфликты редактора съ членами и послѣднихъ между собой; *й*) всѣ вопросы, касающіеся отношеній коллегіи или ея членовъ къ фактическому издателю; *к*) всѣ статьи, замѣтки, заявленія и объявленія редакціоннаго характера, *л*) формы «циркулярныхъ» писемъ отъ имени редакціи различнымъ редакціямъ, учрежденіямъ и лицамъ; *м*) привѣтственные отъ имени редакціи адреса, письма и телеграммы; *н*) привѣтственныя юбилейныя статьи и замѣтки; *о*) статьи и замѣтки о нуждахъ, интересахъ и злобахъ дня литературной корпораціи; *п*) статьи и замѣтки о свободѣ печати и состояніи цензуры; *р*) командировки сотрудниковъ по дѣламъ редакціи; *с*) всѣ измѣненія въ разъ принятомъ порядкѣ редакціонной работы вообще и каждаго изъ членовъ въ частности; *т*) программы для корреспондентовъ внутреннихъ и заграничныхъ; *у*) программы собраній внутреннихъ корреспондентовъ; *ф*) прошенія и жалобы въ главное управленіе по дѣламъ печати, прочія высшія административныя инстанціи и судъ; *х*) сокращенія дѣйствующей уже смѣты и ея опредѣленіе; *ц*) нравственная возможность полученія членами съ фактическаго издателя вознагражденія, въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія; *ч*) выборъ необходимыхъ для редакціи періодическихъ изданій, всевозможныхъ книгъ и пособій; *ш*) распредѣленіе времени отдыха на осно-

ваніи § 26 договора редактора и сотрудниковъ съ издателемъ; *щ*) расписаніе пріемныхъ въ редакціи часовъ; *ъ*) новая постоянная или временная рубрика въ содержаніи изданія и *ы*) измѣненія или дополненія настоящаго договора.

13. Для фактическаго издателя необязательны постановленія коллегіи по вопросамъ, указаннымъ въ п.п. *ж*, *з*, *х* § 12, если они сдѣланы ею по собственной иниціативѣ или въ его отсутствіе на основаніи § 19.

14. Коллегія утверждаетъ проекты договоровъ фактическаго издателя съ вновь вступающими сотрудниками, если они отличаются отъ формъ, приведенныхъ въ главѣ XVI. Измѣненія или дополненія ранѣе заключенныхъ членами редакціи договоровъ не могутъ быть сдѣланы безъ ея согласія.

15. Въ случаѣ прекращенія или пріостановки изданія, коллегія рѣшаетъ окончательный способъ справедливаго для обѣихъ сторонъ удовлетворенія подписчиковъ и публикаторовъ.

16. Если, въ случаѣ пріостановки изданія, издатель предложитъ всему составу редакціи перейти въ другое изданіе, имъ купленное или заарендованное (ст. 146 устава о цензурѣ и печати), предложеніе это предварительно обсуждается коллегіей.

17. Членъ редакціи не только можетъ, но ради пользы общаго для всѣхъ дѣла *обязанъ* заявлять коллегіи о каждомъ своемъ мнѣніи по поводу неудовлетворительности работы товарищей, не исключая и редактора.

18. Необходимость официальнаго представительства изданія кѣмъ-либо изъ членовъ коллегіи, официальными редакторомъ или издателемъ или фактическимъ издателемъ, каждый разъ особо обсуждается коллегіей. Если послѣдняя признаетъ нужнымъ дать уполномоченному особую инструкцію, онъ обязанъ выполнить ее точно.

19. Официальные редакторъ и издатель и фактическій издатель могутъ просить коллегію, черезъ ея предсѣдателя, разсмотрѣть тѣ или другіе вопросы, касающіеся изданія. Предсѣдатель доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія коллегіи, отъ рѣшенія которой и зависитъ удовлетвореніе такихъ просьбъ. Сдѣланныя въ подобныхъ случаяхъ постановленія обязательны

для каждаго обратившагося въ коллегію, если они не выходятъ за предѣлы компетенціи коллегіи, выясненные въ настоящемъ договорѣ.

20. Редакторъ или его замѣститель обязанъ немедленно сообщать коллегіи о содержаніи всѣхъ своихъ бесѣдъ съ администраціей и цензорами. Замѣститель вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно извѣщаетъ о томъ же и редактора.

21. Обсужденію совѣщанія подлежатъ только тѣ вопросы, которые были указаны въ извѣщеніи. Исключеніе—совѣщанія при наличности полнаго состава коллегіи (см. § 3).

22. При обсужденіи вопросовъ, указанныхъ въ § 6, пп. *б, в, г, д, з, и, т, у, х, ц, ы* § 12, § 14, 16, 30, 31, 44 и 45, постоянные члены коллегіи должны присутствовать въ полномъ своемъ составѣ. При обсужденіи вопросовъ, указанныхъ въ пп. *а, ж, і, й, с, ч, ш, щ* § 12, § 15, мнѣніе отсутствующихъ по болѣзни или за выѣздомъ изъ города (единственныя уважительныя причины отсутствія въ совѣщаніяхъ вообще) должно быть подано предсѣдателю письменно. При обсужденіи вопросовъ, указанныхъ въ пп. *е, к, л, м, н, о, п, р, ф, ъ* § 12, § 18, 19, 37 и 39, достаточно наличнаго состава присутствующихъ.

23. Когда коллегія приступаетъ къ баллотировкѣ постановленія, послѣ обсужденія недоразумѣній и конфликтовъ членовъ ея между собой, заинтересованныя стороны оставляютъ совѣщаніе, а если въ ихъ число входитъ и предсѣдательствующій, то онъ передаетъ предсѣдательствованіе согласно § 6. Исключеніе — конфликтъ всѣхъ членовъ съ редакторомъ; въ этомъ случаѣ совѣщаніе оставляетъ только послѣдній.

24. Приглашеніе въ составъ въ коллегіи новаго члена не можетъ быть поставлено на баллотировку, если онъ неизвѣстенъ большинству членовъ.

25. Всѣ баллотировки въ совѣщаніяхъ происходятъ открытою подачей голосовъ, кончая предсѣдателемъ.

26. Обыкновенно постановленія коллегіи дѣйствительны при простомъ большинствѣ голосовъ. При равенствѣ послѣднихъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Постановленія по вопросамъ, указаннымъ въ пп. *ж, і, к, р, с, ш* § 12, § 15 и 18, дѣй-

ствительны при двухъ третяхъ голосовъ, а въ § 6, пп. *б*, *в*, *г*, *д*, *з*, *и*, *х*, *ц*, *ы* § 12 § 14, 16, 30, 31, 37, 44 и 45—при трехъ четвертяхъ голосовъ — въ обоихъ случаяхъ примѣнительно къ § 22.

27. Въ отсутствіе редактора въ совѣщаніи, коллегія не можетъ дѣлать постановленій по вопросамъ, указаннымъ въ § 6, пп. *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *и*, *к*, *р*, *с*, *т*, *у*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, *ы* § 12, § 14, 15, 16, 31, 44 и 45. Въ этихъ случаяхъ, въ виду безусловной экстренности и необходимости, вызывается редакторъ, который и обязанъ прибыть безъ замедленій гдѣ бы онъ ни находился, въ случаѣ же болѣзни, при возможности, подать свой голосъ письменно. Чтобы вызвать редактора изъ отпуска или командировки, необходимо постановленіе $^3/_4$ присутствовавшихъ въ совѣщаніи. Въ отсутствіе фактическаго издателя изъ города или въ случаѣ его болѣзни, препятствующей прибытію въ совѣщаніе, вопросы, указанные въ пп. *а*, *б*, *д*, *ж*, *з*, *и*, *й*, *ы* § 12, § 14, 15 и 2-й части § 31, не рѣшаются окончательно.

28. Всякое постановленіе коллегіи, сдѣланное въ отсутствіе редактора изъ города, немедленно доводится до его свѣдѣнія и безъ полученія его согласія не вступаетъ въ силу. Въ случаѣ несогласія, редакторъ обязанъ не позже двухъ недѣль со дня полученія имъ увѣдомленія назначить вторичное по тому же вопросу совѣщаніе уже въ своемъ присутствіи.

29. Каждый членъ коллегіи, не исключая редактора, обязанъ подчиниться ея рѣшенію въ двухнедѣльный срокъ, если существо постановленія не требуетъ экстренности. Третейскому суду товарищей по литературѣ, но не по изданію, могутъ быть обжалованы только постановленія о недовольствѣ членовъ редакторомъ или объ удаленіи его или кого-либо изъ членовъ изъ изданія. Въ такомъ случаѣ, не позже двухъ недѣль со дня постановленія, каждая изъ сторонъ намѣчаетъ, безъ права отвода противоположной стороной, двухъ литераторовъ; послѣдніе вмѣстѣ выбираютъ по взаимному соглашенію, но съ правомъ отвода сторонами, предсѣдателя; судъ даетъ письменно свое рѣшеніе о справедливости постановленія коллегіи. Рѣше-

ніе суда чести, разумѣется, не подлежитъ обжалованію и должно быть обязательно для обѣихъ сторонъ.

30. Какъ только выходъ редактора, по какимъ бы то ни было причинамъ, кромѣ указанной въ § 32, станетъ извѣстнымъ коллегіи, она немедленно рѣшаетъ вопросъ о его постоянномъ замѣстителѣ и своихъ кандидатовъ представляетъ издателю. Въ случаѣ несогласія его на приглашеніе представляемыхъ коллегіею кандидатовъ и категорическаго рѣшенія поручить редактированіе газеты лицу, на вступленіе котораго съ свою среду коллегія не выразитъ согласія, она въ полномъ составѣ оставляетъ изданіе.

31. Рѣшенія коллегіи: *а*) объ удаленіи изъ редакціи не членовъ редакціи, корреспондентовъ, офиціальныхъ редактора и издателя или *б*) объ оставленіи своемъ фактическаго издателя на основаніи п. *и* § 12—могутъ быть обжалованы третейскому суду (см. § 29).

32. Въ случаѣ выхода редактора, благодаря воздѣйствію издателя, недовольнаго его дѣятельностью или отдѣльными шагами, одобренными въ свое время коллегіей, послѣдняя въ полномъ составѣ немедленно и одновременно оставляетъ изданіе.

33. Если, на основаніи § 45 договора редактора, послѣдній будетъ вынужденъ оставить изданіе, вся коллегія выходитъ вслѣдъ за нимъ въ полномъ составѣ, одновременно и тоже безъ всякаго вознагражденія со стороны издателя. Если же подозрѣнія издателя, указанныя въ § 45, не только будутъ опровергнуты судомъ чести, но и признаны недобросовѣстными, члены коллегіи въ правѣ оставить изданіе съ полученіемъ отъ издателя единовременно четырехмѣсячнаго своего жалованія. Право на полученіе послѣдняго они не теряютъ и въ случаѣ рѣшенія коллегіи остаться въ изданіи.

34. Въ случаѣ выхода изъ редакціи члена, редакторъ или его замѣститель обязанъ помѣстить въ непосредственно слѣдующемъ за этимъ номерѣ: *а*) письмо выходящаго съ извѣщеніемъ о самомъ фактѣ выхода—если послѣдній дѣлается по собственному желанію, безъ воздѣйствія коллегіи; *б*) журналъ

совѣщанія коллегіи въ точной копіи (по особому постановленію)—если выходъ есть слѣдствіе ея постановленія.

35. Редакторъ печатаетъ о выходѣ каждаго не члена редакціи, объявляя, по постановленію коллегіи, и причины выхода. Исключеніе—авторы и корреспонденты, работавшіе всегда подъ псевдонимомъ, въ виду нѣкоторыхъ условій своей нелитературной дѣятельности. Въ такомъ случаѣ вездѣ объявляется псевдонимъ.

36. Приглашеніе въ изданіе не членовъ редакціи зависитъ отъ редактора и завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ.

37. Оставляя временно свою работу, редакторъ сообщаетъ объ этомъ коллегіи и на совѣщаніи послѣдней передаетъ своему замѣстителю наиболѣе важныя дѣла. Замѣститель не можетъ передать редактированіе изданія другому безъ крайней необходимости и согласія коллегіи, а она должна, въ свою очередь, имѣть мнѣніе по этому поводу редактора.

38. Редакторъ не можетъ поставить что-либо въ номеръ помимо члена редакціи, завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ; работу члена редакціи редакторъ можетъ признать непригодной или требующей измѣненій.

39. Всякія измѣненія, поправки, сокращенія и дополненія въ работѣ членовъ редакціи дѣлаются редакторомъ съ ихъ согласія.

40. Въ случаѣ невозможности созвать экстренное совѣщаніе коллегіи (въ половинномъ составѣ), недоразумѣніе указанное въ §§ 38 и 39, рѣшается редакторомъ съ тѣмъ, чтобы не позже слѣдующаго дня оно было разсмотрѣно колегіей.

41. Всякій матеріалъ, сдаваемый въ наборъ редакторомъ и не относящійся къ какому-либо изъ выдѣленныхъ отъ него отдѣловъ, просматривается однимъ изъ членовъ редакціи, но не постоянно однимъ и тѣмъ же.

42. Весь матеріалъ, поступившій къ редактору и относящійся къ отдѣламъ членовъ редакціи, передается имъ для просмотра и перваго редактированія. Редакторъ не можетъ брать эту работу на себя безъ особаго каждый разъ согласія завѣдующихъ отдѣлами.

43. Какъ только принятіе или непринятіе какого-либо матеріала, принадлежащаго непосредственно членамъ редакціи, окончательно опредѣлилось, редакторъ или его замѣститель сообщаютъ объ этомъ секретарю редакціи для немедленнаго извѣщенія автора, если послѣдній просилъ отвѣта. Въ изданіяхъ подцензурныхъ о недозволеніи печатать автору сообщается во всякомъ случаѣ.

44. Въ случаѣ собственнаго желанія редактора оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, онъ обязанъ заявить объ этомъ коллегіи не менѣе чѣмъ за 4 мѣсяца до дня выхода. Коллегія обсуждаетъ основательность мотивировки такого желанія и, если признаетъ ее недостаточно серьезной, постановляетъ: предложить редактору выполнить свои обязательства до конца договорнаго съ издателемъ срока.

45. Въ случаѣ собственнаго желанія члена редакціи оставить изданіе раньше истеченія договорнаго срока, онъ обязанъ предупредить объ этомъ коллегію не позже чѣмъ за мѣсяцъ до дня выхода. Дальше см. предыдущій параграфъ.

46. Члены редакціи должны сдавать весь срочный литературный матеріалъ по своему отдѣлу въ часы и дни, указанные съ одобренія коллегіи, редакторомъ.

47. Завѣдующіе отдѣлами обязаны сообщать редактору свое окончательное заключеніе о пригодности или непригодности переданнаго имъ матеріала: беллетристики—не позже недѣли со дня полученія отъ редактора, фельетоновъ, статей и замѣтокъ всякаго рода—четырехъ дней, корреспонденцій—двухъ дней. Матеріалъ, помѣченный редакторомъ «срочно», долженъ быть возвращенъ въ окончательно просмотрѣнномъ видѣ не позже: статьи и фельетоны—слѣдующаго дня, замѣтки и корреспонденціи—того же дня.

48. Редакція не можетъ дѣлать поправки, сокращенія, измѣненія или дополненія въ текстѣ матеріала, если авторъ указываетъ на полную его неприкосновенность, какъ на непремѣнное условіе помѣщенія.

49. Членъ редакціи имѣетъ непосредственное наблюденіе и

руководство работой своихъ помощниковъ и представляетъ ее редактору всегда въ тщательно просмотрѣнномъ видѣ.

50. Каждый членъ редакціи, которому стало извѣстнымъ поведеніе не-члена, не совмѣстимое съ достоинствомъ изданія, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія редактора и соотвѣтствующаго члена редакціи.

51. Дежурство на выпускѣ номера входитъ въ обязанности членовъ редакціи по заранѣе установленной ими очереди.

52. Выпускающій номеръ долженъ строго и точно придерживаться требованій закона и циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати, предусматривающихъ случаи отвѣтственности редактора, издателя и владѣльца типографіи.

53. Въ случаѣ сверстки номера съ объявленіями, несовмѣстимыми съ достоинствомъ изданія, выпускающій номеръ обязанъ немедленно сообщить объ этомъ редактору или его замѣстителю.

54. При сверсткѣ номера выпускающій долженъ точно придерживаться того содержанія, которое спроектировано редакторомъ, и о невозможности поставить весь матеріалъ, помѣченный имъ, какъ обязательный, немедленно сообщаетъ редактору или его замѣстителю.

55. На обязанности выпускающаго номеръ лежитъ выпускъ послѣдняго въ заранѣе опредѣленный срокъ, если къ этому не встрѣтится какихъ-либо экстраординарныхъ препятствій, о которыхъ выпускающій немедленно сообщаетъ редактору или его замѣстителю.

56. Выпускающій номеръ подцензурнаго изданія не можетъ ставить туда статьи и пр., сокращенныя цензоромъ съ явнымъ, существеннымъ умаленіемъ ихъ содержательности. Въ такомъ случаѣ матеріалъ, по назначенію редактора необязательный, откладывается до слѣдующаго дня, а обязательный ставится только съ согласія редактора и: или автора, или завѣдующаго соотвѣтственнымъ отдѣломъ, если оно можетъ быть получено своевременно.

57. Выпускающій номеръ подцензурнаго изданія передаетъ редактору всѣ неразрѣшенныя цензоромъ, полностью или ча-

стично, гранки. Редакторъ долженъ показать ихъ членамъ редакціи, каждому по принадлежности.

58. Въ случаѣ полученія просьбъ: *а*) издателя относительно содержанія номера или редакціонныхъ объявленій и *б*) сотрудника относительно просмотрѣннаго уже редакторомъ матеріала—выпускающій не приводитъ ихъ въ исполненіе, не получивъ на то согласія редактора или его замѣстителя.

59. Каждый изъ членовъ редакціи можетъ дѣлать указанія секретарю редакціи, не выходя, однако, изъ предѣловъ своего отдѣла.

60. Ежегодно весной, лѣтомъ или осенью устраиваются періодическія собранія внутреннихъ корреспондентовъ, общія или пораіонныя. Въ отсутствіе редактора или завѣдующаго областнымъ (провинціальнымъ) отдѣломъ собранія не созываются. Члены редакціи присутствуютъ на этихъ собраніяхъ съ правомъ рѣшающаго голоса, всѣ остальные—совѣщательнаго.

61. Точные и своевременно исправляемые адреса всѣхъ сотрудниковъ изданія должны быть всегда у секретаря редакціи, а въ часы выпуска номера—и у выпускающаго.

Какъ видитъ читатель, издатель и здѣсь поставленъ въ строго опредѣленныя и при томъ сравнительно не широкія рамки. Сдѣлано это потому, что большинство издателей именно нуждается въ ограниченіи теперешнихъ его правъ. Но я первый же буду рекомендовать расширить поставленные выше предѣлы, имѣя дѣло съ человѣкомъ интеллигентнымъ, хорошо извѣстнымъ съ точки зрѣнія корректнаго отношенія къ журналистамъ-сотрудникамъ. Что же касается редактора, то врядъли можно говорить о томъ, что умалена его собственная инициатива. Наоборотъ, въ широкомъ общеніи съ товарищами она, по-моему, только выигрываетъ; проходя черезъ фильтръ коллегіальности, она очищается отъ самоуправства. Компетенція редактора поставлена въ такія условія, что, зная сущность газетной работы, никакъ нельзя сожалѣть, что онъ лишенъ самодержавія и поставленъ въ необходимость на личномъ при-

мѣрѣ испытывать громадное значеніе пословицы о преимуществѣ двухъ умовъ. Коллегіальность не исключаетъ редакторскаго руководительства, его вліянія на газету: она только не даетъ редактору власти все и вся рѣшать исключительно по своему собственному усмотрѣнію, совершенно не справляясь съ мнѣніями и желаніями тѣхъ людей, которые въ созданіи органа принимаютъ очень и очень близкое, чисто органическое участіе. Я самъ редактировалъ газеты и, все-таки, всецѣло поддерживаю всѣ сдѣланныя выше предложенія.

Сдѣлаю необходимые комментаріи.

Къ § 2. Подъ «секретаремъ редакціи» я подразумѣваю не то «вьючное животное», которое у насъ пока въ массѣ изданій изображаетъ несчастнѣйшій изъ несчастнѣйшихъ смертныхъ, называемый секретаремъ, а собственно письмоводителя, лицо, на обязанности котораго должны лежать: писаніе писемъ, пріемъ и регистрація почты и т. п. При маломальски сносной организаціи дѣла въ такомъ только секретарѣ и есть необходимость.

12. п. *б*. Надо ли говорить, что редакторъ единовластно не можетъ распоряжаться личнымъ составомъ редакціи, разъ члены послѣдней не придатки, а органы. Такое самодержавіе царитъ у насъ въ массѣ изданій и съ нимъ слѣдуетъ серьезно бороться. Секретарь редакціи человѣкъ слишкомъ хорошо знакомый со всѣми дѣлами, чтобы его тоже мѣнять по капризу господина самодержца.

пп. *к*, *л*, *м*, *н*. Опять-таки и здѣсь сплошь и рядомъ единовластвуетъ редакторъ, а подписывается-то все—«редакція». И какихъ только нѣкоторые редакторы ни выкидывали штукъ, благодаря лишь отсутствію въ подобныхъ случаяхъ коллегіальности...

17. Пожалуй, скажутъ, что это и такъ само собой разумѣется. Я же настаиваю на этомъ пунктѣ именно въ виду скрупулезной откровенности журналистовъ при личной устной оцѣнкѣ работы другъ друга. Всегдашняя «политичность» и «тонкая деликатность», господствующія въ этой области, просто возмутительны, особенно, когда это люди одного изданія.

18. Этотъ параграфъ введенъ въ виду многихъ случаевъ,

когда уполномоченные издатели перехватывали черезъ краі въ угодливости и расшаркиваніи и тѣмъ компрометировали изданія.

28. Въ жизни изданія нѣтъ вопроса или явленія, которые не были бы извѣстны редактору; поэтому, понятно, постановленіе, сдѣланное безъ него, не можетъ часто быть правильнымъ и войти въ силу; это — интересы самой коллегіи.

32. Коллективный выходъ—прекрасный пріемъ, практикуемый лучшими земскими статистиками. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще и яснѣе, если редакція жила до конфликта коллегіально. Вѣдь, послѣднее обстоятельство говоритъ совершенно ясно: всѣ болѣе или менѣе серьезные шаги предпринимались всѣми вмѣстѣ, а не однимъ редакторомъ, слѣдовательно, если издатель недоволенъ ими и хочетъ разстаться съ редакторомъ, то и никто изъ сотрудниковъ не можетъ остаться, иначе это значило бы отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній и рѣшеній и стать вдругъ на сторону издателя. Не говорю уже о томъ, что коллективный выходъ есть такая серьезная сдержка издательскаго «ндрава», которая ни разъ заставитъ одуматься теперешнихъ самодуровъ. Я знаю нѣсколько случаевъ, когда при выходѣ редактора подъ давленіемъ издателя и при томъ благодаря шагамъ, какъ разъ своевременно одобреннымъ товарищами, изъ среды послѣднихъ выдѣлялись вдругъ перебѣжчики, прежде всего спасавшіе собственную шкуру отъ грозящей безработицы. Впрочемъ, одни изъ нихъ преспокойно заявляли, что, вѣдь, имъ издатель доволенъ, другіе хлопотали о «бѣдныхъ наборщикахъ и рабочихъ, рисковавшихъ остаться на нѣкоторое время безъ куска хлѣба», третьи... третьи просто молчали... И такихъ случаевъ, обнаруживавшихъ, какъ мало у насъ товарищества, сравнительно много.

43. При существующей въ современныхъ редакціяхъ безалаберщинѣ и крайней небрежности въ отношеніяхъ къ чужому труду это, пожалуй, цѣлая революція.

47. Пожалуй, и это революція. Скажутъ: да когда же успѣть все это сдѣлать. Во-первыхъ, я же говорилъ объ увеличеніи личнаго состава редакціи; во-вторыхъ, не будемте, господа, кривить душой: мы ужасно тянемъ съ рукописями, просто по

манерѣ не торопиться; «подождетъ»—вотъ наше отношеніе къ авторамъ, а иногда—нечего и здѣсь грѣха таить—по нежеланію показать имъ, что ихъ трудъ стоитъ вниманія: «пусть, де, помнитъ, что у насъ и безъ него найдется, не заважничаетъ»... Кто посылалъ въ редакціи срочный матеріалъ, тотъ знаетъ, когда послѣдній появлялся сплошь и рядомъ въ газетѣ... Подумать же о волнующемся авторѣ, это—сентиментализмъ, отъ котораго очень далека большая часть редакціонныхъ работниковъ... Говоря все это, я, разумѣется, понимаю, что въ нѣкоторыхъ редакціяхъ медленность обусловливается недостаткомъ рабочихъ силъ, массою рукописей и т. п., но я говорю не о нихъ.

48. Дѣлаютъ, дѣлаютъ и дѣлаютъ, несмотря на усиленныя просьбы не дѣлать

51. Пора водворить этотъ порядокъ вездѣ и освободить другихъ вьючныхъ животныхъ, называемыхъ «помощниками редакторовъ», отъ ихъ египетскаго труда. Это не дѣйствительные помощники редакторовъ, не ихъ замѣстители, а что-то въ родѣ старшаго корректора (корректора они плохіе), люди часто съ крайне ограниченной литературной подготовкой. А, между тѣмъ, имъ ввѣряется такая серьезная работа, какъ окончательное составленіе номеровъ. Немудрено, что послѣдніе часто совершенно не удовлетворяютъ редакцію. Дежурство на выпускѣ номера только и можетъ нестись какъ слѣдуетъ членами редакціи, только тогда газета можетъ имѣть болѣе или менѣе соображенный планъ.

61. Это одна изъ тѣхъ мелочей, которыя, пожалуй, могли бы и не быть въ проектѣ редакціонной коллегіальности, но я рѣшилъ привести ее именно потому, чтобы подчеркнуть ненормальность современнаго положенія, когда въ редакціяхъ часто нѣтъ точныхъ адресовъ сотрудниковъ. А, вѣдь, принимая во вниманіе § 56, это неряшество иногда можетъ испортить не одинъ номеръ.

Вотъ, собственно, все, что я нашелъ нужнымъ сказать въ поясненіе коллегіальности, ясной, кажется, самой по себѣ. Я знаю, нѣкоторые будутъ не удовлетворены ею, не встрѣтивъ, напримѣръ, того, о чемъ упоминалось въ приведенномъ выше объявленіи благосвѣтловскаго «Русскаго Слова»—опубликованія матеріальныхъ дѣлъ изданія. При коллегіальномъ началѣ, конечно, не могли бы имѣть мѣсто дутыя цифры, только рекламирующія изданіе; но, если читатели помнятъ, я все время стараюсь стоять на почвѣ *практической*, а ставить теперь же опубликованіе бюджета, тиража и проч., по-моему, именно непрактично: надо сначала пріучить издателей къ тому, что, все-таки, полегче, а вѣдь это было бы серьезной революціей. Сейчасъ такое опубликованіе непремѣнно встрѣтило бы почти полное ихъ несочувствіе и только еще больше отшатнуло бы отъ оглобель, въ которыя имъ предстоитъ стать при маломальской настойчивости и энергіи журналистовъ. Пусть пройдетъ немного времени и тогда, конечно, въ не новый уже укладъ газетной жизни можно и должно будетъ ввести широкое начало гласности по отношенію къ тѣмъ средствамъ, которыя общество даетъ для веденія органа общественнаго мнѣнія. На томъ же основаніи я умолчалъ и о другомъ «революціонномъ» началѣ—участіи журналистовъ въ прибыляхъ съ изданія.

Этому всему время придетъ.

XVIII.

Теперь мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ сторонахъ внутреннеи редакціонной организаціи, о нѣкоторыхъ въ неи ненормальностяхъ, приносящихъ и журналистикѣ и дѣлу, которому она служитъ, немалыи вредъ.

Кто читалъ «Жизнь и труды М. П. Погодина», составленные г. Барсуковымъ, тотъ, можетъ быть, помнитъ что писалъ Погодину енисейскіи губернаторъ Степановъ, (отецъ извѣстнаго

каррикатуриста Н. А. Степанова) прикосновенный къ издававшемуся тогда «Московскому Вѣстнику». «Хотя мнѣ извѣстно— писалъ онъ еще въ 1827 г., что гг. журналисты поставили себѣ за правило не отвѣчать»... etc.

Теперь 1902 годъ, а мнѣ и очень многимъ, разумѣется, другимъ не менѣе извѣстно, что гг. журналисты не измѣнили своего правила, наоборотъ, допускаютъ исключенія изъ него еще рѣже. Казалось бы, это мелочь, но если принять во вниманіе бытовыя условія русской жизни вообще и условія литературной дѣятельности въ частности, то эта «мелочь» принимаетъ видъ существеннаго неудобства. Сношенія редакціи съ сотрудниками у насъ вообще очень и очень далеки отъ желательныхъ. Кто хоть разъ обращался съ чѣмъ-нибудь въ обыкновенную (не исключительную) редакцію газеты, тотъ хорошо знаетъ наши «порядки». Мало того, что вамъ совершенно не отвѣчаютъ; что ваши письма бросаются въ корзину полупрочитанными; что рукописи безслѣдно исчезаютъ; что ваши условія относительно сокращеній и измѣненій не ставятся часто ни въ грошъ, — но даже марки, которыя вы можете присылать безъ конца, не заставляютъ иногда хоть плюнуть на десятокъ вашихъ просьбъ дать какой-нибудь отвѣтъ. И, вѣдь, рѣдко кто требуетъ подробныхъ писемъ, просятъ обыкновенно только нѣсколькихъ словъ. Некогда возиться съ такимъ даже письмомъ,—сообщи печатно въ «отвѣтахъ редакціи». Но послѣдніе почему-то мало гдѣ заведены ради настоящей своей цѣли.

Я знаю случай, когда, прежде чѣмъ получить отвѣтъ редакціи большой богатой газеты, обставленной достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ, пришлось послать шесть писемъ, приложить на полтора рубля марокъ и дать двѣ телеграммы. Знаю другой, когда авторъ черезъ полтора года получилъ свою статью обратно, а въ ней трактовалось срочное событіе. Знаю нѣсколько случаевъ молчанія на телеграммы съ оплаченными отвѣтами. Знаю не мало другихъ, вполнѣ подтверждающихъ сдѣланныя выше обобщенія.

На это обыкновенно говорятъ: некогда, народу мало, попе-

волѣ отвѣты откладываются. Не мнѣ спорить противъ недостаточности редакціонныхъ силъ, когда я самъ предлагалъ значительно ихъ увеличить, но, все-таки, изъ своей практики могу утвердительно сказать, что дать отвѣтъ въ теченіе недѣли всегда можно, если работа распредѣлена раціонально. Недостаточность силъ тутъ-то и чувствуется, потому что, по существу газетнаго дѣла, на всю корреспонденцію отвѣтъ, по-моему, долженъ слѣдовать въ теченіе трехъ сутокъ: тогда только газета пріобрѣтетъ срочность и отзывчивость со стороны сотрудниковъ и корреспондентовъ. Нѣтъ, тутъ просто извѣстная доля невоспитанности, неуваженіе къ чужой мысли и чужому времени. Этимъ грѣшенъ русскій человѣкъ вообще, не безгрѣшенъ и русскій журналистъ. И что оригинально, что всѣ сознаютъ неудобство такихъ «порядковъ», но преимущественно тогда, когда сами въ числѣ страдающихъ отъ него...

Никогда не забуду своего разговора съ «секретаремъ» только что принятой мною редакціи.

— Пожалуйста, говорю ему, не задерживайте отвѣтовъ по корреспонденціи, прочитанной мною или членами редакціи. Позднѣйшій срокъ съ момента поступленія ихъ къ вамъ—сутки...

— Какъ сутки!—ужаснулся онъ.—Нельзя же всѣмъ отвѣчать такъ. Ну, я понимаю, напримѣръ, N—онъ назвалъ фамилію одного извѣстнаго публициста—это, конечно, такъ, но какому-нибудь корреспонденту или неизвѣстному автору «письма въ редакцію» нельзя же... Сейчасъ подумаютъ, что мы придаемъ особенное значеніе ихъ работѣ, и заважничаютъ...

Мнѣ не оставалось ничего больше, какъ искренно расхохотаться такому департаментскому канцеляризму... И потомъ, помню, долго онъ, все-таки, иногда старался «поддерживать престижъ редакціи», пока самъ не напишешь отвѣтъ и ни попросишь его отправить...

Другой вопросъ гораздо большей важности.

Очень многія газеты, будь то столичныя или провинціальныя, не придаютъ громаднаго значенія освѣщенію фактовъ

русской жизни обслуживаемаго имп районна. Отсюда крайне непормальныя отношенія къ корреспонденту, пополняющему «провинціальные» или «областные» отдѣлы. Между тѣмъ, эта сторона именно русской газетной работы врядъ-ли ни самая существенная: она даетъ матеріалъ для хорошихъ, глубокихъ, жизненно поставленныхъ теоретическихъ статей по всевозможнымъ сторонамъ общественной и государственной жизни. Я себѣ совершенно не представляю возможности работать въ редакціи, не разбросавшей широкой сѣти корреспондентовъ. Эти маленькіе въ литературномъ смыслѣ люди необходимы газетѣ, особенно провинціальной, какъ вода и воздухъ. Безъ нихъ газета не имѣетъ почвы. Не то мы видимъ, повторяю, во многихъ органахъ, гдѣ или корреспондентовъ очень мало, или отношенія къ нимъ такія, которыя совершенно отбиваютъ всякую охоту корреспондировать.

Не отвѣчать совершенно на всѣ ихъ мольбы и просьбы, не высылать по полгода гонорара, не принимать ихъ лично самому редактору или завѣдующему провинціальнымъ (областнымъ) отдѣломъ—все это порядки многихъ газетъ.

Показать корреспонденту вниманіе, поставить его въ положеніе равноправнаго сотрудника, дать ему почувствовать свою близость къ дѣлу, которое онъ часто любитъ всей душой, быть аккуратнымъ въ перепискѣ—все это пока исключенія.

Конечно, результатъ отношеній большинства ясенъ: корреспондентъ не чувствуетъ себя въ дѣлѣ хоть какой-нибудь спицей, просто-напросто ремесленничаетъ, матеріалъ присылаетъ безъ всякой объединяющей его идеи, пишетъ о пустякахъ, гонитъ строчку, чтобъ было изъ чего сокращать... Провинціальные и областные отдѣлы большинства газетъ лишены какихъ бы то ни было достоинствъ, не говоря уже о чисто литературныхъ. Это—альманахи, куплеты съ открытой сцены, все, что хотите, но не бытовая жизнь, не характерная ея хроника. Между тѣмъ, мнѣ изъ собственнаго опыта извѣстно, что достаточно поставить корреспондента въ вполнѣ нормальное

положеніе и дать ему въ лицѣ редакціи руководителя—онъ быстро вырастаетъ, преображается, его не узнаешь.

Думаю, что для нѣкоторыхъ товарищей не безынтересно будетъ ознакомиться съ тѣми двумя простыми средствами, которыя, я утверждаю, непосредственно должны слѣдовать за чисто интеллигентнымъ отношеніемъ къ корреспонденту, какъ къ личности вообще.

Первое изъ нихъ, это—печатныя *программы*. Я примѣнялъ ихъ нѣсколько лѣтъ и нахожу, что результаты получаются поразительные. Все дѣло—только въ умѣньи выработать самыя детальныя программы по всѣмъ вопросамъ земской, муниципальной, общественной, сельской, желѣзнодорожной, фабричной и др. жизни, точно указавъ время, когда интересно и необходимо получать тѣ или иныя свѣдѣнія и въ какой степени обработки. Примѣняя такія программы, вы сразу видите, какъ облегчается трудъ корреспондента; какъ каждый просто отъ природы не глупый человѣкъ быстро оріентируется въ вашихъ требованіяхъ; какъ сначала малограмотный деревенскій корреспондентъ дѣлается полезнымъ звеномъ въ цѣпи газетныхъ работниковъ; какъ, наконецъ, твердо и дѣловито ставится областной (провинціальный) отдѣлъ, какой вѣсъ онъ пріобрѣтаетъ въ глазахъ читателя. Я ужъ не говорю о томъ, что при такомъ порядкѣ редакція освобождается отъ массы теперешней черновой работы, сводящейся часто къ громадной правкѣ случайныхъ по темѣ корреспонденцій, а корреспонденты — отъ безполезнаго труда на сообщенія, редакцію не интересующія, или совершенно, или въ данный моментъ. Къ программамъ нужно также прилагать печатное изложеніе нѣкоторыхъ общихъ, для насъ азбучныхъ, свѣдѣній въ родѣ того, что писать слѣдуетъ на одной сторонѣ листа, подписывать всегда мѣсяцъ и число и т. п. Это важно ради массы корреспондентовъ, плохо знакомыхъ съ редакціонно-организаціонной стороной своей дѣятельности, а между тѣмъ, свѣдѣнія изъ этой области ей очень необходимы и сейчасъ даются лишь горькимъ опытомъ...

Въ иномъ положеніи иностранные корреспонденты. Отно-

шенія къ нимъ общія—т. е. если не совсѣмъ нормальныя, то и не совсѣмъ ненормальныя. Но руководства, планомѣрности въ работѣ тоже немного. Почти вездѣ заграничные корреспонденты очень мелочны и... политически плохо развиты. Подступая къ сложной жизни съ русскими масштабами и привычками, они незамѣтно втягиваютъ читателей въ полосу часто совершенно неумѣстной «критики». Хорошее не оттѣняется; плохое не понимается. Иностранные отдѣлы теряютъ свое настоящее значеніе. Въ большинствѣ изданій заграничныя корреспонденціи нуждаются прежде всего въ томъ же объединяющемъ началѣ и руководящей мысли, которыя ярко пока отсутствуютъ. Теперь это—описаніе чисто фактической стороны, преимущественно политическихъ инцидентовъ или вообще отдѣльныхъ болѣе или менѣе значительныхъ событій. Культурная и при томъ общественная жизнь Запада входитъ очень незначительнымъ элементомъ. Параллели этой самой интересной жизни съ русской еле замѣтны, редакціи ими не дорожатъ, не понимаютъ ихъ громаднаго значенія для читателя. Отсутствіе планировки содержанія номера, внутренней въ немъ связи довольно остро чувствуется именно иногда благодаря заграничнымъ корреспонденціямъ. Несомнѣнно, ихъ трудно ввести, пока не будутъ введены программы и для заграничныхъ корреспондентовъ, пока трудъ ихъ не будетъ поставленъ въ рамки сознательнаго, и при томъ строго послѣдовательнаго проведенія цѣлымъ изданіемъ извѣстныхъ идей и взглядовъ.

Второе средство — *періодическія собранія корреспондентовъ.* Цѣль—ознакомить ихъ съ взглядами редакціи на важные вопросы и явленія жизни, такъ или иначе соприкасающіеся съ дѣятельностью корреспондентовъ, и сближеніе послѣднихъ. Опять-таки изъ опыта я вынесъ твердое убѣжденіе, что маломальски толково ведущіяся собранія необыкновенно, прежде всего, поднимаютъ самочувствіе корреспондента, живущаго сплошь и рядомъ въ тинѣ топкаго болота глухого провинціальнаго угла; вырабатываютъ въ немъ чувство связи и общности съ журналистикой, что̀ не можетъ не быть полезно; совершенно ясно подчеркиваютъ его не послѣднюю роль въ

жизни газеты; даютъ ему массу знаній, выносимыхъ изъ живого обмѣна мыслями съ товарищами; объединяютъ областной (провинціальный) отдѣлъ одной общей идеей, вытекающей изъ главныхъ задачъ даннаго изданія.

Не говорю уже о томъ, что собранія людей съ мѣста, которымъ занята редакція, даютъ послѣдней массу коррективовъ къ ея, все-таки, теоретическимъ иногда взглядамъ—массу фактическаго матеріала. Отъ собранія до собранія живетъ корреспондентъ тѣми свѣжими впечатлѣніями, которыя онъ получаетъ въ общеніи съ другими рядовыми этой громадной арміи. Работа его идетъ успѣшнѣе; вопросы азбучные сдаются въ архивъ; взгляды редакціи перестаютъ быть terra incognita для неособенно интеллигентнаго корреспондента; вопросы текущіе разрабатываются шире и глубже; голосъ газеты по любому вопросу всегда поддерживается массою фактовъ; получается, наконецъ, та внутренняя, органическая связь различныхъ отдѣловъ, отсутствіемъ которой такъ блещетъ большинство газетъ.

Кромѣ того, только при живомъ общеніи съ корреспондентомъ—этими глазами и ушами редакціи повсюду—читателя можно дѣйствительно убѣдить въ справедливости своего взгляда. Появляется полная возможность, прежде чѣмъ ставить, напримѣръ, серію статей по извѣстному вопросу, дать читателю яркую картину постановки его на практикѣ, а послѣ статей— иллюстрировать каждую основную мысль ихъ автора опять-таки жизнью. Читатель видитъ, что статья или фельетонъ ставятся не безъ умысла и идеи, что во-время они будутъ пояснены въ связи съ отголосками съ мѣста. Не то теперь. Передовики пописываютъ, корреспонденты пострачиваютъ, а внутренней связи въ изданіи-то и нѣтъ. Почему эта статья стоитъ именно сегодня, а не черезъ мѣсяцъ,—читатель не понимаетъ. Далѣе, отъ кого, какъ не отъ корреспондента, редакція можетъ выслушать мнѣніе своего массоваго средняго читателя о недостаткахъ и пробѣлахъ своей работы, запросы даннаго района, города, мѣстечка, уѣзда, волости?

Трудно исчерпать всѣ громадныя послѣдствія успѣшнаго веденія періодическихъ собраній корреспондентовъ, несоставляю-

щихъ никакого особеннаго труда редакціямъ провинціальныхъ газетъ. Одно могу сказать: кто ихъ не устраивалъ, тотъ и представить даже не можетъ, чѣмъ являются эти собранія въ жизни изданія. Разумѣется, повторяю, они должны идти вслѣдъ за реформой современныхъ массовыхъ отношеній къ корреспонденту вообще и планомѣрной работой съ программами въ рукахъ.

Не могу не привести одно изъ писемъ, полученныхъ мною послѣ устройства перваго и для меня собранія. Вотъ что писалъ мнѣ одинъ земскій фельдшеръ:

«Сейчасъ, когда внутри перебродило все, все уже передумалось, многое стало яснымъ, и когда, я знаю, вы имѣете времени больше, чтобъ меня выслушать, чѣмъ на собраніи, гдѣ надо было въ перерывы побесѣдовать съ каждымъ,—а насъ-то было до сорока человѣкъ,—вотъ сейчасъ я и спѣшу подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ изъ нашего совѣщанія. Это было поистинѣ отрадное явленіе въ области мысли: этотъ день, мнѣ кажется, для многихъ насъ, корреспондентовъ, оставитъ незгладимый слѣдъ. Я понялъ, что есть кружки людей, связанныхъ одними общими идеями и стремленіями не исключительно матеріальными, а носящими въ себѣ принципъ служенія обществу. Мнѣ и по сіе время такъ и звучитъ вступительная рѣчь... Сколько въ ней было благородныхъ, сердечныхъ порывовъ и знанія жизни и вообще стремленія дать прочное успѣшное существованіе нашему общему дѣлу! Да не сочтется это за комплиментъ—право сказалось, что чувствовалось. Да и вообще можно сказать, что совѣщаніе было весьма и весьма оживленно, небезыдейно. Замѣтно, что всѣ присутствовавшіе и принимавшіе участіе въ дебатахъ были весьма воодушевлены. Вѣдь, многое, многое выяснилось, что до сего времени было темновато. Знакомство и единеніе людей, служащихъ одному общему дѣлу—стимулъ для его прочности, совершенствованія. Будемъ надѣяться и просить васъ, чтобы совѣщаніе не было послѣднимъ, а повторялось, какъ вы и обѣщали, хоть разъ въ годъ. Слѣдующія совѣщанія, нужно предполагать, будутъ болѣе продуктивны, ибо при массѣ вопросовъ прошлаго, конечно, было мало

возможности для болѣе всесторонняго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. Изъ послѣднихъ нѣкоторые, даже очень важные, за недостаткомъ времени были просмотрѣны мелькомъ. Въ заключеніе свидѣтельствую какъ вамъ лично, такъ и всѣмъ членамъ редакціи свое глубокое уваженіе и спасибо за предоставленіе близкаго единенія работниковъ мысли разныхъ уголковъ и, надѣюсь, какъ я, ждутъ многіе, что это будетъ не послѣднее, а суть начало цѣлаго ряда связываемыхъ звеньевъ»...

Мнѣ кажется, это письмо, а аналогичныхъ у меня есть еще нѣсколько, въ достаточной степени ясно подчеркиваетъ справедливость моего утвержденія о пользѣ собраній. Впрочемъ, врядъ-ли эта простая мысль можетъ нуждаться въ особенныхъ доказательствахъ. Она ясна, какъ день.

Говоря о программахъ и, слѣдовательно, о планомѣрности работы, не могу здѣсь же не коснуться, кстати, вообще господствующей въ газетномъ дѣлѣ рутины. Взять хоть тотъ заскорузлый укладъ жизни, который далъ намъ существующихъ еще кое-гдѣ «передовиковъ». Это такое нелѣпое явленіе, что безъ смѣха о немъ врядъ-ли можно говорить. Есть, оказывается, такіе люди, которые пишутъ передовую статью на любую тему и всегда срочно. Каковы же должны быть ихъ энциклопедическія головы! Вѣдь, на любую тему!... Конечно, это—не передовыя статьи, а общественно-научныя прописи, хорошо извѣстныя каждому попатершемуся репортеру. Читатель - простецъ проникается къ нимъ уваженіемъ, читатель-интеллигентъ, съ которымъ только и можно идти впередъ,—смѣется и всегда пропускаетъ такую азбучную «руководящую» статью. «Передовики» мыслимы, разумѣется, только въ тѣхъ редакціяхъ, гдѣ, кромѣ нихъ, никого, за исключеніемъ репортеровъ, нѣтъ. При иныхъ порядкахъ это—какой-то удивительный nonsens. Впрочемъ самый терминъ «передовица» понимается журналистами двояко. Одни говорятъ, что это передняя статья болѣе или менѣе общаго характера, другіе—что, руководя общественной

мыслью и настроеніемъ, она должна звать или толкать впередъ. Съ точки зрѣнія «переда» премьеръ-«передовикъ» ненуженъ, потому что громадный процентъ статей можетъ быть лишенъ своихъ заглавій и подъ названіемъ города и датой поставленъ на первое мѣсто; съ точки зрѣнія второй—nonsens ясенъ особенно. Пора привить въ этомъ отношеніи другой обычай: передовыя статьи пишутся членами редакціи по ихъ компетентности въ тѣхъ или другихъ вопросахъ. Съ этимъ, кстати, исчезнетъ и другая нелѣпость—въ каждомъ номерѣ дать передовую. Эта нелѣпость, по-моему, еще большая. Не говоря уже о томъ, что при условіи нашей цензуры, не можетъ быть такъ великъ циклъ вопросовъ, чтобы каждый день преподносить читателю новое «впередъ», но и самое понукательство имѣетъ всегда видъ разогрѣтаго жаркого. Дайте читателю три-четыре руководящихъ статьи въ недѣлю, но такихъ, которыя бы дѣйствительно заставили его подумать—и онъ будетъ «передовицы» читать, а не пробѣгать. Не могу также не замѣтить, что первый, кто смѣется надъ серьезнымъ видомъ жреца-передовика, хранящаго печать раздумья на челѣ и прилагающаго всѣ усилія, чтобы не написать живо и остроумно, а высказать все мертвенно-величаво, это—читатель. Бойкихъ, популярныхъ и вмѣстѣ именно передовыхъ «передовицъ» у насъ очень мало. Больше—египетскія таинства. Скажутъ: «а сторонніе» обстоятельства? Я ихъ конечно, все время имѣю въ виду. Развѣ они забываются!?..

А «передовицы» по политикѣ европейскихъ державъ! Какъ часто искренно смѣешься надъ серьезнымъ учительскимъ тономъ «политика», совѣтующаго, а то и просто поучающаго, какъ нужно поступить Вильгельму или Сагастѣ! Есть даже предсказыватели будущаго для Европы; Европы, которая законно не хочетъ читать кастрированную русскую политическую печать, когда та касается не будничныхъ явленій своей собственной страны...

Чтобы не отвлекаться отъ нити изложенія, я не стану подробнѣе иллюстрировать царящую у насъ рутину, а скажу только, что общая ея причина въ сравнительно небольшомъ

процентѣ журналистовъ, *всѣмъ* нутромъ живущихъ съ газетой. Мало въ Россіи и условій для этого...

XIX.

Я увѣренъ, что однимъ изъ первыхъ результатовъ нашего сближенія на почвѣ коллегіальности должно быть созданіе еще такого учрежденія, которое бы заканчивало гласное обсужденіе общественно-литературнаго поведенія журналистовъ вообще въ наивозможно широкомъ видѣ. Я совершенно согласенъ съ мыслью Н. К. Михайловскаго, высказанною имъ по поводу почти никому и до сихъ поръ неизвѣстнаго «Литературнаго общества». Онъ замѣчаетъ: «Дѣло самой литературы поставить неблагопристойности предѣлъ»... «Общее литературное дѣло, за удовлетвореніемъ матеріальныхъ интересовъ, которыми, худо-ли, хорошо-ли заняты литературный фондъ и касса взаимопомощи, только и можетъ состоять въ поддержаніи достоинства литературы, какъ таковой, независимо отъ какихъ бы то ни было кружковъ и партій» [25]). У покойнаго «Союза» въ числѣ цѣлей его существованія была одна, между прочимъ, громадная цѣль: «охраненіе добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати». Да простятъ мнѣ глубокоуважаемые руководители этого славнаго учрежденія, если я пожалѣю, что именно въ этомъ направленіи «Союзомъ» ничего почти сдѣлано не было. Его колоссальный, въ смыслѣ нравственнаго авторитета, голосъ ни разу, насколько я знаю, не раздался *публично* для оцѣнки литературныхъ негодяевъ. Это, конечно, не упрекъ въ бездѣятельности, это только указаніе на неразвитіе главной своей функціи.

Скажутъ—о, я знаю, что такихъ голосовъ будетъ достаточно!—«что за непрошенное центральное судилище!» Но если

[25]) «Рус. Бог.»; 1894 г., VIII.

это скажетъ порядочный журналистъ, то, очевидно, онъ не любитъ своего дѣла, онъ не живетъ имъ, не живетъ такъ, какъ жилъ Бѣлинскій и какъ всѣ мы *должны* жить! Припомните, что писалъ этотъ великій журналистъ въ 1840 году: «Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отечественныхъ Записокъ». Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь» [26])...

Вотъ такая любовь, да, именно такая, безраздѣльная и безпредѣльная, подскажетъ въ 1902 году, что нужно, наконецъ, взяться всѣми нашими силами за спасеніе высокаго по существу понятія «литераторъ» отъ покушеній на него Подхалимовыхъ! Если же отрицать «судилище» станетъ негодяй, то развѣ его голосъ можно принимать иначе, какъ за страхъ передъ осужденіемъ на глазахъ всего общества!?

Но, можетъ быть, вы считаете, что судъ долженъ твориться въ мрачномъ подземельѣ безгласности и таинственности отъ общества, что все это—наши собственныя домашнія дѣла? Да, я знаю, нѣкоторые высоко цѣнятъ изстари укоренившуюся замашку, которая всякое «высшее служеніе — по прекрасному выраженію Е. И. Конради—превращаетъ въ элевзинское таинство и ревниво оберегая авторитетъ его жрецовъ, опускаетъ между ними и непосвященною толпой завѣсу непроницаемой тайны»! У журналиста нѣтъ домашнихъ дѣлъ, разъ они касаются не исключительно его собственнаго дома, не его собственной семьи! Вся жизнь его, какъ литературно-общественнаго дѣятеля, должна проходить на глазахъ общества, подъ его постояннымъ контролемъ и наблюденіемъ! Представители гласности только и могутъ жить при условіи широкаго ея размаха. Если для общества важно, чтобы у него была литература, вполнѣ достойная этого великаго имени, то оно имѣетъ полное право требовать отъ насъ откровеннаго разсказа обо всемъ, что мѣшаетъ осуществленію этого идеала. Мы должны вынести

---

[26]) *А. Пыпинъ*, «Бѣлинскій», II, 31.

на судъ общества все, что благодаря замалчиванію можетъ быть приписано свойствамъ цѣлой корпораціи!

XX.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о читателѣ вообще.

Полвѣка тому назадъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ журналистовъ, нашихъ учителей, сказалъ: «недостаетъ нашей публикѣ только одного: сознанія своего вліянія на литературу. Потому литература зависитъ отъ каприза случайностей» [27]). Прошло 46 лѣтъ, а историкъ русской литературы все-таки можетъ начать и теперь свой трудъ словами, которыми кончилъ Чернышевскій. Но вы, виновный читатель, заслуживаете безусловнаго снисхожденія. Смягчающихъ вашу вину обстоятельствъ нѣсколько.

Прежде всего, вы очень остро чувствуете современное юридическое положеніе нашей дѣятельности. Это—неисключительная привилегія журналистовъ. Во-вторыхъ, мы сами не идемъ сколько-нибудь энергично на сближеніе съ вами. Въ-третьихъ, мы иногда не считаемъ васъ въ правѣ предъявлять къ намъ тѣ или другія требованія, валя ихъ всѣ, безъ разбора, въ кучу «угожденія публикѣ». А, вѣдь, это сплошь и рядомъ ваши учителя... Наконецъ, ваши ряды не особенно многочисленны и плохо еще сомкнуты. Правда, они пополняются каждый день, особенно за послѣднія четыре-пять лѣтъ, они смыкаются и густѣютъ; небывалый раньше ростъ интеллигенціи радуетъ каждаго, кто имѣетъ возможность присутствовать при этихъ трудныхъ родахъ и повивать колоссальнаго въ будущемъ русскаго интеллигента... Но все это именно по русскимъ масштабамъ, по тому, что́ намъ нужно, пока незначительно.

[27]) «Очерки гоголевскаго періода».

Старый провинціальный журналистъ С. С. Гусевъ, болѣе извѣстный по своему псевдомину *Слово Глаголь*, выпустилъ недавно книжку подъ очень широкимъ заглавіемъ «Наши общественныя дѣла и бездѣлье».

Въ ней есть деталь, по-моему, сразу опредѣляющая и автора и книгу. Деталь, особенно меня интересующая, широкаго общественнаго значенія и изъ того десятка вопросовъ, которые, по-моему, сейчасъ наиболѣе интересны.

Тридцать лѣтъ работы въ провинціи—въ этомъ колоссальномъ котлѣ общественной мысли и жизни—привели г. Гусева къ заключеніямъ очень неблагопріятнымъ для читателя. Мало того, авторъ положительно утверждаетъ, что его «свидѣтельства о подробностяхъ этой жизни (жизни сорока «хорошо» знакомыхъ ему изданій) должны имѣть свою цѣну»

Прежде всего, ни въ грошъ не ставя деревенскаго читателя, г. Гусевъ и въ городѣ не нашелъ отрады. «Кто читаетъ газеты въ городахъ?»—спрашиваетъ онъ и, не задумываясь, отвѣчаетъ: «чиновники, грамотное купечество—и только. Масса свободна отъ этого предразсудка цивилизаціи». Какъ мало словъ и какъ много сказано... неправды!

Очевидно, мои наблюденія производились не на территоріи работы г. Гусева,—они діаметрально противоположны только что высказанному. Я знаю совершенно другое. Я знаю, что въ деревню газета идетъ необычайно широко; что деревенскій читатель интересуется не только «китайцемъ» или «новой машинкой для сѣченія»; что онъ буквально протираетъ ее до дыръ.

Не въ «китайцѣ» и «машинкѣ» центръ тяжести его стремленія прочесть газету, хотя, интересуясь „китайцемъ“, насколько мнѣ извѣстно, крестьянинъ всегда интересовался, главнымъ образомъ, судьбою своего отправленнаго на войну Ванюхи, твердо увѣренный, что если его убили, то газета объ этомъ сообщитъ непремѣнно. Интересъ, кажется, вполнѣ понятный. Не менѣе понятенъ интересъ и къ «машинкѣ», разъ она будетъ демонстрироваться на собственной спинѣ... Я видѣлъ сотни примѣровъ, когда деревня, особенно фабричнаго района, упивалась чтеніемъ лучшаго въ номерахъ газеты, а фелье-

тоны—правда, не зубоскально-абзацные—прочитывала по нѣскольку разъ. Я знаю примѣры, и ихъ не мало, когда крестьяне, вѣря редакціи газеты, ходили туда просто побесѣдовать, потолковать; когда они несли туда всѣ свои бѣды и злоключенія. Здѣсь замѣчу только еще одно обстоятельство, упускаемое всегда изъ вида издателями, но очень близкое сердцу журналистовъ: смѣло можно сказать, что каждый номеръ газеты, попавшій въ деревенскую хату, прочитывается, по крайней мѣрѣ, полдеревней. Это уже одно надо бы было помнить г. Гусеву—онъ не можетъ не знать...—но мало-ли, что онъ забылъ?

Забылъ же онъ читателя—ученаго, адвоката, врача, студента, фельдшера, учителя, рабочаго, старшаго класса гимназиста и реалиста,—и мало ли еще кого изъ тѣхъ, кто живетъ въ городахъ, кромѣ чиновника и купца. Короче—забылъ вообще интеллигента. Интеллигентъ у г. Гусева совершенно забытъ; очевидно, онъ не занимаетъ въ его дѣятельности первенствующаго мѣста. Въ этомъ главная Ахиллесова пята всей книжки. Впрочемъ, это специфическая ошибка не только г. Гусева, а и многихъ газетныхъ работниковъ.

Теперь о характеристикѣ читателя.

Ничего положительнаго съ этой стороны г. Гусевъ не далъ. Онъ далъ только отрицательное и то въ формѣ фельетоннаго глумленія. Оно такъ характерно въ устахъ писателя, тридцать лѣтъ стоящаго, казалось-бы, локоть къ локтю съ публикой, что я позволю себѣ довольно длинную цитату изъ книги.

«Мнѣ разсказывалъ одинъ писатель о своемъ общеніи съ читателемъ,—если бы я не зналъ этого писателя, какъ человѣка правдиваго, я не повѣрилъ бы и десятой долѣ того, что я услышалъ по этой части.

«Мой знакомый получаетъ отъ читателя не менѣе 100—150 писемъ въ мѣсяцъ и, кромѣ того, принимаетъ у себя читателя, какъ гостя. Бываютъ дни, когда являются не менѣе 10—15 человѣкъ, и не бываетъ дня, въ который не было бы хотя одного человѣка.

«О чемъ говоритъ читатель?

«Можно было бы считать исключеніемъ гр. Толстого, къ которому масса лицъ обращается съ просьбами о деньгахъ. Но и въ данномъ случаѣ, хотя знакомый мнѣ писатель не пользуется, можетъ быть, и одной милліонной той извѣстности, которой пользуется гр. Толстой,—на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о деньгахъ.

«Дальше почти исключительно личныя обывательскія дѣла. У одного жена сбѣжала къ любовнику. У другого—обманъ невѣсты. Третій совѣтуется, бросить-ли ему мѣсто учителя ради мѣста земскаго статистика. Дѣвица жалуется на коварнаго обольстителя и проситъ о воздѣйствіи на него. И т. д., и т. д. Тутъ недостаетъ только того, чтобъ обыватель пришелъ и попросилъ бы разрѣшить его споръ съ супругой на счетъ щей и борща.

— «Я къ вамъ, многоуважаемый, какъ къ отцу родному. Сочиненія ваши читалъ и очень оныя одобряю. Мысли ваши раздѣляю и сочувствую имъ. И то уваженіе, которое я къ вамъ питаю, заставляетъ меня обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: будьте судьей...

— «Между кѣмъ судьей?

— «Да между мной и законной моей женой. Какъ вы рѣшите, такъ и будетъ!...

— «Ммм... Въ чемъ же дѣло?

— «А дѣло серьезное, почтеннѣйшій: жена щи любитъ, а я борщъ.

— «Что такое? Какой борщъ?

— «А обыкновенный—съ бураками и прочей приправой. Я прошу борщъ сварить, а жена варитъ—себѣ щи съ грудинкой, хоть ты колъ у нея на головѣ теши! Разрѣшите, заставьте за себя вѣкъ Бога молить. Для меня въ этомъ вопросъ принципальный!...

«Что прикажете дѣлать писателю? Войти въ подробное разсмотрѣніе щей и борща? Изслѣдовать супружескіе желудки, дабы опредѣлить, къ какой пищѣ они наиболѣе приспособлены? Или, рискуя оказаться несправедливымъ, поставить за исходную точку свой собственной вкусъ и опредѣлить:

— «Кушайте щи, а борщъ оставьте!...

Курьезное положеніе. *Читатель въ вопросахъ краеугольныхъ и общихъ не чувствуетъ въ себѣ никакихъ колебаній.* Сомнѣнія начинаютъ одолѣвать его лишь въ вопросахъ его угла, его удобствъ, устройства его личной жизни. Жениться ему или не жениться, развестись съ женой или продолжать съ ней драться, продолжать получать жалованье или не получать?

«На самомъ дѣлѣ, завтра онъ придетъ за объясненіемъ, что это такое значитъ, что ѣлъ онъ, обыватель, во снѣ свѣжепросольную севрюгу, и такъ эта севрюга была хороша, такъ хороша» [28])...

Общее наружное впечатлѣніе отъ цитаты, полагаю, подтверждаетъ вполнѣ мое утвержденіе о фельетонно-балаганномъ тонѣ писаній г. Гусева. Но интереснѣе другое впечатлѣніе, отъ ея содержанія.

Вы ясно видите, что имѣете дѣло съ журналистомъ, никогда въ глаза не видавшимъ настоящаго читателя, и потому повѣрившимъ своему знакомому писателю. То, чего не видали, приняли за несуществующее—дѣло ясное. Но не ясна-ли и ошибка? Если къ знакомому г. Гусева приходятъ письма только о щахъ и борщахъ, то, очевидно,—заключаетъ г. Гусевъ—*всѣ* писатели получаютъ аналогичныя посланія отъ *всѣхъ* читателей.

Мнѣ кажется, что даже если бы дѣйствительно у г. Гусева былъ такой «правдивый знакомый», то разсказы его должны произвести нѣсколько другое впечатлѣніе. Я его толкую совершенно иначе. Тотъ заурядный, совершенно некультурный обыватель, который обращается къ писателю съ просьбой посовѣтовать: жениться или нѣтъ, бросить службу или остаться на ней и т. п. — заслуживаетъ глубокой симпатіи. Да! и во всякомъ случаѣ — не смѣха и глумленія. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ такія обращенія? Прежде всего—довѣріе къ писателю, какъ таковому, единственному человѣку, рѣшеніе котораго будетъ признано справедливымъ и раціональнымъ. Во-вторыхъ—уваженіе; въ-третьихъ—близость. Я не буду ни минуты гово-

[28]) Стр. 196—198.

рить о томъ, что это некультурно; что вопросы совѣсти (женитьба, разводъ, и пр.) рѣшаются только самимъ человѣкомъ; что разрѣшеніе чужихъ вопросовъ обстановки жизни (служба, а тѣмъ болѣе щи и борщъ) непроизводительно отнимаетъ драгоцѣнное время писателя и т. д. Все это понятно само собой. Я только прошу васъ стать на мѣсто читателя, идущаго за подобнымъ совѣтомъ къ нашему брату, и тогда, несомнѣнно, вы будете смотрѣть на него совершенно иначе, не по-гусевски.

Не могу еще не прибавить, что бываютъ случаи, когда къ намъ приходятъ за такимъ совѣтомъ, который мы дѣйствительно можемъ дать не безъ пользы. Я знаю массу случаевъ, когда писателя ставили, напримѣръ, въ положеніе адвоката только потому, что довѣряли ему больше, чѣмъ случайнымъ представителямъ этой профессіи въ извѣстномъ городѣ.

Казалось бы, автору *общественныхъ* дѣлъ нельзя не знать, что именно по современнымъ условіямъ нашей карнаухой общественности, которая, вообще не признанная пока за существенный элементъ жизни, не дала ни одного сколько-нибудь проявленнаго элемента, кромѣ писателя,—обращеніе къ писателю, какъ къ таковому, вполнѣ естественно и понятно. На Западѣ есть прежде всего культура, во-вторыхъ широкая общественная жизнь, въ-третьихъ... да мало-ли что тамъ есть, и что у насъ отсутствуетъ! Насколько тамъ вся совокупность общественныхъ условій не выдѣляетъ рѣдко писателя изъ рядовъ передовыхъ дѣятелей, настолько у насъ она же производитъ результаты совершенно обратные. Совокупность же другихъ нашихъ условій все время шепчетъ, а иногда и грозно кричитъ писателю въ ухо: «знай, сверчокъ, свой шестокъ»!—но, все-таки, непосредственно съ обществомъ соприкасаются только дѣятели печати.

Мудрено-ли, что послѣднимъ приходится становиться иногда не на свое собственное мѣсто? Можно-ли за то обвинять ихъ или группы общества? По-моему, можно только при совершенномъ непониманіи какъ общества, такъ и своей *русской* писательской службы.

Далѣе. Только-ли за щами и борщомъ идетъ читатель къ писателю? Дѣйствительно-ли въ вопросахъ краеугольныхъ и общихъ онъ не чувствуетъ въ себѣ никакихъ колебаній? Эта часть психологіи читателя гораздо болѣе интересна и важна.

И на эти вопросы я опять-таки отвѣчу: нѣтъ! нѣтъ! и нѣтъ!

По понятнымъ соображеніямъ, я не назову именъ многихъ видныхъ современныхъ русскихъ писателей и массы рядовыхъ ихъ товарищей, которые знаютъ, насколько русскаго человѣка не только волнуютъ, а прямо *мучаютъ* старые и новые «проклятые» вопросы. Я знаю массу случаевъ, когда совершенно незнакомые люди обращаются къ вамъ, письменно или лично, именно за послѣднимъ разрѣшеніемъ или разъясненіемъ этихъ «краеугольныхъ», «общихъ» вопросовъ; когда часы приходилось просиживать за оживленной принципіальной бесѣдой съ заурядnымъ читателемъ; когда ему указывалась дорога къ свѣту и правдѣ; когда читатель исповѣдывался передъ уважаемымъ имъ, но совершенно ему незнакомымъ писателемъ!

Такихъ случаевъ я знаю громадную массу и скажу совершенно увѣренно: умѣйте сами стать человѣкомъ, свято понимайте свое высокое писательское призваніе, держитесь съ читателемъ на равной ногѣ, уважайте его, какъ всякаго человѣка, ищущаго свѣта—и вамъ не отбиться будетъ отъ постояннаго широкаго и глубокаго съ нимъ внутренняго общенія. Больше—*безъ этого общенія я не понимаю смысла нашей дѣятельности* Только писать и печатать, сидя въ бронированномъ холодностью и неприступностью кабинетѣ, это—жалкое существованіе для писателя!

И если къ кому-нибудь изъ насъ обращаются только за деньгами, щами и борщомъ — можно сказать совершенно утвердительно: этотъ писатель не пріобрѣлъ уваженія интеллигентнаго, культурнаго читателя, ему не довѣряетъ и человѣкъ, только начинающій вырабатывать свое міросозерцаніе! Онъ или слишкомъ мелокъ самъ, или работаетъ недостаточно продуктивно.

Развѣ можетъ не слѣпой и не оглохшій писатель не видѣть того страшнаго, колоссальнаго, совершенно небывалаго роста, который пріобрѣла наша интеллигенція за послѣднія пять-шесть

лѣтъ!? Развѣ можно забыть этотъ кадръ, ежедневно ставящій ряды сначала читателя-знакомаго, потомъ читателя-пріятеля, наконецъ, читателя-друга!

Могу увѣрить г Гусева, что если бы онъ сумѣлъ понять сущность журнальной работы и, слѣдовательно, вошелъ бы въ тѣсное и широкое соприкосновеніе съ читательской массой — онъ бы понялъ, какъ глубоко вообще и трагически для себя онъ ошибается! Отъ такой характеристики, которую онъ далъ русскому читателю газеты, послѣдній, конечно, не слиняетъ: она характерна, только для г. Гусева, *какъ несомнѣннаго представителя нѣкоторой части журналистовъ.*

Съ такими взглядами на читателя врядъ-ли можно работать сколько-нибудь продуктивно въ общественномъ смыслѣ. Съ другой стороны, работая такъ, какъ работаетъ эта часть, никогда нельзя чувствовать около себя читателя-друга. Получается какое-то заколдованное кольцо, ужасное по своимъ послѣдствіямъ...

Тридцать лѣтъ тому назадъ наболѣвшее сердце Салтыкова выкрикнуло:

«Читатель! Русскій читатель! Защити!»

И если тогда «возгласъ этотъ потерялся въ шумѣ деревьевъ, охраняющихъ кладбище», то теперь, несомнѣнно, эффектъ былъ бы другой! Тотъ же незабвенный Щедринъ, уже незадолго до своей смерти, констатировалъ читателя-друга, но оговаривался: «ни въ наличности читателя-друга, ни въ его сочувствіи я не сомнѣваюсь, а утверждаю только, что не существуетъ непосредственнаго общенія между читателемъ и писателемъ». Въ этомъ Салтыковъ былъ глубоко правъ: не существуетъ этого общенія въ видѣ *обыкновеннаго* явленія и теперь еще...

А оно нужно обѣимъ сторонамъ, равно страдающимъ отъ разъединенія; оно возможно и существуетъ, г. Гусевъ. Только въ немъ и заключается вся суть нашего общественнаго служенія!

Ну, да оставимъ г. Гусева въ сторонѣ.

Вамъ, читатель, необходимо проникнуться мыслью, что вы

сильны только соединясь съ журналистомъ, что журналистъ безъ вашей поддержки—кабинетный человѣкъ. Идите же на это сближеніе, требуйте отъ писателя вниманія къ вашимъ мнѣніямъ и взглядамъ, судите его, если онъ не правъ, но и поддержите въ случаѣ солидарности и симпатіи. Вѣчно помните, что мы не можемъ, не должны работать иначе, какъ въ полномъ взаимодѣйствіи, если не съ другомъ читателемъ, который пріобрѣтается годами и только тогда и цѣненъ и является лучшей, самой желанной наградой каждаго мыслящаго писателя, — то хоть съ читателемъ-знакомымъ. Что можетъ быть хуже того уклада общественной жизни, когда читатель почитываетъ, а писатель пописываетъ!? Это равнодушіе одного къ другому такъ близко къ тупости и лѣни, что обѣ стороны должны его бѣжать, какъ чумы. Выругайтесь, поддержите, но не спите, не замирайте! Имѣйте смѣлость—для этого ее надо, вѣдь, немного · открыто выражать свои требованія, свои желанія, свои убѣжденія—и тогда мы узнаемъ другъ друга. Нѣтъ ничего гаже и вреднѣе, какъ читательская покорность, не основанная на глубокой солидарности съ писателемъ. Она вырабатываетъ въ обществѣ дальнѣйшую лѣнь мысли—въ то же время свою мать. — равнодушіе чувствованій, неспособность протестовать совершенно открыто, когда это нужно и должно. Бѣгите отъ школьныхъ прописей. Вы должны относиться критически къ каждой нашей мысли. Только такой путь гарантируетъ вамъ драгоцѣнную внутреннюю сознательную свободу—самое дорогое качество человѣка. Намъ не можетъ быть дорогъ тотъ, кто за наружной складностью мысли и ея хорошимъ стилистическимъ выраженіемъ не можетъ разглядѣть самаго нутра, кого привлекаетъ всецѣло, эта чисто обстановочная сторона, у кого послѣ этого не остается мѣста для самостоятельной переработки всего воспринятаго. И очень понятно, что такой читатель при первомъ же удобномъ случаѣ становится въ лагерь перебѣжчиковъ и часто вербуетъ ряды нашихъ же противниковъ—достаточно наступить ему на мозоль. Самая пустая вещь служитъ поводомъ его нерасположенія къ намъ, которое, впрочемъ, тоже непрочно: достаточно погладить по головкѣ,

чтобы видѣть его снова въ рядахъ союзниковъ и друзей... Нѣтъ, каждому писателю нуженъ читатель-судья, строгій критикъ, ничего намъ не прощающій, ничего не желающій извинять безъ достаточныхъ къ тому основаній. Зато искреннее расположеніе такого читателя даетъ намъ, дѣйствительно хорошаго знакомаго, потомъ пріятеля, а позже, но уже и навсегда—друга. Эта градація обязательна, иначе отношенія наши съ вами подвержены массѣ случайностей.

Пусть писатель поставитъ своимъ девизомъ твердое, независимое слово, пусть читатель приметъ за правило не пропускать случая указать намъ на наши ошибки и заблужденія. Прошло то время, когда писали почти всѣ болѣе или менѣе мыслящіе люди, а остальнымъ приходилось только читать и поучаться. Оно миновало и больше не вернется. Зато теперь не всѣ писатели на уровнѣ своего назначенія, не всѣ читатели должны быть учениками. Сложныя жизненныя условія разсѣяли мыслящую часть общества по разнымъ угламъ и спеціальностямъ, большой ея процентъ просто не имѣетъ возможности заняться литературой, но это далеко не значитъ, что не можетъ. Среди громадной многомилліонной массы читателей есть уже довольно значительный элементъ, который не только можетъ, но обязанъ поддерживать словомъ согласія или протеста своихъ пишущихъ товарищей,—товарищей по одной общей культурной работѣ, цѣль которой, независимо отъ рода дѣятельности, всегда была и будетъ одна и та же—совершенствованіе общества и человѣка, этого исполина духа.

Говорятъ, не каждый умѣетъ такъ написать, чтобы достаточно ясно выразить свою мысль, и потому предпочитаетъ таить ее внутри себя. Но изъ этого выходъ простъ. Ваша обязанность—учиться выражать свои мысли. Кромѣ того, повѣрьте, что писатель, если только онъ достойно занялъ постъ святого общественнаго служенія, всегда сумѣетъ понять присланный ему протестъ или одобреніе. Если онъ любитъ свое дѣло, понимаетъ его великое значеніе, онъ поймѣтъ и тѣ побужденія, которыя васъ заставили взяться за перо... Если же читатель не вступаетъ въ взаимодѣйствіе съ писателемъ, не дѣлится

съ нимъ своими впечатлѣніями, оставляетъ все внутри себя, если онъ лѣнится написать или разсказать все то, что думаетъ и чувствуетъ, по поводу прочитаннаго,—тогда вы даете намъ поводъ не считаться съ такимъ судьей и критикомъ...

Но, вѣдь, это ужасный прецедентъ! Вы видѣли, куда мы съ нимъ пришли! Всякій вашъ протестъ пріятнѣе теперешняго равнодушнаго молчанія! Въ немъ, по крайней мѣрѣ, видна жизнь, видна мысль, видно желаніе считаться со словомъ, идущимъ, благодаря печатному станку, въ широкія массы. Посмотрите на читателя южанина: какъ онъ твердо начинаетъ проявлять свое я! И мнѣ кажется, съ юга пойдетъ наше оздоровленіе...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Необходимое введеніе	1
«Сторонніе», «независящія» обстоятельства	9
Приходъ коммерсанта-издателя	24
Ego pia desideria	28
Реклама	30
О перепечаткахъ, юбилеяхъ, обманахъ etc.	37
Наша матеріальная необезпеченность	43
Наша зависимость отъ издателей	62
«Гадъ заводится»	65
«Объективность» и «универсальность»	68
Замаскированная разнузданность	79
Она же въ открытую	90
Конкурренція изданій	96
Обращеніе въ клоаку	99
Театральные рецензенты	110
Женщины-журналисты	113
Надо отгородиться	116
Какъ бороться съ произволомъ издателей	119
Редакція-коллегія	142
Недочеты современной редакціонной организаціи	160
Необходимъ гласный судъ чести	170
Сила связи писателя къ читателямъ	172

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.				*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
9	Подъ эпиграфомъ			«*Спб. Жизнь*»	«*Сиб. Жизнь*»
20	12	строка	сверху	правится	правителя
21	18	»	»	въ	вы
42	3	»	»	великолѣпо	великолѣпно
104	8	»	снизу	называется	называется.
105	9	»	»	Въ 1893	Въ 1893 г.
171	10	»	сверху	въ 1902 году	въ 1903 году

М. В. ПИРОЖКОВЪ и К°.

Спб., В. О., 3 л., д. 10

(„Литературная Книжная Лавка“).

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ.

1902 и 1903 гг.

Литературный и Публицистическій Отдѣлъ.

АНДРЕЕВСКІЙ, С. А. **Литературные очерки** (3-е дополненное изданіе «Литературныхъ чтеній»).

Содержаніе: Поэзія Баратынскаго.—«Братья Карамазовы».—Всеволодъ Гаршинъ.—О Некрасовѣ.—Лермонтовъ.—Изъ мыслей о Львѣ Толстомъ.—Тургеневъ.—Городъ Тургенева.—Гюи Де-Мопассанъ.—Книга Башкирцевой.—Къ столѣтію Грибоѣдова.—Вырожденіе риѳмы.—Театръ молодого вѣка.

Спб. 1902 г. 1 р. 50 к.

***Мельхіоръ-де*-ВОГЮЭ.** **Максимъ Горькій.** Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф.

Спб. 1902 г. 25 к.

ГИППІУСЪ, З. (Мережковская). **Третья книга разсказовъ.**

Содержаніе: Сумерки духа.—Кабанъ.—Комета.—Слишкомъ ранніе.—Святая плоть.—Святая кровь.

Спб. 1902 г. 2 р.

ГОРИНЪ, Н. **Основныя идеи произведеній Максима Горькаго.** Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 30 к.

КАНАДѢЕВЪ, И. Н. **Очерки закавказской жизни.** Томъ I. Спб. 1902 г. 2 р.

ЛАНДСБЕРГЪ, Г. **Долой Гауптмана!** Переводъ съ нѣм. М. Семенова. Москва. 1902 г. 70 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДѢЛО. **Сборникъ.**

Содержаніе: **Евг. Чириковъ.** На дворѣ во флигелѣ. *Бытовыя картины*, поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ.—**Скиталецъ.** Пѣсни скитальца. *Стихотворенія.*—**Евг. Тарле.** Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—**Танъ.** На красномъ камнѣ. *Повѣсть.*—**А. М. Вербовъ.** *Стихотворенія*—**В. Богучарскій.** Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—**В. Вересаевъ.** На эстрадѣ. *Эскизъ.*—**С. Булгаковъ.** Вяземцовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели.*—**А. Лукьяновъ.** *Стихотворенія.*—**В. І. Дмитріева.** Волки. *Разсказъ.*—**Николай Бердяевъ.** Къ философіи трагедіи. *Морисъ Метерлинкъ.*—**Вас. Брусянинъ.** Пѣвучая гитара. *Разсказъ.*—**Галина.** *Стихотворенія.*—**Скиталецъ.** Атаманъ. *Разсказъ.*—**З. К.** Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—**Танъ.** *Стихотвореніе.*—**Иванъ Новиковъ.** *Два очерка*: 1) Къ жизни, 2) Ландыши.—**Иванъ Странникъ.** Изъ настроеній современной французской литературы.—**Вл. Муриновъ.** *Разсказъ.*—**Проф. Евг. Аничковъ.** Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. **Любовь сильнѣе смерти.**

Содержаніе: «Любовь сильнѣе смерти», итальянская новелла XV в.—«Наука любви», итальянская новелла XV в.—«Микель-Анжело», хроника XVI в.—«Святой Сатиръ», флорентинская легенда.

Москва. 1902 г. 1 р. 35 к.

ПЕРЕТЦЪ, В. Н. **Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго.** Спб. 1903 г. 3 р. 50 к.

ПЕРЦОВЪ, П. П. **Первый сборникъ.**

Содержаніе: Славянофильство.—Литература и театръ.—Путевые очерки.

Спб. 1902 г. 1 р.

ПОЗНЯКОВЪ, Н. И. **Разсказы** (*Для школъ и народа*).

1) Вѣсть.—Суета. Спб. 1902 г. 5 к.
2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к.
3) Заломъ. Спб. 1902 г. 5 к.
4) На бѣдность. Спб. 1902 г. 5 к.
5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. 5 к.
6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. 5 к.
7) Переполохъ. Спб. 1902 г. 5 к.
8) Револьверъ. Спб. 1902 г. 5 к.

Допущены **Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ безплатн. народн. читальни и библіотеки.

Философія.

ТАННЕРИ, П. **Первые шаги древне-греческой науки.** Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. **А. И. Введенскаго** *и съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до* **Платона.** Спб. 1902 г. 2 р.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также **Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ** въ духовныя семинаріи.

ЮМЪ, Давидъ. **Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія.** (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

Математика.

СЕРРЕ (J.-A.). **Прямолинейная тригонометрія,** въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **руководства** для средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

СЕРРЕ (J.-A.). **Сферическая тригонометрія,** въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 40 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Естественныя науки.

Сэръ Джонъ ЛЭББОКЪ. **Шесть главъ популярной естественной исторіи.** Съ 90 рисунками. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. 60 к., въ изящн. пер. 95 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. завед. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

МОРГАНЪ, Ллойдъ. **Изъ міра животныхъ.** Съ 53 рис. художника В. Рау. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. **1** р. **50** к., въ изящн. пер. **1** р. **90** к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученическія библ. всѣхъ учебн. завед. Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Учебники.

WEYERT, J. (ВЕЙЕРТЪ, И.). **Deutsches Lesebuch** für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I u. II. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen **35** Kop. 1902 г. — **Нѣмецкая книга для чтенія** для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I и II. Спб. Ц. каждой части **35** к. Часть I. Статьи по исторіи. Часть II. Статьи по естествознанію.

Допущены **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки.

До 1902 г.

Литературный и Публицистическій Отдѣлъ.

АНДРЕЕВИЧЪ. **Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ.** Спб. 1900 г. **1** р. **50** к.

д'АННУНЦІО, Габріэле. **Мертвый городъ.—Джіоконда.—Слава.** Трагедіи. Пер. съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. Москва. 1900 г. **1** р. **25** к.

БОРХСЕНІУСЪ, Е. И. **Представители реальнаго романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи.** Спб. 1889 г. **60** к.

БРЮСОВЪ, Валерій. **Tertia vigilia.** Книга новыхъ стиховъ. Москва. 1900 г. **1** р.

ГАМСУНЪ, Кнутъ. **Сьеста.** Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Москва. 1900 г. **1** р.

ГИППІУСЪ, З. (Мережковская). **Новые люди.** Первая книга разсказовъ.

Содержаніе: Яблони цвѣтутъ. — Ближе къ природѣ. — Богиня. — Простая жизнь. — Голубое небо. — Смиреніе. — Стихотворенія. — Месть. — Легенда. — Цыганка. — Время. — Совѣсть. — Одинокій. — Миссъ Май.

Спб. 1896 г. **1** р. **50** к.

» **Зеркала.** Вторая книга разсказовъ.

Содержаніе: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Родина.—Утро дней.—Луна.—Стихотворенія.—Златоцвѣтъ.

Спб. 1898 г. **1** р. **50** к.

ИБСЕНЪ, Генрикъ. **Когда мы мертвые проснемся.** Драматическій эпилогъ въ 3 дѣйствіяхъ. Переводъ съ норвежскаго Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Москва. 1900 г. **50** к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. **Вѣчные спутники.** Портреты изъ всемірной литературы.

Содержаніе: Акрополь. — Дафнисъ и Хлоя. — Маркъ Аврелій. — Плиній Младшій. — Кальдеронъ. — Сервантесъ. — Монтань. — Флоберъ. — Ибсенъ. — Достоевскій. — Гончаровъ. — Майковъ. — Пушкинъ.

Спб. 1897 г. **2** р.

ПЕРЦОВЪ, П. П. **Философскія теченія русской поэзіи.** Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. *Андреевскаго*, Д. С. *Мережковскаго*, Б. В. *Никольскаго*, П. П. *Перцова* и Вл. С. *Соловьева*.

Содержаніе: А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынскій.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—В. П. Огаревъ.—Ѳ. И. Тютчевъ.—Гр. А. К. Толстой.—А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. Н. Апухтинъ.—Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Спб. 1896 г. 2 р.

ПЕРЦОВЫ, П. и В. **Молодая поэзія.** Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. 1 р.

РОЗАНОВЪ, В. В. **Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго.**

Содержаніе: Изъ загадокъ человѣческой природы.—Иродова легенда.—Истинный «fin de siècle».—Номинализмъ въ христіанствѣ.—Семья какъ религія.—Бракъ и христіанство.—С. Ѳ. Шарапову, напомнившему слова: «Могій вмѣстити—да вмѣститъ».—Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго.

Спб. 1901 г. 1 р. 50 к.

» **Литературные очерки.**

Содержаніе: Старое и новое.—Литературная личность Н. Н. Страхова.—Три момента въ развитіи русской критики.—Позднія фазы славянофильства: 1) Н. Я. Данилевскій и 2) К. Н. Леонтьевъ.—Катковъ, какъ «государственный человѣкъ».—Литературно-общественный кризисъ.—«Вѣчно-печальная дуэль» (М. Ю. Лермонтовъ).—50 лѣтъ вліянія (юбилей В. Г. Бѣлинскаго).—Съ юга.—Замѣтки о Польшѣ.—О писателяхъ и писательствѣ (замѣтки и наброски).—Памяти усопшихъ: 1) О. И. Каблица (Юзова), 2) Ю. Н. Говорухи-Отрока, 3) Н. Н. Страхова, 4) Ѳ. Э. Шперка, 5) Я. П. Полонскаго.

Спб. 1899 г. 1 р.

» **Природа и исторія.** Сборникъ статей.

Содержаніе: Вопросъ о происхожденіи организмовъ.—Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора.—Красота въ природѣ и ея смыслъ.—Часть и цѣлое.—О чудесномъ въ мірѣ.—Что иногда значитъ «научно объяснить» явленіе?—Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ.—Смѣна міровоззрѣній.—Двѣ философіи (критическая замѣтка).—Замѣтки объ исторіи: 1) о государствѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ, 2) объ эпохахъ русской исторіи.—Книга особенно замѣчательной судьбы.

Спб. 1900 г. 1 р.

» **Религія и культура.** Сборникъ статей.

Содержаніе: Мѣсто христіанства въ исторіи.—Психологія русскаго раскола.—Черта характера древней Руси.—Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ.—О студенческихъ безпорядкахъ.—Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ.—Франко-русскія впечатлѣнія.—Демократизація живописи.—Гдѣ истинный источникъ «борьбы вѣка»?—О символистахъ и декадентахъ.—Теперь и прежде.—Христіанство пассивно или активно?—Кроткій демонизмъ.—Сѣмя и жизнь.—Смыслъ аскетизма.—Женщина передъ великою задачею.—Нѣчто изъ сѣдой древности.—Эмбріоны.—Библіографія.

Спб. 1901 г. 1 р. 20 к. Изданіе 2-е.

» **Сумерки просвѣщенія.** Сборникъ статей по вопросамъ образованія.

Содержаніе: Сумерки просвѣщенія.—Три главныхъ принципа образованія.—Афоризмы и наблюденія.—Педагогическія трафаретки о

гимназической реформѣ 70-хъ годовъ.—Представленіе о Россіи въ годы учебной реформы. — Городъ и школа. — Семья какъ истинная школа. — Границы закона. — Безпочвенность русской школы. — Два типа образованія.—Библіографія.

Спб. 1899 г. 1 р.

СОЛОГУБЪ, Ѳ. **Стихи.** Книга первая. Спб. 1896 г. 50 к.

Тѣни. Разсказы и стихи.

Содержаніе: Червякъ. — Тѣни. — Къ звѣздамъ. — Стихи (книга вторая).

Спб. 1896 г. 1 р.

СОЛОВЬЕВЪ, В. Н. **Посмертный сборникъ.** Разсказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле.

Спб. 1901 г. 1 р.

ТЬЕРРИ, Ж. **Маска** (Поклонники Изиды). Романъ въ 3 ч. Переводъ съ франц. А. Л. Коморской съ предисл. Ив. Порошина.

Спб. 1900 г. 1 р.

ШЕСТАКОВЪ, Д. П. Стихотворенія. Спб. 1900 г. 1 р.

ШНИТЦЛЕРЪ, Артуръ. **Зеленый попугай.** Трилогія: *Парацельзъ.* — *Подруга.*—*Зеленый попугай.* Переводъ М. О. И.

Москва. 1900 г. 60 к.

Печатаются:

БОРОЗДИНЪ, А. К., проф. **Литературныя характеристики.** — **Девятнадцатый вѣкъ.** 3 тома. I-ый томъ оконченъ печатаніемъ. 1 р. 75 к.

Томъ I. Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія.—Литературные и общественные взгляды Карамзина.—Романтизмъ.—Поэзія В. А. Жуковскаго.—Крыловъ и Грибоѣдовъ.—Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина.—А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности.—Поэтъ «гражданской скорби» двадцатыхъ годовъ. — Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева. — Журналистъ двадцатыхъ годовъ.—Поэзія М. Ю. Лермонтова.—Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество. — Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій. — Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса.

Томъ II. *Печатается.* Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики. — Т. Н. Грановскій. — А. И. Герценъ. — К. Д. Кавелинъ.—Семья Аксаковыхъ.—А. С. Хомяковъ.—И. В. Кирѣевскій.—Ю. Ѳ. Самаринъ. — Н. Я. Данилевскій. — И. С. Тургеневъ. — Д. В. Григоровичъ.—Поэзія Н. А. Некрасова.—Гр. А. К. Толстой.—Ѳ. И. Тютчевъ.— Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. А. Фетъ.—И. А. Гончаровъ.—А. Ѳ. Писемскій.—А. Н. Островскій.

Томъ III. *Приготовляется къ печати.* Ѳ. М. Достоевскій. — Гр. Л. Н. Толстой и русскій историческій романъ.—Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Отраженіе общественныхъ настроеній въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Н. С. Лѣсковъ.—Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. — Г. И. Успенскій. — П. Д. Боборыкинъ. — В. И. Немировичъ-Данченко. — В. Г. Короленко. — И. Н. Потапенко. — А. П. Чеховъ. — Максимъ Горькій. — В. Вересаевъ.—Леонидъ Андреевъ.—А. Н. Апухтинъ. — Д. С. Мережковскій.—Н. М. Минскій.—П. Я.—Бальмонтъ.—Фофановъ.—Вл. С. Соловьевъ.—Интересъ къ этикѣ въ русской философіи.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. **Л. Толстой и Достоевскій.** Тт. I и II. 3-е изданіе.

I-ый томъ оконченъ печатаніемъ.

СЕРРЕ (J.-A.). **Ариѳметика,** въ перев. М. В. Пирожкова.

СЕРРЕ (J.-A.). **Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій,** въ переводѣ М. В. Пирожкова. 50 к.

БЕРТРАНЪ, Ж. **Дифференціальное и интегральное исчисленіе,** въ пер. М. В. Пирожкова. 2 большихъ тома in-4 во франц. изданіи (около 1500 стр.). Цѣна по подпискѣ отдѣльно на каждый томъ 5 р. По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Всѣ переводы—безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

«БИБЛІОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ».— «ОТКРЫТІЕ ЗЕМЕЛЬ».

Подъ ред. П. А. Беркоса.

Сильная дѣятельность, проявленная въ послѣднее время какъ нашимъ отечествомъ, такъ и другими государствами въ изслѣдованіи малоизвѣстныхъ странъ, вызвала снаряженіе различныхъ экспедицій. Экспедиціи эти зачастую кромѣ чисто научныхъ цѣлей преслѣдуютъ и торговопромышленныя, изыскивая новые рынки для сбыта товаровъ своихъ отечественныхъ странъ. По возвращеніи, богатый матеріалъ, собранный въ малокультурныхъ и дикихъ странахъ, обрабатывается и издается въ свѣтъ, руководя такимъ образомъ часто фабриканта и промышленника въ выдѣлкѣ того или другого товара или въ направленіи его въ извѣстныя страны, гдѣ въ немъ есть потребность.

Къ сожалѣнію, Россія, несмотря на различныя мѣры, принимаемыя для развитія ея торговопромышленной дѣятельности, не можетъ еще выдерживать конкуренціи съ своими западно-европейскими соперниками. Такое положеніе дѣлъ есть слѣдствіе различныхъ причинъ, въ обсужденіе которыхъ мы не будемъ входить, но, по нашему мнѣнію, недостатокъ въ русской литературѣ подлинныхъ описаній путешествій какъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей, такъ и иностранныхъ, въ переводѣ, тормозитъ дѣло торговли Россіи съ иностранными государствами.

Кромѣ того, русское юношество да и вообще все русское общество лишено такимъ образомъ особаго рода литературы, способствующей развитію духа иниціативы и энергіи въ исполненіи своихъ плановъ, дающаго часто высокіе образцы безкорыстнаго служенія идеальнымъ стремленіямъ человѣчества и представляющаго въ то же время увлекательное чтеніе.

Предпринимая изданіе **„Библіотека путешествій“. — „Открытіе земель“**, мы вмѣстѣ съ современными изслѣдованіями, отвѣчающими на интересующіе общество вопросы, дадимъ также рядъ описаній классическихъ путешествій Ливингстона, Кука, Франклина и др., не существующихъ въ настоящее время на русскомъ языкѣ, или изданныхъ въ извлеченіяхъ и пересказахъ.

Стремясь сдѣлать наше изданіе какъ можно болѣе привлекательнымъ и доступнымъ, мы широко будемъ снабжать его иллюстраціями, не жалѣя расходовъ на внѣшность книгъ, и выпускать періодически (**по подпискѣ**), при чемъ въ первый годъ будетъ выпущено 6 книгъ, въ среднемъ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ въ каждой, стоимостью отъ **2** р. до **2** р. **50** к. Изданіе будетъ выпускаться въ изящныхъ переплетахъ.

Печатается описаніе гренландскихъ путешествій **Пири: „Сквозь льды къ сѣверу“** и готовится къ печати: **„Африка и ея изслѣдованіе“**.

При подпискѣ вносится **3** р.

Складъ изданія и подписка у М. В. Пирожкова, Спб., В. О., 3 л., д. 10 („Литературная Книжная Лавка“).

ОБЩІЙ КАТАЛОГЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНАГО СКЛАДА

М. В. ПИРОЖКОВА.

Спб., В. О., 3 л., д. 10.

(„Литературная Книжная Лавка“).

Философія.

Таннери, П. *Первые шаги древне-греческой науки.* Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. **А. И. Введенскаго** и съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до Платона. Спб. 1902 г. 2 р.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** *въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также* **Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ** *въ духовныя семинаріи.*

Шопенгауэръ, А. *Міръ какъ воля и представленіе.* Популярное изложеніе съ введеніемъ В. М. Голикова. Спб. 1902 г. 60 к.

Юмъ Давидъ. *Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія* (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

Математика.

Бертранъ, Ж. *Алгебра*, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1899 г. 3 р.

Часть II (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Содержаніе: Глава I. **Дополненіе къ элементарной алгебрѣ** (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логариѳмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ). — Глава II. **Теорія производныхъ** (производныя отъ явныхъ функцій съ одною перемѣною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логариѳмовъ и числа π).— Глава III. **Общая теорія уравненій** (основные принципы численныхъ уравненій какой-угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма).—Глава IV. **Конечныя разности** (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій).—**Приложеніе** (разложеніе раціональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія; рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрены **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для фундам. библ. всѣхъ средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв. и для ученич. библ. старшаго возраста мужск. гимн. и реальн. училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** воен.-учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ.

Бертранъ, Ж. *Ариѳметика*, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. 2 р.

Ивановъ, А. А., д-ръ астрономіи и геодезіи. *Вращательное движеніе земли.* Спб. 1895 г. 75 к.

——— *Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ.* Спб. 1901 г. 50 к.

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для ученическ. библ. гимназій и реальныхъ училищъ.

——— *Теорія прецессіи.* Спб. 1899 г. 1 р. 50 к.

Петерсенъ, Ю. *Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе.* Перевелъ Ѳ. П. Крутиковъ. Москва. 1892 г. 70 к.

Пирожковъ, М. В. *Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ.* Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Пирожковъ, М. В. *Дополнительныя статьи по Алебрѣ.* Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Спб. 1900 г. 75 к.

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣлевныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для фундам. библ. всѣхъ средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв. и для ученич. библ. старшаго возраста мужск. гимн. и реальн. училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** воен.-учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ.

Серре (J.-A.). *Прямолинейная тригонометрія*, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **руководства** для средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

Серре (J.-A.). *Сферическая тригонометрія*, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 40 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученич., старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. завед.

Чебышевъ, П. Л. *Теорія сравненій.* Спб. 1901 г. 2 р. 3-е изданіе. Изданіе О-ва вспомощ. студентамъ Спб. Университета. Настоящее изданіе исправлено противъ прежняго академикомъ **А. Марковымъ**, при чемъ особенное вниманіе было обращено на таблицы. Книга отпечатана въ типографіи Имп. Акад. Наукъ и на отличной бумагѣ.

Литература, исторія литературы, исторія и публицистика.

Андреевичъ. *Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ.* Спб. 1900 г. 1 р. 50 к.

Андреевскій, С. А. *Литературные очерки.* 3-е дополненное изданіе «Литературныхъ чтеній». Спб. 1902 г. 1 р. 50 к.

д'Аннунціо, Габріэле. *Мертвый городъ.—Джіоконда.—Слава.* Трагедіи. Пер. съ итал. Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. 1 р. 25 к.

Борхсеніусъ, Е. И. *Представители реальнаго романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи.* Спб. 1889 г. 60 к.

Брюсовъ, Валерій. *Tertia vigilia.* Книга новыхъ стиховъ. М. 1900 г. 1 р.

Мельхіоръ де **Вогюэ.** *Максимъ Горькій.* Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Пер. А. Б. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

Гамсунъ, Кнутъ. *Сьеста.* Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. 1 р.

Гиппіусъ, З. (Мережковская). *Новые люди.* Первая книга разсказовъ. Спб. 1896 г. 1 р. 50 к.

——— *Зеркала.* Вторая книга разсказовъ. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

——— *Третья книга разсказовъ.* Спб. 1902 г. 2 р.

Горинъ, Н. *Основныя идеи произведеній Максима Горькаго.* Съ портретомъ. Спб 1902 г. 30 к.

Ибсенъ, Генрикъ. *Когда мы мертвые проснемся.* Драматическій эпилогъ въ 3 д. Переводъ съ норвежскаго Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. М. 1900 г. 50 к.

Канадѣевъ, И. Н. *Очерки закавказской жизни.* Томъ I. Спб. 1902 г. 2 р.

Ландсбергъ, Г. *Долой Гауптмана!* Переводъ съ нѣм. М. Семенова. М. 1902 г. 70 к.

„Литературное Дѣло“. Сборникъ. Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

Содержаніе: **Евг. Чириковъ.** *«На дворѣ во флигелѣ»*, сцены, поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ.—**Скиталецъ.** Пѣсни скитальца.—**Евг. Тарле.** Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—**Танъ.** «На красномъ камнѣ».—**А. М Вербовъ.** Стихотворенія.—**В. Богучарскій.** Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—**В. Вересаевъ.** «На эстрадѣ».—**С. Булгаковъ.** Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой.—**А. Лукьяновъ.** Стихотворенія.—**В. І. Дмитріева.** «Волки».—**Николай Бердяевъ.** Къ философіи трагедіи. Морисъ Метерлинкъ.—**Вас. Брусянинъ.** «Пѣвучая гитара».—**Галина.** Стихотворенія.—**Скиталецъ.** «Атаманъ».—**З. К.** Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—**Иванъ Новиковъ:** 1) «Къ жизни»; 2) «Ландыши».—**Иванъ Странникъ.** Изъ настроеній современной французской литературы.—**Вл. Муриновъ.** «Скандалъ».—**Проф.**

Евг. Акичковъ. Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ. Спб. 2 р. 25 к.

Мережковскій, Д. С. *Вѣчные спутники.* Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897 г. 2 р.

——— *Любовь сильнье смерти.* Итальянскія новеллы XV и XVI вв. М. 1902 г. 1 р. 35 к.

Перетцъ. В. Н. *Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы.* Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902 г. 3 р. Томъ I и II *распроданы.*

——— *Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв.* Спб. 1899 г. 1 р. 60 к.

——— *Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды.* I. Къ исторіи Громника. Спб. 1899 г. 1 р. 30 к.—II. Къ исторіи Лунника. Спб. 1901 г. 1 р. 50 к.

——— *Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго.* Спб. 1903 г. 3 р. 50 к.

Перцовъ, П. П. *Первый сборникъ.* Славянофильство.—Литература и театръ.—Путевые очерки. Спб. 1902 г. 1 р.

——— *Философскія теченія въ русской поэзіи.* Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Спб. 1896 г. 2 р.

Перцовы, П. и В. *Молодая поэзія.* Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. р.

Позняковъ, Н. И. *Святочные разскаы:* 1) Вѣсть.-Суета. Спб. 1902 г. 5 к.,) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к., Заломъ. Спб. 1902 г. 5 к., 4) На бѣдость. Спб. 1902 г. 5 к., 5) Незнакомецъ. пб. 1902 г. 5 к., 6) Первый визитъ. пб. 1902 г. 5 к., 7) Переполохъ. Спб. 902 г. 5 к., 8) Револьверъ. Спб. 1902 г. к.

Допущены **Особымъ Отдѣломъ Учего Комитета** Мин. Нар. Просв. въ платныя народныя читальни и библіотеки.

Розановъ, В. В. *Въ мірѣ не яснаго и рѣшеннаго.* Спб 1901 г. 1 р. 50 к.

——— *Литературные очерки.* Спб. 99 г. 1 р.

——— *Природа и исторія.* Спб. 1900 г. р.

——— *Религія и культура.* Сборникъ тей. 2-ое изд. Спб. 1901 г. 1 р. 20 к.

——— *Сумерки просвѣщенія.* Спб. 0 г. 1 р.

оловьевъ, В. Н. *Посмертный сбор-* Разсказы, стихи, путевые очерки. портретомъ автора и факсимиле. 1901 г. 1 р.

Сологубъ, Ѳедоръ. *Стихи.* Книга первая. Спб. 1896 г. 50 к.

——— *Тѣни.* Разсказы и стихи. Спб. 1896 г. 1 р.

Тьерри. Ж. *Маска* (Поклонники Изиды). Романъ въ 3 ч. Пер. съ франц. А. Л. Коморской съ предисловіемъ Ив. Порошина. Спб. 1900 г. 1 р.

Церетели, Е. *Елена Іоанновна,* великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Рек. **Уч. Ком. Мин. Нар Просв.** для фундамент. и ученическихъ библ. всѣхъ среднихъ уч. заведеній и одобрена для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Шестаковъ, Д. П. *Стихотворенія.* Спб. 1900 г. 1 р.

Шпитцлеръ, Артуръ. *Зеленый попугай* Трилогія. Переводъ М. О. И. Москва. 1900 г. 60 к.

Естественныя науки.

Беркосъ, П. А. *Медицинская Зоологія.* Составлена по лекціямъ проф. **Н. А. Холодковскаго.** 2 р. 50 к.

——— *Практическая Зоотомія:* Вып. 1-й. **Лягушка.** Спб. 1899 г. 50 к. Вып. 2-й. **Рѣчной Ракъ.** Спб. 1899 г. 30 к. Вып. 3-й. **Окунь и Щука.** Спб. 1899 г. 40 к. Вып. 4-й. **Беззубка.** Спб. 1901 г. 30 к.

Допущены **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученич., старшаго возраста, библіотеки муж. средн. учебн. завед

Ингеницкій, И. *Заграничные наброски.* (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб 1898 г. 50 к.

Лэббокъ. Джонъ. *Шесть главъ популярной естественной исторіи.* Съ 90 рис. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Пер. подъ ред. П. А. Беркоса. Спб. 1902 г. 60 к., въ изящн. перепл. 95 к.

Метерлинкъ, М. *Жизнь пчелъ.* Пер. съ фр. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. Спб. 1902 г. 80 к.

Морганъ, Ллойдъ. *Изъ міра животныхъ.* Очерки. Съ 53 рис. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к., въ изящн. перепл. 1 р. 90 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученическія библіотеки **всѣхъ** учебныхъ заведеній Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Учебныя книги и пособія для низшихъ и среднихъ школъ.

Weyert, J. (Вейертъ, И.). *Deutsches Lesebuch* für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I u. II. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen 35 Кор. 1902. — *Нѣмецкая книга для чтенія* для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. Ч. I. и II. Ц. каждой части 35 к.

Допущены **Уч. Ком. Минист. Нар. Просв.** въ ученическія, старшаго возраста, библ. среднихъ учебн. завед.

Крутиковъ, Ѳ. П. *Пособіе для полнаго рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе,* помѣщенныхъ въ пріемной программѣ Инст. Инжен. Путей Сообщ. Спб. 1899 г. 1 р.

Тивасъ, З. (Z. T.). *Tableau général d'orthographe d'usage.* — Правила французскаго правописанія. Спб. 1897 г. 30 к.

(См. также отдѣлъ математики).

Дозволено цензурою. Спб 28 февраля 1903 г. | Тип. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 4

UC